МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОРАБОТАННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
Москва · 1971

1 М
М 27

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВПШ и АОН
при ЦК КПСС

Настоящая книга представляет собой первую часть учебного пособия по марксистско-ленинской философии, подготовленного кафедрой марксистско-ленинской философии ордена Ленина Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Издание предназначено для слушателей высших партийных школ и высшего звена системы партийной учебы.

Авторский коллектив:

С. И. Попов — гл. I; *А. В. Востриков* и *А. Д. Вислобоков* — гл. II; *А. Г. Спиркин* — гл. III и IX; *Ф. И. Захаров* — гл. IV; *К. В. Мороз* — гл. V, VI, VII; *Л. В. Славнова* — гл. VIII; *Т. И. Ойзерман* — гл. X.

Редакционная коллегия:
А. Д. Макаров, С. И. Попов, Л. В. Славнова

1-5-2
8-Б3-25-71

ГЛАВА I

ПРЕДМЕТ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Диалектический и исторический материализм есть одна из трех составных частей марксизма, его философская основа.

Марксизм, по словам В. И. Ленина, возник не вне столбовой дороги развития мировой цивилизации. В нем было дано научное решение многих вопросов, которые уже были поставлены передовой мыслью человечества; он стал законным преемником всего лучшего, что было создано классической немецкой философией, английской политической экономией, французским утопическим социализмом. Вместе с тем возникновение марксизма означало качественный скачок в развитии научного знания.

Подлинной революцией было и создание марксистской философии — диалектического и исторического материализма. Обобщив данные общественно-исторической практики и научного познания, марксистская философия открыла наиболее общие законы развития мира, в том числе законы развития человеческого общества.

Марксистская философия — это всеобщий метод познания и метод революционного преобразования действительности. Главная ее особенность состоит в том, что она является духовным оружием пролетариата, теоретико-философским выражением его коренных интересов, совпадающих с объективными закономерностями исторического развития, с требованиями общественного прогресса.

Ныне человечество переживает наиболее ответственный исторический период своего развития — эпоху революционного перехода от капитализма к социализму, становления коммунистической общественно-экономической формации. В этих условиях значение революционной теории неуклонно возрастает. Диалектический и исторический

материализм дает философское обоснование стратегии и тактики марксистско-ленинских партий, активно способствуя революционному преобразованию действительности, строительству социалистического и коммунистического общества.

Как и всякая наука, диалектический и исторический материализм имеет свой самостоятельный предмет исследования. Определить предмет философии марксизма-ленинизма — значит выяснить специфику этой науки и ее место в общей системе научного знания.

1. СПЕЦИФИКА ПРЕДМЕТА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Бесконечный в своем многообразии материальный мир отражается в сознании человека. Высшей формой этого отражения является наука. Научное познание стремится охватить действительность во всех ее формах и проявлениях от бесконечно малого до бесконечно большого, от элементарных частиц до самых сложных процессов деятельности мозга человека. Но при этом каждая наука имеет свой самостоятельный предмет исследования.

Под предметом науки понимается какая-то часть или сторона объективной действительности, которая изучается данной, и только данной, наукой. Так, физика изучает свойства и законы движения вещества и полей, биология — жизнь и ее закономерности. Общественные, или социальные, науки, изучают общественную жизнь и законы ее развития.

В качестве предмета научного познания может выступать не только материальный мир, но и различные формы его отражения в человеческом сознании (например, искусство и литература). И даже сама наука может стать объектом научного изучения (например, специальной науки о науке, или науковедения).

Один и тот же объект может изучаться различными науками, каждая из которых находит в нем специфические стороны или отношения. Например, формальная логика исследует законы и формы правильного мышления, а психология подходит к мышлению как особому виду психической деятельности.

Предмет науки следует отличать от ее содержания. Предмет науки — это объект изучения, существующий

независимо от научного познания, а содержание науки — это отражение данного объекта в виде законов, категорий и других научных положений.

Одна из главных задач любой науки — открытие и формулирование объективных законов и закономерностей, присущих предмету ее изучения. Естественные науки изучают механические, физические, биологические, химические законы, а социальные науки — законы развития различных сторон человеческого общества. Но все это законы частные, или специфические. Хотя сфера их действия может быть очень широкой, они всегда ограничены определенными рамками и условиями. Например, законы физики, действительные для всех материальных образований, не способны выразить сущность жизни и отношения между живыми телами, которые изучаются биологией. В свою очередь с помощью биологических законов нельзя понять сущность общественных отношений.

Наряду с частными законами в мире действуют законы наиболее общие, или универсальные, которые и составляют предмет марксистско-ленинской философии.

Марксистско-ленинская философия — наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления.

Основными законами диалектики являются закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и закон отрицания отрицания. Существуют также наиболее общие законы диалектики, которые однако не принадлежат к числу основных. Теоретическим отражением неосновных законов являются такие парные (соотносительные) категории материалистической диалектики как необходимость и случайность, возможность и действительность, форма и содержание и т. д.

Наиболее общие законы выражают всеобщие, универсальные связи, царящие в природе и обществе. Эти же связи в специфической форме проявляются и отражаются в сознании людей, выступая в качестве наиболее общих законов познания, мышления. Каково же соотношение между законами природы и общества, с одной стороны, и законами мышления — с другой? На этот вопрос марксистско-ленинская философия дает четкий ответ: первые являются первичными, существующими вне и независимо от человеческого сознания, вторые производны от первых, являются их отражением.

Такой ответ вытекает из последовательно материалистического решения *основного вопроса философии*. В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельс указывает, что вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе является основным, высшим, великим вопросом философии. В зависимости от того, как отвечают философы на этот вопрос, они разделяются на два больших лагеря — материалистов и идеалистов. Философы, которые признают первичным материю, бытие, а вторичным — сознание, мышление, составляют лагерь материализма. Философы же, считающие первичным сознание, мышление, а вторичным — материю, образуют лагерь идеализма.

Основной вопрос философии имеет и вторую сторону: способно ли человеческое сознание познать объективный мир, быть более или менее правильным его отражением? Диалектический материализм утвердительно отвечает на этот вопрос.

Почему же вопрос об отношении мышления к бытию является основным вопросом всякой философии? Дело в том, что все существующее может быть отнесено либо к материальному, либо к идеальному, объективному или субъективному. От основного вопроса философии и необходимости его решения не может уйти практически ни одна философская система, причем характер этого решения предопределяет характер решения остальных философских проблем, в том числе и вопроса о предмете и задачах философии.

Создавая свою философию, К. Маркс и Ф. Энгельс покончили с непоследовательностью, свойственной прежнему материализму, в решении основного вопроса философии. Материалистическое решение вопроса о соотношении бытия и сознания Маркс и Энгельс распространили на область человеческой истории, на общество и пришли к выводу о первичности *общественного* бытия и вторичности *общественного* сознания.

Марксистско-ленинская философия дает подлинно научное понимание материи и сознания, вскрывает соотношение между ними. Сознание не пассивное отражение бытия, не простая регистрация действительности. Обладая относительной самостоятельностью, сознание выступает как активная сила, которая воздействует на бытие через общественную практику людей.

Некоторые современные философы, ошибочно трактуя предмет марксистской философии, утверждают, что он ограничивается областью мышления. При этом они ссылаются на слова Энгельса, который писал, что «из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика» [1]. Но из этого высказывания вовсе не следует, будто предмет марксистской философии сводится только к мышлению и его законам. На самом деле Энгельс имел в виду здесь старую философию, натурфилософию, которая претендовала на то, чтобы быть «наукой наук», включала в себя многие специфические законы, составляющие предмет частных наук о природе и обществе. К тому же старая философия не могла вскрыть всеобщих связей и закономерностей в окружающем мире, часто заменяла неизвестные ей действительные связи вещей и явлений идеальными, фантастическими, замещала недостающие факты вымыслами и т. п. Такой подход стал особенно вредным после создания диалектического материализма. «...Современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками» [2], — указывает Энгельс. Старой философии с ее натурфилософским подходом пришел конец, она стала излишней, однако разработанное ею учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика в переработанном виде были использованы новой философией.

Наиболее развитой формой домарксовской диалектики была идеалистическая диалектика Гегеля как наука о мышлении. Маркс и Энгельс, коренным образом переработав гегелевскую диалектику, создали высшую форму диалектики — материалистическую диалектику как науку о наиболее общих законах движения внешнего мира и человеческого мышления. Основоположники марксизма никогда не сомневались в том, что диалектический материализм должен изучать не одни только законы мышления, а прежде всего наиболее общие законы развития материального мира, специфической формой отражения которых и являются законы мышления.

Современные правые ревизионисты заявляют, будто диалектический материализм игнорирует проблему человека. По их мнению предметом марксистской философии

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 25.
[2] Там же.

являются не наиболее общие законы развития природы, общества и мышления, а учение об абстрактной человеческой личности, изолированной от общества и окружающей природной среды. Но эти утверждения правых ревизионистов несостоятельны, ибо именно диалектико-материалистическое решение марксизмом основного вопроса философии позволило впервые в истории выработать подлинно научный взгляд на человека. Весь строй, вся система законов и категорий диалектического и исторического материализма имеют своей задачей изучение человека, его места в природе и обществе, материальных условий существования, социальной и политической среды, духовного мира личности во всем его многообразии и сложности. Сущность человека состоит в совокупности всех общественных отношений, которые в классовом обществе неизбежно принимают классовый характер. Это гениальное открытие марксизма позволило перейти от абстрактных рассуждений о личности вообще к действительно научному изучению человека, взятому в конкретно-исторических условиях его общественного бытия.

Основной вопрос философии есть по существу вопрос об отношении человека к окружающему миру, к природе и обществу. Все законы и категории марксистской философии выступают как формы мышления, познания объективного мира и его отражения в сознании человека, как духовные орудия преобразования действительности. Поэтому ни в каком дополнении особым учением о человеке, или философской антропологией диалектический и исторический материализм не нуждается.

2. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК НАУЧНАЯ СИСТЕМА

Марксистско-ленинская философия представляет собой научную систему, состоящую из законов, категорий и понятий, которые дают объективно истинное отражение наиболее общих закономерностей развития мира.

Характерная особенность марксистской философии — внутреннее единство, неразрывная связь всех ее частей и сторон. Раскрывая принцип структурного единства марксистской философии, В. И. Ленин писал: «В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной

существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» [1]. Этим марксистская философия отличается от предшествующей философии, в которой долгое время (особенно в XVII — XVIII вв.) существовала традиция разделения на обособленные части: онтологию (учение о сущности мира, о бытии как таковом), гносеологию (учение о познании), логику (учение о законах и формах правильного мышления) и т. п., причем этим разделам давалось, как правило, идеалистическое и метафизическое толкование.

Деление философии на изолированные разделы характерно и для некоторых школ современной буржуазной философии.

Единство материализма и диалектики в марксистской философии. Марксистская философия характеризуется прежде всего единством материализма и диалектики. В свое время Ф. Энгельс в полном согласии со взглядами К. Маркса назвал созданный ими новый вид материализма диалектическим. Это название является не случайным, а научно обоснованным, поскольку оно точно выражает основную суть марксистской философии, ее коренное отличие от предшествующей марксизму и современной буржуазной философии.

В буржуазной философии материализм и диалектика не были связаны, ибо материализм был метафизическим, а диалектика — идеалистической. Не было ни одной философской системы, в которой материализм и диалектика находились бы в неразрывном единстве. Только в марксистской философии материализм и диалектика образуют органическое единство, прочный и гармоничный союз.

Объективной основой единства материализма и диалектики является неразрывность материи и форм ее существования, материи и законов ее развития. В мире нет ничего, кроме движущейся материи и ее свойств. И если вечное и бесконечное существование материи находит отражение в философском материализме, то безостановочное и внутренне противоречивое ее развитие выражается в положениях диалектического метода. Как законы развития материи неотделимы от самой материи, так и диалектика в марксистской философии неотделима от материализма.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 346.

Каждый вопрос марксистская философия решает одновременно и материалистически и диалектически. Но хотя материализм и диалектика в рамках марксистской философии неразрывно связаны и не могут существовать друг без друга, было бы неверным говорить о их полном тождестве. Как нельзя отождествлять материю и движение, так нельзя отождествлять материализм и диалектику. В зависимости от угла зрения и характера разбираемого вопроса марксистская философия делает акцент либо на материализм, либо на диалектику.

Диалектический материализм как единство диалектики, логики и теории познания. Материалистическая диалектика выступает как теория познания и логика марксизма. Принцип единства, совпадения диалектики, логики и теории познания В. И. Ленин считал одним из важнейших в марксистской философии.

Теория познания диалектического материализма есть теория отражения внешнего мира. Она исходит из того, что объективный мир более или менее правильно отражается в человеческом сознании. Это признавали и метафизические материалисты. Однако они понимали познание как процесс механического, зеркального отражения предметов в сознании человека, что упрощало действительную картину познания.

На самом же деле познание есть сложный диалектический процесс взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом на основе общественно-исторической практики, активно преобразующей окружающую действительность. Познание — это активно-действенный процесс творческого проникновения человека в объективный мир.

Марксистско-ленинская философия — и в этом ее новаторский характер — впервые ввела в теорию познания общественно-историческую, чувственно-материальную практику и как основу познания, и как единственно возможный критерий истины.

Марксизм не просто применяет диалектику к процессу познания, для него диалектика, как на это неоднократно указывал Ленин, и есть теория познания.

Материалистическая диалектика есть также и логика, но логика не формальная, а диалектическая.

Диалектическая логика потому и называется логикой, что она исследует вопрос о последовательности человеческого мышления. Для того чтобы мышление было последо-

вательным, логичным, необходимо соблюдать законы формальной логики — закон противоречия, закон тождества, закон исключенного третьего, закон достаточного основания. Однако формальная логика — это наука не только о формальной правильности мышления. Она является также и методом отыскания новых результатов. Но, будучи методом отыскания новых результатов в области сравнительно простых, устойчивых отношений, формальная логика не может рассматриваться в качестве общефилософского метода познания. Таковым является материалистическая диалектика. На это прямо указывает в работе «Анти-Дюринг» Энгельс: «Даже формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; и то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения»[1].

Важное значение для понимания сущности диалектической логики имеет работа В. И. Ленина «Еще раз о профсоюзах...», в которой дается прямое сопоставление логики диалектической и логики формальной. В. И. Ленин формулирует здесь требования диалектической логики: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»...» [2].

Теория познания и диалектическая логика — это лишь аспекты, или стороны, одной и той же науки — диалектического материализма. Поэтому нельзя сводить диалектический материализм только к учению о мышлении и познании — к теории познания и диалектической логике. Единство диалектики, логики и теории познания не

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 138.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

означает их абсолютного тождества. Материалистическая диалектика является не только наукой о наиболее общих законах мышления, но также учением о наиболее общих законах развития объективного мира — природы и общества.

Наиболее общие законы познания и наиболее общие законы развития объективного мира тождественны по своему содержанию, но различны по форме проявления. Это, по словам Энгельса, «два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, — а до сих пор большей частью и в человеческой истории — они прокладывают себе путь бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей» [1].

То обстоятельство, что наиболее общие законы развития объективного мира и познания тождественны по своему содержанию, служит основанием для единства диалектики, логики и теории познания. Тот факт, что наиболее общие законы познания и мышления имеют специфическую форму своего выражения, служит основанием для относительного различения теории познания и диалектической логики как особых сторон или аспектов единой науки — диалектического материализма.

Исторический материализм как философско-социологическое учение марксизма. Философский материализм основоположниками марксизма был углублен, развит, доведен до конца, распространен на познание человеческого общества. Таким образом был создан исторический материализм, который является величайшим завоеванием научной мысли.

Диалектический и исторический материализм возникли одновременно как две стороны единой философской науки марксизма, которые не могут существовать друг без друга. При этом диалектический материализм есть общефилософское, а исторический материализм — философско-социологическое учение марксизма.

В рамках единой системы марксистской философии исторический материализм имеет свой относительно самостоятельный, специфический предмет исследования. Прежде всего исторический материализм изучает соотно-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 302.

шение материи и сознания, т. е. решает основной вопрос философии, но применительно к жизни общества. Исторический материализм обосновывает первичность общественного бытия и вторичность общественного сознания, а также вскрывает взаимодействие между материальной и духовной сторонами жизни общества. Исторический материализм изучает наиболее общие закономерности развития истории и представляет собой в силу этого метод научного познания и преобразования социальной действительности. Законы, изучаемые историческим материализмом, выражают специфику общественной жизни как качественно особой и высшей формы движения материи. Это, например, закон об определяющей роли способа производства материальных благ в жизни общества, закон об определяющей роли экономического базиса по отношению к надстройке. Наиболее общие, или, как их иногда еще называют, социологические, законы действуют на всех этапах развития человеческого общества.

Предмет исторического материализма включает также и законы, которые действуют лишь в ряде общественно-экономических формаций (закон классовой борьбы, закон социальной революции и др.).

Система законов и категорий исторического материализма воссоздает картину человеческого общества в его главных, существенных чертах, характеризует общество как социальный организм, вскрывает структуру этого организма, функционирование и взаимодействие всех его сторон и элементов.

В отличие от буржуазной социологии исторический материализм подходит к изучению общества диалектико-материалистически, рассматривая общество в состоянии непрерывного изменения, развития, смены устаревших форм социальной жизни новыми.

Для буржуазной социологии характерен абстрактный подход к обществу, которое, как правило, изображается как раз и навсегда данная система, способная лишь к незначительным, чисто количественным изменениям. В противоположность этому исторический материализм рассматривает не общество вообще, не некую абстрактную модель, годную для всех времен и народов, а конкретно-исторические состояния общества, качественные ступени его развития, называемые общественно-экономическими формациями, которые последовательно и закономерно сменяют друг друга.

Будучи общей теорией исторического развития, исторический материализм в то же время является методом исследования, применимым ко всем наукам об обществе. Каждый закон, каждая категория исторического материализма имеет методологическое значение. Не может быть научного подхода к изучению человеческой истории, если историк не будет пользоваться такими категориями исторического материализма, как общественно-экономическая формация, классы, классовая борьба, социальная революция и т. п. Нельзя обойтись без использования категорий исторического материализма в политической экономии, правоведении, во всех других общественных науках. Сам же исторический материализм, обобщая данные других общественных наук и результаты конкретных социологических исследований, развивает и обогащает свое теоретическое содержание.

Исторический материализм — это социологическое учение марксизма, подлинно научная социология. По словам Ленина, Маркс «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» [1]. Разоблачая в книге «Материализм и эмпириокритицизм» ревизионистов, В. И. Ленин отмечал, что их характеризует все более тонкая фальсификация марксизма «и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии» [2]. Из этих слов ясно, что Ленин считал научную социологию частью марксистской философии. Для него исторический материализм и научная социология были синонимами.

Исторический материализм как единственно последовательная научная социология разрабатывался классиками марксизма-ленинизма не только в результате обобщения общественно-исторической практики, данных других общественных наук, но и на базе конкретных социологических исследований. К последним относятся фактические исследования, которые касаются проявления социологических законов или законов, специфических для развития одной формации, в каких-то ограниченных областях жизни общества. Научная социология немыслима

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 351.

без таких фактических исследований. Образцами единства конкретного, фактического и теоретического подхода к изучению общества служат работы классиков марксизма-ленинизма.

3. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ДРУГИЕ НАУКИ

Диалектический материализм дал четкое определение предмета своего исследования и тем самым по-новому решил вопрос о взаимоотношении между философией и другими науками. В отличие от прежней философии диалектический материализм не претендует на то, чтобы подменять их в решении конкретных проблем. Философия, например, не может сама, помимо физики, изучать строение вещества или взаимодействие элементарных частиц, не может, помимо биологии, решать вопрос о материальных основах наследственности и т. п.

В то же время марксистская философия не может успешно функционировать и развиваться без постоянного обобщения данных естественных и общественных наук. Оторванная от живительной почвы современного научного знания и общественно-исторической практики, философия неизбежно превращается в умозрительную схоластическую конструкцию.

Как уже говорилось, марксистская философия изучает наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Но эти законы не существуют в чистом виде, изолированно от специфических законов, изучаемых частными науками. Наиболее общие законы универсальны, проявляются во всех формах движения материи, которые исследуются частными науками. Поэтому без обобщения результатов частных наук диалектический материализм не в состоянии обогащать и развивать свое теоретическое содержание.

Но если марксистская философия не может обойтись без частных наук, то и эти науки не могут обойтись в своем развитии без диалектического материализма. Дело в том, что марксистская философия выполняет методологическую функцию, выступая по отношению ко всем частным наукам в качестве всеобщего метода познания. Эта функция определяется спецификой предмета марксистско-ленинской философии. В силу своего универсального характера законы и категории диалектического материализма

проявляются в любом научном познании. Для того чтобы успешно развиваться, каждая наука должна подходить к предмету своего исследования диалектико-материалистически — брать его в развитии, в важнейших связях и отношениях, вскрывать его возникновение и т. п., т. е. пользоваться материалистической диалектикой как общефилософским методом познания. Решая конкретные проблемы своей науки, ученый так или иначе исходит из каких-то общих предпосылок философского характера (например, как существует предмет его исследования — объективно или только в сознании познающего субъекта, что́ является источником развития изучаемого предмета и т. п.).

В любой естественной науке можно выделить следующие элементы. Во-первых, основное содержание данной науки, отражающее предмет ее познания в виде законов, категорий, формул и т. п. Сюда же относятся те специфические методы познания, которые вырабатываются каждой наукой. Во-вторых, философское, мировоззренческое истолкование важнейших выводов и достижений данной науки. И в-третьих, социальный аспект науки — выяснение ее места и роли в жизни общества, использование ее достижений в общественной практике. Первый элемент не имеет классового, партийного характера. Содержание естественных наук и частные методы познания, которые ими вырабатываются, являются общечеловеческими научными ценностями, выражают объективную истину. Но философское истолкование достижений естественных наук и использование этих достижений в жизни общества представляют в классовом обществе поле ожесточенной идеологической борьбы.

И если ученый-естественник неизбежно обращается к мировоззренческим вопросам, пользуется каким-то философским методом, то для блага самой же науки необходимо, чтобы он опирался на научную философию, пользовался методом материалистической диалектики.

Конечно, материалистическая диалектика не может освободить ученого от кропотливого исследовательского труда, от необходимости обладать глубокими специальными знаниями. Точно так же общефилософский метод познания не может заменить методы познания частных наук. Тем не менее, не пользуясь методом материалистической диалектики, невозможно дать правильное философское истолкование крупнейшим открытиям в естествознании и в общественных науках. В истории науки были

примеры того, как виднейшие ученые, сделавшие фундаментальные естественнонаучные открытия, оказывались беспомощными, как только переходили к философскому истолкованию этих открытий, и скатывались к идеализму и метафизике. А это в определенной мере сдерживало и развитие самой науки. Так, незнание материалистической диалектики большинством ученых явилось одной из главных причин кризиса в физике, который сопутствовал революции в естествознании, начавшейся на рубеже XIX и XX столетий. «...Естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае» [1],— указывал В. И. Ленин.

Буржуазная философия и философский ревизионизм в условиях империализма паразитируют на великих открытиях в естествознании, на трудностях и противоречиях в развитии науки, имея одну цель — дискредитировать материализм, укрепить позиции идеализма и религии. Без солидного философского обоснования, учил В. И. Ленин, никакие естественные науки не могут выдержать борьбы против буржуазных идей. Чтобы выдержать эту борьбу, ученые-естественники должны быть сознательными сторонниками диалектического материализма. Именно поэтому Ленин завещал укреплять союз между учеными-естественниками и философами-марксистами. Только на основе этого союза диалектический материализм становится воинствующим, успешно сражающимся с идеализмом и метафизикой.

Марксистская философия впервые смогла дать правильный материалистический ответ на вопрос о сущности науки как специфического общественного явления, вскрыть социальную функцию и внутренние закономерности ее развития, определить соотношение между общефилософским и частнонаучными методами познания.

Частные методы, разрабатываемые конкретными науками, не могут заменить материалистической диалектики как общефилософского метода научного познания и преобразования действительности. На эту роль не могут, например, претендовать, как это утверждают некоторые ученые, ни кибернетика, ни математика, хотя выработанные ими методы обладают весьма широким диапазоном

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 31.

действия и применяются во многих науках. Кибернетика и математика отвлекаются от конкретной природы изучаемых объектов, в их методах отражается лишь какая-то одна из сторон действительности. Так, кибернетика, изучая динамические системы управления, процессы преобразования и передачи информации, вскрывает в различных областях объективной действительности и в мышлении закономерности функционирования саморегулирующихся систем. Ее выводы имеют весьма важное значение для естественнонаучного обоснования диалектического материализма, в частности для выяснения связей между неживой и живой природой, для дальнейшей конкретизации понимания материального единства мира. Но тем не менее кибернетика не является философской наукой и ее методы не могут заменить метода материалистической диалектики. То же самое можно сказать и о математике, которая все более широко применяется и в естественных и в общественных науках. Изучая количественные и пространственные отношения и формы, математика отвлекается от их содержания. Именно поэтому она служит для других наук методом изучения количественных закономерностей, предоставляя в распоряжение этих наук специальный аппарат решения многообразных задач, построения и разработки теорий. Однако и математические методы, несмотря на широту их применения, нельзя рассматривать как универсальный философский метод.

Методы, используемые частными науками, обладают различной степенью общности. Теоретические науки могут выполнять методологическую функцию по отношению к частным разделам данной сферы знания. Так, общая биология выступает в качестве методологической основы для ботаники, зоологии и других биологических наук. В условиях дифференциации и интеграции современного научного знания методы, специфичные для какой-либо частной науки, в той или иной степени используются другими науками. Однако это не умаляет роли марксистско-ленинской философии как общеметодологической основы всего научного знания.

Таким образом, тесная связь и взаимовлияние диалектического материализма и частных наук являются важной закономерностью развития научного знания.

4. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Мировоззрением называют систему обобщенных взглядов на мир в целом, в его главных, существенных чертах и закономерностях, а также на место человека в мире. Мировоззрение включает в себя совокупность философских, общественно-политических, естественнонаучных, нравственных, эстетических идей, убеждений и идеалов. Хотя предмет философии в ходе ее исторического развития менялся, тем не менее она всегда формулировала более или менее устойчивый круг вопросов и проблем, носящих мировоззренческий характер. Таковы основной вопрос философии, от ответа на который не может уйти ни одна философская система, и тесно связанные с ним вопросы о единстве мира, о его временны́х и пространственных свойствах, таковы методологическая и гносеологическая проблемы (о методе изучения, о возможностях и путях познания мира), социологические проблемы (о закономерностях развития общества и о месте в нем человека). Неотъемлемой стороной мировоззрения являются этические взгляды, выражающие представления людей о нравственности, о цели и смысле жизни, о добре и зле, справедливости, чести и совести и т. д. К мировоззрению относятся и эстетические взгляды на сущность прекрасного в жизни и искусстве.

Основой, ядром мировоззрения была и остается философия, причем ее мировоззренческая функция не может быть передана ни отдельным наукам, ни всей совокупности частных наук.

В классовом обществе мировоззрение неизбежно приобретает классовый характер. Реакционные классы и общественные слои всегда были заинтересованы в культивировании ненаучного — идеалистического и религиозного мировоззрения. Передовые общественные классы и слои, являющиеся носителями социального прогресса, как правило, придерживались материалистического мировоззрения.

Последовательно научное мировоззрение было создано лишь тогда, когда возник марксизм — идеология революционного класса, пролетариата, кровно заинтересованного в прогрессивном развитии общества. Марксистская философия дала глубоко научное, диалектико-материалисти-

ческое решение тем коренным мировоззренческим проблемам, над которыми билась философия в течение веков и тысячелетий.

Марксистско-ленинская философия занимает особое место в системе научного мировоззрения. Диалектический и исторический материализм не только решает значительную часть мировоззренческих проблем, но и выступает в качестве общефилософского метода по отношению к политической экономии, научному коммунизму, всем общественным и естественным наукам. Марксистская философия образует ядро научного мировоззрения, которое Ленин поэтому называл также диалектико-материалистическим.

Научное диалектико-материалистическое мировоззрение не есть просто система усвоенных знаний. Эти знания, оплодотворенные практикой, личным участием в борьбе за коммунизм, становятся внутренними убеждениями человека, основой его духовного мира, идейным компасом, помогающим не только ориентироваться в окружающей действительности, но и активно изменять ее в соответствии с коммунистическими идеалами.

В. И. Ленин предупреждал, что нельзя научиться коммунизму, невозможно сформировать коммунистическое мировоззрение путем изучения марксизма лишь по книгам. Во-первых, без практической работы, без борьбы знание коммунизма ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, разрыв, составляющий одну из самых отвратительных черт буржуазного общества. Таким путем мы могли бы, по словам Ленина, получить коммунистических начетчиков и хвастунов, которые не смогли бы соединить знания с жизнью и действовать так, как того действительно коммунизм требует. Во-вторых, без знания основ наук нельзя выработать прочного марксистского мировоззрения. «Коммунистом,— говорил Ленин,— стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [1].

Глубокая убежденность в идеалах коммунизма, сознательное отношение к общественному долгу, социалистический интернационализм и патриотизм — таковы важнейшие черты коммунистического мировоззрения, которые необходимы для формирования нового человека.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 305.

Только марксистско-ленинское мировоззрение носит цельный, последовательный характер. Современной же буржуазной философии присущи эклектицизм, попытка уйти от решения коренных мировоззренческих проблем.

Буржуазное мировоззрение переживает ныне глубочайший кризис, являющийся духовным выражением общего кризиса капитализма. Буржуазные идеологи не случайно предают анафеме то, во что верили, за что боролись великие мыслители на заре капиталистического строя. Империализм, означающий реакцию по всем линиям, привел к отказу от всех былых ценностей: прогрессивных общественных идеалов и политических требований, гуманистических принципов и материалистических идей в философии. Прогресс в истории, истина в научном познании, прекрасное в искусстве, справедливость в человеческих отношениях — от всего этого по существу давно уже отказались реакционные идеологи империализма. Что такое прогресс, разум, народ с их точки зрения? По словам известного французского социолога Р. Арона, это лишь отзвуки «великих мифов» прошлого, якобы потерявшие в современных условиях всякий смысл и ценность [1].

Идеологи империализма, используя мощный аппарат буржуазной пропаганды, пытаются привить человеку аполитичность, безыдейность, духовный нигилизм и аморализм, потребительскую психологию и мещанский культ вещей. Они стремятся тем самым отвлечь трудящихся от острейших социальных проблем современности, примирить их с системой государственно-монополистического капитализма.

По своей сущности буржуазное мировоззрение антинародно и аморально. Человеконенавистничество, культ грубой силы и низменных инстинктов, проповедь войны как последнего шанса «свободного мира», расизм и шовинизм — таков характер этого мировоззрения в современную эпоху. Внутренним стержнем, основой буржуазного мировоззрения стал антикоммунизм, проповедующий ненависть к социализму, коммунистическому и национально-освободительному движению, марксистско-ленинской идеологии.

---

[1] *R. Aron.* L'Opium des Intellectuels. Paris, 1955, p. 106.

Проводниками буржуазного мировоззрения в рабочем классе выступали и выступают оппортунисты, правые и «левые» ревизионисты.

«Левые» ревизионисты подменяют марксистско-ленинское мировоззрение мелкобуржуазными концепциями, пропитанными ядом гегемонизма, шовинизма, воинствующего антисоветизма. Теории и практике научного коммунизма они противопоставляют реакционно-утопический и военно-казарменный лжесоциализм.

Правые ревизионисты в духе современной правой социал-демократии требуют отказа от марксистского мировоззрения, заявляют о невозможности научной идеологии, пропагандируют так называемый нейтралитет в области философии. Философия, как и религия, заявляют они, есть «частное дело» каждого члена партии, и во имя «свободы духа» никто не имеет права вмешиваться в его личные убеждения. По мнению, например, французского ревизиониста Р. Гароди, коммунистическая партия не должна опираться на какое-то определенное философское учение, ее принципом будто бы является безразличие к борьбе между материализмом и идеализмом, атеизмом и религией.

Коммунисты уважают свободу совести и убеждений каждого человека и никому не навязывают своих взглядов. Однако коммунистическая партия является добровольным союзом единомышленников, объединенных не только организационными связями, но и общностью политических задач и целей, идейных убеждений и мировоззренческих принципов. Поэтому обязанность каждого члена партии — настойчиво овладевать марксистско-ленинским мировоззрением, творчески применять его принципы в борьбе за социализм и коммунизм, бороться с буржуазной идеологией и религиозными предрассудками.

В современном мире нет и не может быть мировоззренческого нейтралитета, духовного вакуума, ничейного «идеологического пространства». Еще большую актуальность приобрела ленинская постановка вопроса о непримиримости социалистической и буржуазной идеологий, взаимоисключающем характере диалектико-материалистического и идеалистического мировоззрений. Всякое умаление или ослабление марксистского мировоззрения означает усиление мировоззрения буржуазного.

Убедительным доказательством этой истины служит, в частности, деятельность современных правых ревизио-

нистов. Прикрываясь фальшивой вывеской «мировоззренческого нейтралитета», они пытаются привить рабочему классу наихудшие образцы реакционного буржуазного мировоззрения, под видом «творческого развития» марксизма и «борьбы с догматизмом» протаскивают идеалистические и религиозные взгляды. Тем самым они стремятся лишить международный рабочий класс его испытанного духовного оружия, подорвать идейно-теоретические основы коммунистического движения.

Буржуазные идеологи и правые ревизионисты при этом ополчаются против марксистско-ленинского принципа партийности философии, утверждая, будто этот принцип несовместим с научностью, объективностью, непредвзятостью философского анализа. Объявляя «устаревшей» противоположность между материализмом и идеализмом, они пытаются подняться «выше» этих двух коренных направлений, двух единственно возможных партий в философии. Деятелей подобного рода В. И. Ленин вслед за И. Дицгеном относил к «презренной партии середины», а их попытки стать выше материализма и идеализма называл «примиренческим шарлатанством».

Философские партии в конечном счете выражают и защищают интересы различных общественных классов и групп. Именно поэтому в классовом обществе нет и не может быть нейтральной, беспартийной философии. Это подтверждается всем развитием философии, и в особенности опытом идеологической борьбы в современную историческую эпоху. Мнимая беспартийность в области философии, мировоззрения на деле оборачивается тайным протаскиванием идеализма, прислужничеством перед религией, что полностью соответствует интересам реакции. В то же самое время открытая воинствующая партийность марксистско-ленинской философии оказывается органически связанной с научностью, с объективно-истинным отражением мира. Между коммунистической партийностью и научностью потому и существует нерасторжимая связь, что коренные интересы рабочего класса полностью совпадают с объективными законами развития общества, с основной линией исторического прогресса. В воинствующей партийности, в открытом служении интересам рабочего класса сила и действенность марксистско-ленинской философии.

Марксистско-ленинский принцип партийности философии требует решительной и бескомпромиссной борьбы

со всеми проявлениями идеализма и метафизики, последовательного проведения материализма и диалектики, творческого развития революционной теории и умелого ее применения во всех сферах общественно-исторической практики, неустанной пропаганды научного диалектико-материалистического мировоззрения и светлых идеалов коммунизма.

Если современное буржуазное мировоззрение с полным основанием можно назвать системой мироискажения, кривым зеркалом нашей эпохи, то марксистско-ленинское мировоззрение характеризуется не только глубокой научностью и объективно-истинным отражением действительности, но и светлым мироощущением, исторически обоснованным оптимизмом, верой в творческие силы и разум человека, в социальный прогресс, в способность рабочего класса и других трудящихся масс построить под руководством коммунистов общество, целью которого является свободное и всестороннее развитие каждой личности.

5. ТВОРЧЕСКИЙ И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Философы до Маркса и Энгельса свою главную задачу видели в объяснении мира. Задачей же марксистской философии является не только научное познание, но и революционное изменение действительности. Этим определяется творческий, революционно-действенный характер диалектического и исторического материализма.

По самой своей сути марксистско-ленинская философия непримирима к догматизму, к застою и косности мышления. Отражая в своих законах и категориях непрерывно развивающийся мир, диалектический материализм и сам не может стоять на месте. Он развивается, обобщая, осмысливая и истолковывая данные общественно-исторической практики, новейшие достижения частных наук.

Творческий дух марксистско-ленинской философии проявляется также и в том, что она служит теоретическим оружием трудящихся масс, борющихся за преобразование общества на началах социализма и коммунизма. Решающее значение для творческого развития марксистской философии имеет обобщение опыта революционной борьбы народных масс, практики социалистического и коммунистического строительства. Без этого философский

материализм, по словам Ленина, неизбежно становится половинчатым, односторонним, мертвенным.

Диалектический и исторический материализм дает научно-философское обоснование политики, стратегии и тактики марксистско-ленинских партий. «Политическая линия марксизма... неразрывно связана с его философскими основами» [1],— указывал В. И. Ленин.

Отход от принципов материализма и диалектики неизбежно ведет к субъективистским и догматическим ошибкам, к отрыву от революционной практики, к игнорированию интересов народных масс.

Примером творческого применения диалектического и исторического материализма в общественно-политической практике является деятельность Коммунистической партии Советского Союза и других братских марксистско-ленинских партий, успехи социалистического и коммунистического строительства, международного коммунистического и национально-освободительного движения.

Диалектический и исторический материализм является философской основой научного руководства и управления развитием социалистического общества. Революционно-критический дух материалистической диалектики помогает вскрывать и устранять все отжившее, устарелое, ставшее тормозом в развитии социалистического общества, успешно преодолевать возникающие трудности и противоречия.

Марксистско-ленинская философия не только теоретическая основа коммунистического воспитания, она выступает также и как воспитательный фактор первостепенного значения, формируя коммунистическое мировоззрение, способствуя устранению пережитков буржуазной идеологии, идеалистических и религиозных взглядов.

Все это свидетельствует о том, что роль и значение марксистско-ленинской философии в современную эпоху неуклонно повышается.

Революционная действенность марксистско-ленинской философии проявляется в ее интернациональном характере, во всеобщей значимости формулируемых ею законов и категорий.

Интернациональный характер марксистской философии определяется прежде всего ее социальными функциями, поскольку она служит идейным оружием междуна-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418.

родного рабочего класса, является философским выражением его коренных интересов. Интернациональный характер диалектического и исторического материализма выражается далее в его методологической функции как всеобщего метода научного познания и революционного преобразования действительности. Наконец, об интернациональном значении марксистско-ленинской философии свидетельствует и ее мировоззренческая функция: диалектический и исторический материализм есть философская основа научного мировоззрения, имеющего универсальный характер.

Интернациональный характер марксистско-ленинской философии — объект постоянных нападок со стороны современных антикоммунистов и правых ревизионистов. Они пытаются выступать с концепцией «плюралистичности марксизма», согласно которой марксизм неизбежно распадается на различные формы, варианты, направления и т. п. Особые усилия при этом предпринимаются для того, чтобы отделить марксизм от ленинизма, изобразив последний как чисто региональное, восточное или даже специфически русское учение, применимое только для отсталых стран с преобладающим крестьянским населением. Правые ревизионисты отрицают ценность философских трудов В. И. Ленина, не признают существования ленинского этапа развития философии марксизма.

Однако все эти попытки не состоятельны. Тщетны потуги современных ревизионистов оторвать ленинизм от марксизма. Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе, эпохи строительства коммунизма. Ленинизм есть марксизм современной эпохи. Причем если в генетическом отношении ленинизм — это новый этап в развитии марксизма, то в структурном отношении марксизм-ленинизм представляет собой единое, цельное учение, базирующееся как на обобщении всего исторического прошлого человечества, так и на теоретическом анализе закономерностей нынешней эпохи. В законах и категориях марксизма-ленинизма отражается характер современности, выражаются тенденции будущего развития человечества. Вся совокупность общественно-исторической практики современной эпохи свидетельствует о жизненной силе и неувядаемости ленинизма.

В. И. Ленин был не только великим мастером революции, непревзойденным стратегом и тактиком классовой

борьбы, но и гениальным мыслителем, развившим все стороны марксизма, в том числе его философское учение. Труды Ленина составили целую эпоху в философском развитии человечества. Его книга «Материализм и эмпириокритицизм» и другие работы подняли диалектический и исторический материализм на новую ступень, соответствующую революционным открытиям в естествознании, коренным сдвигам в общественном развитии.

Ленинский этап марксизма продолжается и в наше время, когда развитие революционной теории осуществляется коллективными усилиями коммунистических и рабочих партий, верных творческому духу ленинизма. Непрерывно развивается и марксистско-ленинская философия, обогащая свое теоретическое содержание, расширяя сферу воздействия на общественную жизнь.

Духом творческого марксизма-ленинизма проникнуты решения XXIV съезда КПСС, в которых не только подведены итоги развития нашей страны после XXIII съезда партии, но и научно обоснованы пути дальнейшего продвижения советского общества к высотам коммунизма. Как указывается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду, наша партия «неуклонно руководствуется марксистско-ленинской наукой, самой передовой, революционной наукой современности, делает все для ее дальнейшего развития. Теоретическое осмысление явлений общественной жизни, ее главных тенденций, позволяет партии предвидеть ход общественных процессов, вырабатывать верный политический курс, избегать ошибок и субъективистских решений» [1].

Теоретическую работу, в том числе в области марксистско-ленинской философии, Коммунистическая партия Советского Союза рассматривает как свой интернациональный долг. КПСС учитывает, что малейший застой теоретической мысли, повторение изживших себя формул приносит вред общему делу, используется идеологическими противниками, создает питательную почву для распространения ревизионизма.

Руководствуясь марксистско-ленинской философией, КПСС творчески применяет метод материалистической диалектики при решении коренных проблем коммунистического строительства и всего современного общественного развития.

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 101.

ГЛАВА II

МАТЕРИЯ И ФОРМЫ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

1. МАТЕРИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО МИРА

Окружающий человека мир представляет собой бесконечное многообразие взаимосвязанных и взаимообусловленных предметов и явлений. По своей природе мир материален. Все качественно многообразные явления мира суть лишь различные виды вечно движущейся и изменяющейся по своим законам материи. Внешний мир во всех своих проявлениях существует вне сознания и независимо от него. Он представляет собой объективную реальность. Именно в этом и состоит материальность мира.

Материальность природы. Природа — это совокупность предметов и явлений, система их связей и процессов. Материальность природы означает следующее. Во-первых, природа существует вечно и независимо от сознания, она существовала и тогда, когда не было человека, а следовательно и сознания, и что поэтому природа никем не создана. Во-вторых, природа бесконечна в своем протяжении во всех направлениях и поэтому вне природы ничего не существует. В-третьих, природа изменяется благодаря естественным причинам и законам, присущим ей самой, и поэтому она не управляется никакими сверхъестественными силами. Материалистическое понимание природы означает понимание ее такой, какова она есть в действительности, без всяких вымыслов и посторонних прибавлений.

Представление о том, что природа материальна, что она существует независимо от сознания, создавалось у людей в процессе практики, в процессе изменения природы. Практика показала человеку, что его деятельность возможна только благодаря объективному существованию предметов, которые он подвергает изменению. Изменяя предметы сообразно их свойствам, используя предметы

природы в своих интересах, люди убеждались также и в том, что в самих вещах нет ничего сверхприродного, таинственного. Убеждение людей в объективном существовании внешнего мира, природы подкреплялось естествознанием и обобщалось в философских материалистических представлениях о мире как объективной реальности.

В признании материальности природы, ее объективной реальности между различными школами материализма имеется полное сходство. В этом состоит то принципиальное, что коренным образом отличает материализм от идеализма. Разумеется, было бы наивно полагать, будто идеализм отрицает существование телесной, вещественной природы. Таких идеалистов никогда не было. Субъективный идеалист Беркли, например, говорил, что он нисколько не сомневается в том, что вещи, которые он видит своими глазами, трогает своими руками, существуют реально. Но в отличие от материалистов идеалисты исходят из того, что физическая природа существует не сама по себе, без всяких прибавлений, а только как воплощение человеческого сознания или же «мирового духа», «абсолютной идеи». Так, в понимании Гегеля природа есть «идея в форме инобытия», или «отчужденный от себя дух», она существует лишь как ступень развития «абсолютной идеи». Современные неотомисты утверждают, что природа порождена богом, т. е. идеальным началом. Значит, основой вещественной, телесной природы идеалисты считают духовную сущность, тогда как, с точки зрения материализма, сущность природы составляет материя. В этом и заключается коренная противоположность между материализмом и идеализмом во взглядах на природу.

Идеализм, прибегая к сверхъестественным объяснениям природы, обнаруживает всю свою несостоятельность, как только он пытается решить задачу, каким образом из нематериальной, духовной сущности природы может возникнуть телесная, вещественная, физическая природа. В объективной действительности таких сверхъестественных превращений нет и быть не может. Поэтому идеалистическое объяснение природы всегда оказывается лженаучным.

Правильно, материалистически понять природу можно, только не выходя за ее пределы, т. е. не прибегая к вымышленным сверхъестественным силам. Природа — причина

самой себя. Многие из представителей прежнего, метафизического материализма, особенно Спиноза, французские материалисты и Фейербах, были правы, пытаясь объяснить природу из нее самой. Природа, говорил Фейербах, «не творение, не существо, сделанное или созданное из ничего, а существо самостоятельное, объяснимое лишь из себя и производимое лишь из себя...» [1]. В настойчивой попытке объяснить мир из него самого заключается величайшая заслуга многих прежних материалистов.

Однако последовательно и всесторонне объяснить природу из нее самой с позиций метафизического материализма нельзя. Слабая сторона домарксистского материализма состояла в почти полном отсутствии исторического или, точнее, диалектического подхода к объяснению природы. Отдельные гениальные догадки о развитии в природе были у представителей метафизического материализма лишь исключением. В целом же природа понималась ими как раз навсегда данная, неизменная, действующая согласно неизменным общим законам. Ограниченные уровнем естествознания своего времени, материалисты-метафизики рассматривали природу в виде суммы механически взаимодействующих между собой предметов и явлений. Даже Фейербах понимал природу только как совокупность ее многообразных явлений (свет, электричество, магнетизм, воздух, огонь, растение, животное, человек). Идея развития в его представлениях о природе фактически отсутствовала.

Диалектический материализм преодолел прежнее ограниченное объяснение природы. Диалектико-материалистический подход позволил последовательно объяснить природу из нее самой, чего так настойчиво добивались, но не смогли сделать старые материалисты. Благодаря новым открытиям, подтвердившим диалектику в природе, стало возможным определить природу не только как совокупность всех материальных реальностей, но и как систему их связей и процессов развития и изменения. Следовательно, положение некоторых старых материалистов, что природа есть причина самой себя, диалектический материализм дополнил качественно новым положением о том, что в природе повсюду царит диалектика, что природе, по словам Энгельса, присуще диалектическое движение «путем противоположностей, которые и обус-

[1] *Людвиг Фейербах*. Избр. философские произв., т. II. М., 1955, стр. 685.

ловливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга, resp.[1] в более высокие формы» [2].

Материальность общества. Материальный мир включает в себя не только природу, но и общество. Человеческое общество представляет собой наивысшую форму проявления диалектически развивающегося мира. Общество, так же как и природа, есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей. В этом смысле общество материально. Но общество — это качественно особая форма материи. Специфика материальности общества по сравнению с материальностью природы проявляется в двух отношениях. Во-первых, материальность общества выступает не только в виде физической реальности, как это имеет место в природе, но прежде всего в виде социальной реальности, в виде материальных общественных отношений между людьми. Во-вторых, в отличие от природы материальная жизнь общества складывается в процессе производственной деятельности людей, обладающих сознанием. Это, конечно, вовсе не означает, что общественное бытие людей зависит от их воли и сознания. Сложность материальных общественных отношений именно в том и состоит, что они возникают в процессе сознательной производственной деятельности людей и в то же время не зависят от их воли. Люди производят, обмениваются продуктами своего труда вполне сознательно. Они ставят перед собой определенные сознательные цели, добиваются определенных выгод для себя. Но тем не менее их производственная деятельность и отношения, которые существуют между ними в процессе общественного производства, являются материальными, независимыми от их общественного сознания. Складывающееся из производственной деятельности людей их общественное бытие есть объективная реальность, «...объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ... а в том смысле, что общественное бытие *независимо* от *общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь

[1] Соответственно.— *Ред.*

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 526.

развития, независимая от вашего *общественного* сознания...» [1].

Вступая в производство и общение как сознательные существа, люди тем не менее не могут по своему желанию установить те или иные общественные отношения, не могут произвольно предопределить общественные результаты своей производственной деятельности. В предшествовавшей социализму истории эти результаты, как правило, оказывались иными, чем те, каких желали люди. При социализме люди становятся господами своих материальных общественных отношений, но не в том смысле, будто эти отношения становятся зависимыми от их воли, а в том, что люди осознают объективную необходимость социалистических производственных отношений и действуют сообразно с этой необходимостью. Основу общества составляет способ производства материальных благ, который и определяет в конечном счете всю сложную систему общественных отношений между людьми.

Один из главных недостатков старых материалистов состоял в том, что они не могли объяснить общественные отношения, исходя из развития материального производства, выделить из сложной цепи общественных отношений определяющие, основные отношения, т. е. производственные отношения. Последовательное распространение материализма на область общественных явлений, осуществленное основоположниками марксизма, устранило этот коренной недостаток домарксистского материализма. Исходя из анализа капиталистических общественных отношений, марксизм выделил производственные отношения как главные, определяющие все другие общественные отношения между людьми. Марксизм объясняет все изменения в обществе из его собственных внутренних законов развития.

Таким образом, общественное бытие людей, так же как и природа, представляет собой объективную реальность, существующую независимо от воли людей. Мир материален, существует сам по себе, без идеалистических прибавлений, и развивается на основе своих внутренних закономерностей.

При философском и естественнонаучном исследовании и даже при простом наблюдении материального мира резко бросаются в глаза две его особенности: с одной

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 345.

стороны, количественное и качественное многообразие предметов и явлений, а с другой — единство, связь и взаимозависимость всех этих предметов и явлений.

В мире нет таких предметов и явлений, которые были бы совершенно изолированы от всех других. Материальный мир — природа и общество — выступает перед нами как единое целое. Спрашивается, в чем же состоит единство мира? На этот вопрос, как и на другие вопросы философии, могут быть даны принципиально различные ответы: или идеалистический, или материалистический. «...Сколько-нибудь последовательная философия,— писал В. И. Ленин,— может выводить единство мира либо из мышления,— тогда она беспомощна против спиритуализма и фидеизма... и аргументы такой философии неизбежно сводятся к мошенническим фразам,— либо из той объективной реальности, которая существует вне нас, давнымдавно называется в гносеологии материей и изучается естествознанием» [1].

Материалистическое понимание единства мира в корне противоположно идеалистическому. Материализм исходит из признания объективной реальности мира и в нем самом видит его объективное единство, которое лишь раскрывается философией и естествознанием, но не привносится в него извне. Идеализм, напротив, объясняет единство мира существованием духовного начала и прямо смыкается с религией, которая считает, что природа управляется единой волей ее творца — бога.

Выводя единство мира из мышления, из ощущения, из «абсолютной идеи», идеалисты утверждают, будто мир един потому, что мысль о нем едина. Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг» доказал всю нелепость такого взгляда на единство мира. Критикуя подобное положение материалиста Дюринга и называя его уступкой идеализму, он показал, что мысль может объединить элементы сознания в единство лишь в том случае, если это единство уже существовало в их материальных прообразах. Энгельс отверг также положение Дюринга о том, что единство мира заключается в его бытии. Это положение неправильно потому, что за понятием «бытие» может скрываться и идеализм, признающий бытие духовного начала, бытие бога. «Единство мира,— отметил Энгельс,— состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его един-

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 179.

ства, ибо сначала мир должен *существовать*, прежде чем он может быть *единым*... Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания» [1].

Диалектический материализм в отличие от метафизического материализма устанавливает единство вещей и явлений не только как находящихся рядом друг с другом, подле друг друга, но и как развивающихся одних из других. Например, единство неорганической природы и органической, вышедшей из первой, единство живой природы и человеческого общества, появившегося на базе живой природы. Это оказалось возможным только при совмещении принципа единства мира и принципа развития. Как писал В. И. Ленин, «всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.» [2].

Естественнонаучному обоснованию материального единства мира диалектический материализм придает огромное значение. В работе «Материализм и эмпириокритицизм», критикуя махистский идеалистический взгляд на единство мира, В. И. Ленин особо подчеркнул, что естествознание идет к экспериментальному доказательству положения о материальности мира, о его материальном единстве. Открывая все новые и новые явления мира и подвергая их экспериментальной проверке, наука доказывает, что все многообразие мира — это лишь качественно различные виды движущейся материи, что в мире нет ничего сверхъестественного, нет ничего вне материи.

Большой вклад в решение проблемы материального единства мира естествознание внесло еще в XIX столетии. Великое значение в этом отношении имело открытие клеточного строения всех тканей растений и животных, которое показало единство структурной организации живой природы. Клеточная теория послужила основанием для создания сравнительной анатомии, физиологии и эмбриологии. А эти науки устранили ту пропасть, которую ученые видели в прошлом между человеком и всем остальным животным миром. Было доказано значительное

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 43 (разрядка ваша.— *Авт.*).

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 229.

сходство строения человека со строением млекопитающих животных. Благодаря этому можно было выяснить единство процессов, происходящих в живой природе, открыть закономерности, характерные для всех организмов.

Огромную роль в естественнонаучном обосновании материального единства мира сыграло учение Дарвина о происхождении и развитии видов. До этого живая природа рассматривалась как собрание раз навсегда данных, не связанных друг с другом видов животных и растений. Дарвин дал естественнонаучное доказательство того, что существующие теперь организмы, не исключая и человека, представляют собой результат длительного процесса развития из немногих первоначально одноклеточных зародышей.

Дарвиновское учение, установившее связь и преемственность между видами, нанесло сильнейший удар по метафизическим и идеалистическим теориям в биологии. Оно дало также отправной естественнонаучный материал для разработки классиками марксизма социальной проблемы — проблемы происхождения человека и человеческого общества.

Большое значение в естественнонаучном обосновании материального единства мира имел закон сохранения и превращения энергии, отразивший объективно существующие единство и взаимосвязь всех «сил» природы.

Говоря о значении трех естественнонаучных открытий XIX в. для выработки нового, диалектико-материалистического взгляда на природу, Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал: «Благодаря этим трем великим открытиям и прочим громадным успехам естествознания, мы можем теперь в общем и целом обнаружить не только ту связь, которая существует между процессами природы в отдельных ее областях, но также и ту, которая имеется между этими отдельными областями. Таким образом, с помощью фактов, доставленных самим эмпирическим естествознанием, можно в довольно систематической форме дать общую картину природы как связного целого» [1].

Современная наука в доказательстве материального единства мира пошла еще дальше. Проникнув в глубь ядра атома, современные физика и химия установили, что в основе строения бесконечно многообразных, качественно

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 304.

различных макротел лежит сравнительно небольшое число взаимопревращаемых объектов микромира, так называемых элементарных частиц материи. В этой связи особое значение для обоснования материального единства мира имеет созданная физикой протонно-нейтронная теория строения атомного ядра, согласно которой ядра атомов состоят из протонов и нейтронов. Современная атомная теория выражает внутреннюю связь всех химических элементов, их общность, их единство.

Взаимопревращаемость элементарных частиц материи друг в друга является одной из основных вновь открытых закономерностей микромира, что представляет собой яркое доказательство единства всех элементарных частиц материи. Открытие превращения вещества в электромагнитное поле и, наоборот, электромагнитного поля в вещество — неоспоримое научное доказательство материальности электромагнитного поля, единства вещества и поля.

Материальное единство мира доказывается науками, изучающими и живую природу. В противоположность реакционным теориям, например витализму, распространяющим ложную идею о непроходимой грани между живой и неживой природой, исследователи живой природы достоверно установили, что органическая и неорганическая материя, несмотря на качественное различие между ними, представляет собой единое целое. Одним из глубоких выражений единства живой и неживой природы является закон единства организма и условий его жизни. Живой организм перестает быть живым, если его изолировать от необходимых для его жизни условий внешней среды. Живая природа не только зависит от условий внешней среды, от неживой природы (почва, воздух, влага, свет, температура и т. д.), но она и возникла из неживой природы.

Белок и нуклеиновые кислоты (ДНК и РНК) являются по современным представлениям носителями жизни. Создание в лабораторных условиях многих органических веществ, вплоть до некоторых молекул белков (например, инсулина) и некоторых молекул нуклеиновых кислот, является новым ярчайшим доказательством происхождения живого из неживого, их органического единства. Установление огромной генетической роли молекул ДНК у всех организмов, в том числе и человека, новое свидетельство единства микроорганизмов, растений, животных и человека.

Современная наука пошла дальше в обосновании единства земных тел и небесных. Одним из ярких тому доказательств являются полет человека в космос, совершенный впервые советским гражданином, коммунистом Юрием Гагариным, и материалы исследования Луны, Венеры и Марса.

Современный субъективный и объективный идеализм, выводящий единство мира из мышления, вступает в непримиримое противоречие с положением о том, что природа существует до человека, со всем естествознанием и подлинно научными данными о человеческом обществе.

Диалектический материализм отвергает всякие попытки произвольно устанавливать единство между вещами. Согласно марксистской философии, единство между предметами, явлениями материального мира заключается в их объективной общности. Вещи и явления только тогда могут быть едиными и взаимосвязанными, когда они имеют общие объективные свойства, по отношению к которым они едины. Отсюда, естественно, следует, что вещи и явления могут быть едиными в одном отношении и качественно различными в других отношениях. В таком понимании единство всех материальных реальностей мира состоит в их принадлежности к предельно общей для них сущности — материи.

Таким образом, единство мира не исключает его качественного многообразия. В связи с этим было бы ошибочно сводить единство мира, например, к механическому тождеству элементарных частиц материи. Установленное физикой и химией «строение» разнообразных атомов из одинаковых элементарных частиц является лишь естественнонаучной основой диалектико-материалистического понимания единства мира, а не самим философским понятием единства мира. Взятые сами по себе данные естествознания еще не раскрывают мировоззренческого аспекта проблемы единства мира.

Диалектический материализм понимает единство мира в том смысле, что все его бесконечно многообразные явления: звезды, планеты, атомы, электроны, живые организмы, человек, общество и т. п.,— несмотря на их качественные различия, одинаково представляют собой объективную реальность, существуют вне нашего сознания и независимо от него, т. е. являются материальными. Между отдельными формами материи нет и не может быть ни абсолютного тождества, ни абсолютной грани.

Все существующие в природе формы материи образуют определенную систему, совокупную связь, единство и вместе с тем бесконечное многообразие.

Положение о материальном единстве мира марксизм распространил и на общественную жизнь людей. Общество — это не простое механическое сцепление различных явлений, а живой организм, все стороны которого находятся во взаимосвязи, взаимодействии друг с другом. Чтобы производить необходимые материальные блага, люди вступают между собой в определенные связи и отношения — производственные отношения. Через эти общественные отношения осуществляется и их отношение к природе. Отношения людей к природе и друг к другу в процессе производства материальных благ взаимно связаны и являются двумя различными сторонами единого целого — общественного производства. Производственные отношения людей служат материальной основой функционирования и развития общества, основой всех многообразных явлений общественной жизни.

Таким образом, единство мира состоит в его материальности, в том, что все качественно разнообразные явления и процессы мира взаимосвязаны друг с другом, представляют различные формы проявления единой, вечно движущейся материи, существующей вне и независимо от сознания. При этом все духовные явления представляют собой лишь отражение материального мира в голове человека и имеют поэтому единую со всеми другими явлениями мира материальную основу. Положение диалектического материализма о материальном единстве мира, о том, что, кроме материального мира, не существует ничего потустороннего, что материальный мир не нуждается ни в каком «мировом духе», блестяще подтверждается как данными естествознания, так и общественными науками. Марксистско-ленинское учение о материальном единстве мира является руководящим началом в его познании и преобразовании.

2. МАТЕРИЯ

Понятие материи. Понятие материи — это основное понятие материализма. Оно выражает сущность материалистического мировоззрения, признание объективной реальности мира, его существования независимо от созна-

ния людей. Понятие материи вырабатывалось материализмом на протяжении всей истории его развития. Материалисты, начиная с древних, всегда придавали большое значение определению материи и настойчиво пытались дать это определение. Материя в представлении древних материалистов понималась как что-то определенно телесное и элементарно простое. Ограниченность и примитивность первоначальных понятий материи объясняется главным образом низким уровнем развития еще только зарождавшейся в то время науки о природе, низким уровнем научного познания мира. Но уже в этих наивных представлениях о материи выражалось признание объективной реальности мира. С дальнейшим развитием материалистического мировоззрения и науки о природе определения материи становились все более и более полными. Из домарксовских материалистов наиболее развернутое философское определение материи пытались дать французские материалисты. «...Материя вообще есть все то,— писал Гольбах,— что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства...» [1] Однако это по существу правильное определение материи было недостаточно обоснованным, ограниченным по своему содержанию. Французские материалисты, как и другие представители домарксистского материализма, не смогли выяснить то наиболее общее в вещах, что отражается в понятии материи.

Марксистская философия учитывает значение предшествующих определений материи, но в понимании материи как философской категории она идет дальше прежних материалистов. Диалектический материализм впервые сформулировал предельно широкое, научно обоснованное определение материи, являющееся итогом всего научного познания мира на современном этапе. Марксистско-ленинское понятие материи создано на основе, во-первых, обобщения многовековой практики человечества; во-вторых, борьбы против различных идеалистических, агностических и откровенно религиозных взглядов; в-третьих, критического усвоения всего лучшего, что имелось в старом материализме; в-четвертых, обобщения важнейших открытий в области естествознания и общественных наук и, наконец, в-пятых, философского анализа крутой

[1] *Поль Анри Гольбах*. Избр. произв. в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 84.

ломки старых естественнонаучных теорий. «Материя,— писал В. И. Ленин,— есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»[1].

Марксистско-ленинское понятие материи, являясь предельно широким понятием, охватывает собой все существующие предметы и явления, все известные формы проявления материи, а также и те, которые еще не известны человеку, но могут быть открыты в ходе бесконечного познания мира. Поэтому марксистско-ленинское понятие материи никогда не может «устареть». Его не могут поколебать никакие дальнейшие открытия в естествознании, никакие изменения естественнонаучных понятий о строении и свойствах материи.

Марксистско-ленинское понятие материи представляет собой результат теоретического обобщения свойств, общих для всех различных чувственно воспринимаемых вещей. Материю, как таковую, говорил Ф. Энгельс, никто еще не видел и не испытывал; люди имеют дело только с различными реально существующими формами материи. Вся окружающая нас неорганическая природа, начиная от звезд и кончая мельчайшими элементарными частицами, и живая природа с ее качественно многообразными формами, начиная от неклеточных форм и кончая сложными организмами,— все это различные виды материи. Вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир. Марксистско-ленинское понятие материи является отражением в человеческом сознании этого единственного реального мира. Абстрагируясь от всех качественных различий чувственных вещей, конкретных форм материи, это понятие отражает то общее, что присуще всякой единичной вещи, всякому объекту. Слово «материя» — это просто сокращение, в котором мы охватываем мыслью, согласно их общим свойствам, различные чувственно воспринимаемые вещи. Это общее свойство всех качественно многообразных предметов и вещей окружающего нас мира состоит в том, что все они представляют собой объективную реальность, существуют вне и независимо от сознания человека. «...*Единственное* «свойство»

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 131.

материи,— писал В. И. Ленин,— с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания»[1].

Это «свойство» материи ни в коем случае нельзя ставить в один ряд с такими ее свойствами, как, например, абсолютность, всеобщность, несотворимость и неуничтожимость, взаимодействие и движение, пространство и время, количественная и качественная бесконечность, структурность. В. И. Ленин в данной связи берет слово «свойство» в кавычки, тем самым он ставит это свойство над всеми остальными как действительно единственное, отделяющее материю от нематерии. Например, время, пространство, движение как формы существования материи вытекают из указанного единственного «свойства» материи. Определение материи, в котором единственное «свойство» ставится в один ряд с другими перечисленными свойствами, строго говоря, уже не является ее диалектико-материалистическим определением, так как в нем стирается противоположность материализма идеализму. Такие свойства, как абсолютность, всеобщность, несотворимость и неуничтожимость и т. д., могут быть объявлены идеалистами свойствами абсолютной идеи и бога. Но последние никак не могут обладать свойством быть объективной реальностью, данной в ощущениях человека, существовать вне и независимо от сознания.

В марксистско-ленинском понимании материя не может быть сведена к отдельным ее формам. Понятие материи выражает не просто физические свойства мира, а его объективную реальность, все, что существует независимо от сознания. Оно отражает не только природу с ее качественным многообразием форм проявления, но и материальную жизнь общества, ибо последняя тоже есть объективная реальность, существующая независимо от сознания людей. Философское понятие материи ничего иного, кроме объективной реальности, существующей независимо от сознания, не выражает.

Идеалисты всех разновидностей вели и теперь ведут яростную борьбу против марксистского учения о материи, всячески извращая само понятие материи. Еще Беркли главной задачей своей реакционной философии считал изгнание понятия материи как опоры атеизма. Махисты,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 275.

следуя за Беркли, называли материей комплекс ощущений человека. В своих определениях материи субъективные идеалисты идут от ощущений к материи, считая ощущения первичным, а материю вторичным, производным от ощущений. Ощущения, говорили махисты, суть единственная реальность, а вещи, тела — все это существует лишь в наших ощущениях, в нашем сознании.

Большинство современных буржуазных философов и представителей «физического» идеализма, идя по стопам махистов, понимают под материей некую конструкцию из психических элементов, результат чисто логических построений в виде согласованных между собой и сведенных в логическую схему ощущений или восприятий. Так, одни из представителей современного позитивизма — определяют материю как совокупность «простых логических элементов», а другие — как определенную комбинацию восприятий.

Идеалисты, сводя материю к чисто логическим схемам, к ощущениям, отрицают объективный источник наших ощущений — объективную реальность, данную нам в ощущениях,— лишают науку ее объективного содержания. Марксистское понятие материи как объективной реальности показывает, что материя отражается в наших ощущениях, в нашем сознании. «...Материя,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть то, что́, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении...» [1]

Ленинское определение материи целиком опровергает доводы махистов, будто признание существования материи вне и независимо от нашего сознания есть признание потустороннего, непознаваемого, недоступного нашим ощущениям мира. Марксистско-ленинское понятие материи не является какой-то голой абстракцией, как это пытались изобразить махисты. Материя не есть что-то отличное, оторванное от своих конкретных форм существования. Марксистско-ленинское понятие материи выражает общее свойство, присущее всякой вещи,— свойство быть объективной реальностью, существовать независимо от сознания. Но так как это общее свойство существует лишь в отдельном и через отдельное, составляет сущность всех отдельных форм материи, то философское понятие материи, являясь предельно широким, всеобщим понятием, отражает

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 149.

в себе все богатство отдельных, бесконечно многообразных форм материи. В этом смысле В. И. Ленин в «Философских тетрадях» писал, что абстракция материи, как и все научные, правильные абстракции, отражает природу глубже, вернее, полнее.

Современные буржуазные философы, а вслед за ними ревизионисты систематически нападают на ленинское определение материи. Так, известный антикоммунист, неотомист Г. Веттер заявляет, что ленинское понятие материи ничего не говорит о сущности материи, так как Ленин определяет материю лишь по отношению к чему-то иному, к сознанию [1]. В действительности Веттер не оригинален. В. И. Ленин, критикуя ревизиониста Богданова за точно такие же нападки на определение материи, показал, что понятие «материя» и понятие «сознание» являются предельно широкими понятиями, что понятие материи можно определить только через указание на то, что материя есть первичное по отношению к сознанию.

Различие между философским понятием материи и естественнонаучными представлениями о ее строении и свойствах. Современные представления о строении и свойствах материи. Понятие материи и естественнонаучные представления о ее строении и свойствах взаимно связаны, питают друг друга. Но их нельзя отождествлять. Естественнонаучные представления о строении и свойствах материи никогда не могут быть исчерпывающими, завершенными, пригодными для всех состояний материи. Виды и свойства материи бесконечно многообразны, поэтому и процесс их познания бесконечен. С каждым крупным открытием новых видов и форм движения материи научные представления о ее строении претерпевают крутую ломку, углубляются, уточняются, исправляются в соответствии с данной ступенью познания объективной реальности. Что же касается философского понятия материи, то с расширением наших знаний о ее строении и свойствах оно, обогащаясь новым конкретным содержанием, при всем этом остается незыблемым, безусловно истинным. Философское понятие материи нельзя сводить к сумме знаний о свойствах материи, нельзя смешивать с учением о физическом строении материи. «...Совершенно непозволительно,— писал В. И. Ленин,— смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении

[1] *Gustav A. Wetter.* Sowjetideologie heute. 1. Dialektischer und historischer Materialismus. Hamburg, 1962, S. 40.

материи с гносеологической категорией,— смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания...»[1]

Смешение философского понятия материи с естественнонаучными представлениями о ее строении и свойствах используется идеалистами для борьбы против материализма, против признания материи как объективной реальности. Так было, например, в конце XIX — начале XX в., когда старые, механистические понятия о строении и свойствах материи оказались подорванными новейшими открытиями физики и были заменены новыми понятиями, отражающими новый этап в познании природы. Как известно, в период господства механистических теорий в естествознании материя понималась исключительно как вещество, основным свойством которого считалась механическая масса, являвшаяся главным показателем материальности. Атомы рассматривались как мельчайшие неделимые частицы вещества, обладающие, так же как и само вещество, раз навсегда данными и неизменными свойствами (масса, непроницаемость).

Открытие электронов и радиоактивного распада атомов химических элементов, а также другие великие достижения науки конца XIX — начала XX в. вызвали целый переворот во взглядах на строение материи и ее свойства, нанесли сильный удар по механистическому материализму, показали ограниченность его понятия материи. Эти открытия привели к крушению старых, метафизических представлений об атомах как неделимых и неизменных частицах, о механической массе как о раз навсегда данном, неизменном свойстве материи. Были доказаны сложность строения атомов, наличие в их составе электронов, зависимость массы электронов от скорости их движения и т. п.

Ломка старых понятий о строении материи и ее свойствах вызвала растерянность среди физиков и привела некоторых из них в болото идеализма. Новая физика, говорил В. И. Ленин, скатилась в идеализм главным образом потому, что физики не знали диалектики. Многие физики пришли к идеалистическому выводу о том, что неабсолютный характер механической массы означает будто бы исчезновение материи как объективной реальности. Махисты использовали недостатки метафизического

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 131.

материализма и новейшие открытия физической науки для борьбы против материализма вообще и особенно против диалектического материализма, заявив, что «атом дематериализуется», «материя исчезает».

Опровергая махистское идеалистическое истолкование новейших открытий в физике, В. И. Ленин писал: ««Материя исчезает» — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» [1].

Идеалистически истолковывая открытия в физике, махисты подменили вопрос о материи как объективной реальности вопросом о физическом строении материи, о физических свойствах атомов и электронов. Неправильно, идеалистически понимая принцип относительности всех научных положений о строении материи и ее свойствах, махисты пришли к отрицанию объективной реальности атомов и электронов, свели их к простым символам, условным знакам.

Показав реакционную сущность махистских идеалистических выводов, В. И. Ленин прямо поставил вопрос: существуют ли электроны и другие частицы физического мира вне человеческого сознания, как объективные реальности, или нет? На этот вопрос, говорил он, большинство естествоиспытателей отвечают так же утвердительно, как они без колебаний признают существование природы до человека. Он доказал, следовательно, что изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает материалистического положения об объективной реальности внешнего мира.

Между философским понятием материи и естественнонаучными знаниями о ее строении имеется не только различие, но и неразрывная связь. Отрыв философского понятия материи от научных знаний о ее строении означает отрыв диалектического материализма от естествознания. Связь диалектического материализма с естествознанием, философского понятия материи с естественнонаучными представлениями о ее строении и свойствах заключается в самой сущности научных теорий естество-

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 275.

знания, которые отражают объективную реальность, существующую вне нас. Материя, объективная реальность, является предметом познания всех естественных наук. Различные естественные науки изучают различные формы движения одной и той же объективной реальности — материи, научное понятие которой дано марксизмом-ленинизмом. Поэтому утверждение, будто естествознание имеет свое понятие материи, отличное от философского, положение о двух понятиях материи (философском и физическом) являются ошибочными, лишенными всякого основания.

В действительности, кроме марксистско-ленинского понятия материи, нет и не может быть никакого другого по той простой причине, по которой нет и не может быть двух материй как объективных реальностей. Марксистско-ленинское понятие материи, основное понятие диалектического материализма, является теоретической основой для всех наук о природе и обществе, ибо все науки исходят из понятия материи как объективной реальности, все научные теории представляют собой отражение объективной реальности.

Следует иметь в виду, что прежний, механистический материализм был связан только с классической механикой. Три же великих открытия в области естествознания, совершенные в XIX в., явились естественнонаучной основой появления диалектического материализма. Революция в области естествознания, совершенная на рубеже XIX — XX вв., еще раз подтвердила правоту диалектического материализма. Однако классическая механика оставалась на рубеже XIX — XX вв. и сейчас остается правильным отражением механических явлений, на основе непосредственного изучения которых она была создана. Поэтому диалектический материализм связан и с классической механикой, но он опирается не только и не столько на нее, сколько на новейшие данные науки.

Таким образом, признание материи как объективной реальности дает прочную философскую основу естествознанию, открывает перед учеными величайшие перспективы познания мира и его закономерностей. В свою очередь данные естествознания, показавшие делимость атома, его неисчерпаемость, изменчивость всех форм материи, ограниченность механической картины мира, дают блестящее подтверждение правоты диалектического материализма как высшей формы материализма в истории.

В отличие от механистического материализма диалектический материализм не признает никакой неизменной сущности вещей, кроме безусловного признания существования материи вне и независимо от нашего сознания. Это положение марксизма нашло свое выражение и в выводе Ленина о неисчерпаемости процесса познания. Обобщая новейшие открытия в физике, он писал: «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно *существует*...» [1]. Ленинский прогноз о неисчерпаемости электрона был подтвержден развитием физики за последние десятилетия.

Гениальные предначертания Ленина о путях развития естествознания подтверждаются современным учением о строении материи и полностью сохраняют свою силу на будущее. Об этом свидетельствуют открытия все новых и новых элементарных частиц и их ранее неизвестных свойств, успехи в изучении строения атомного ядра, открытие и использование внутриатомной энергии и т. д.

Современная физическая картина мира, связанная с изучением внутриядерных процессов, элементарных частиц и различного рода полей, отражает природу глубже, чем предшествовавшие ей картины мира.

В период господства механической картины мира материю сводили к веществу. Теперь вещество рассматривается только как один из основных видов материи. К тому же сейчас неизмеримо глубже раскрыта структура самого вещества и показано его качественное многообразие. Вещество по степени сложности находится в различных состояниях. Макроскопические тела природы построены из совокупности молекул, которые в свою очередь состоят из атомов. Атомы также не есть нечто простое. В их состав входят электрически положительно заряженное ядро и отрицательно заряженные электроны, образующие электронную оболочку атома. Современная физика установила, что ядро атома имеет весьма сложное строение. Оно состоит из положительно заряженных элементарных частиц вещества — протонов и элементарных частиц вещества без электрического заряда — нейтронов.

Физике известны также такие элементарные частицы вещества, как гипероны (тяжелые частицы), мезоны, средние по массе между протоном и электроном, с различными электрическими зарядами, а также без заряда. Нет

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 277.

необходимости перечислять все известные ныне физике элементарные частицы, следует лишь иметь в виду, что в настоящее время открыты уже сотни разновидностей элементарных частиц, включая так называемые резононы, которые возникают при взаимодействии частиц большой энергии и быстро распадаются.

Особой разновидностью элементарных частиц материи являются античастицы: позитроны, антипротоны, антинейтроны и т. д. Они отличаются от частиц обычного вещества по ряду признаков (например, электрон и позитрон отличаются друг от друга по знаку заряда). Частицы и античастицы вместе не существуют. При соприкосновении друг с другом они уничтожаются, превращаясь в частицы другого вида материи, в частности в фотоны — частицы света. Предполагают, что в определенных условиях античастицы могут образовать антиатомы, а последние — антивещество. Вполне допустимо, что в некоторых частях Вселенной с большой концентрацией античастиц образуются и существуют антиатомы, антивещество.

Видом материи являются также различные физические поля: электромагнитное, гравитационное, ядерное и другие. Такие поля взаимодействуют с элементарными частицами. Через одни из них осуществляется взаимодействие между элементарными частицами, через другие — между макротелами.

Современная физика открыла не только специфические особенности вещества и света в широком смысле слова, но и, что очень важно для науки, закономерную связь между ними. Установлено, что вещество и свет наряду с различиями имеют многие сходные свойства. Например, элементарные частицы вещества — электроны, так же как и частицы света — фотоны, обладают одновременно свойствами волн и частиц. Открытие, что вещество и свет обладают одновременно свойствами волн и частиц, подтверждает положение диалектического материализма о единстве прерывности и непрерывности материи, о взаимопроникновении противоположных ее свойств [1].

[1] Деление неорганической материи на вещество и поле носит в некотором смысле условный характер. Вместе с тем они отличаются друг от друга качественно. Так, если частицы вещества обладают механической массой, массой покоя и движутся со скоростью в пределах от близкой к нулю до близкой к скорости света в пустоте, то частицы, например, электромагнитного поля — фотоны вовсе не обладают массой покоя и движутся в пустоте только со скоростью 300 000 *км/сек.*

На основе экспериментальных и теоретических исследований сделано огромной важности открытие — превращение одних частиц в другие, в частности превращение света в вещество и обратно. Экспериментально доказано, что световые кванты, или фотоны, превращаются в пары противоположно заряженных частиц — электрон и позитрон, а эти последние, наоборот, порождают фотоны — частицы света без электрического заряда. Это ранее неизвестное физике взаимопревращение противоположных видов материи вскрывает глубокую объективную взаимосвязь света и вещества и опровергает всякие идеалистические измышления о якобы нематериальной природе света. Взаимопревращаемость вещества и света показывает, что в природе нет строго фиксированных, абсолютных граней, что виды материи не возникают из ничего и не переходят в ничто, а лишь превращаются друг в друга, являются качественно различными проявлениями единой, неуничтожимой и неисчезающей материи.

Открытие ранее неизвестных элементарных частиц материи и новых ее свойств значительно углубляет наше познание материи и вместе с тем еще раз показывает относительный, изменчивый характер естественнонаучных знаний о ее строении и свойствах. Когда современный физик называет, например, электрон элементарной частицей, он имеет при этом в виду, что при современном состоянии наших знаний мы не можем ее разложить. Однако если посмотреть на эту элементарную частицу с точки зрения изменчивости ее свойств, то понятие элементарной частицы как неизменной, раз и навсегда данной оказывается уже к ней неприменимым.

Дело не только в том, что элементарные частицы обладают сложной структурой. Важно и то, что ныне известные элементарные частицы обладают неисчерпаемыми свойствами. Взять, к примеру, электрон, о котором Ленин говорил, что он неисчерпаем. Еще в то время было доказано, что масса электрона изменяется в зависимости от скорости его движения. Теперь установлено, что электрон обладает и многими другими свойствами. Следовательно, элементарная частица не есть нечто абсолютно простое. В мире нет и не может быть абсолютно элементарных частиц материи. Допущение каких-то абсолютно простых элементов материи приводит к метафизическим выводам и находится в прямом противоречии с положением Ленина о неисчерпаемости материи.

Качественное многообразие материи неисчерпаемо не только в том случае, если идти в глубь материи, но и в масштабах космоса. Данные современной науки говорят о бесконечном качественном многообразии видов материи в космосе, различающихся между собой по своим особым структурам и свойствам.

Естественнонаучные данные о разнообразных видах материи имеют большое философское значение. Они обогащают марксистско-ленинское понятие материи как объективной реальности конкретным содержанием. Эти данные показывают, что каждый вид материи существует объективно, реально, независимо от сознания и отражается в научных теориях, понятиях. Вместе с тем они подтверждают правильность выводов диалектического материализма об относительном, преходящем характере отдельных видов материи, о том, что ни один из них не может исчерпать материи в целом и не может рассматриваться как какая-то праматерия, как нечто неизменное, абсолютно первичное по отношению ко всем другим видам материи.

Замечательно подтверждается положение В. И. Ленина о том, что ум человека открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем самым свою власть над ней. Открытия современной науки служат новым неопровержимым доказательством правильности положения диалектического материализма о бесконечной сложности и неисчерпаемости природы, о том, что материя бесконечна в своих проявлениях.

Громадное творческое значение диалектико-материалистических принципов для всех областей знания особенно ярко видно на примере успешного развития науки в социалистических странах. Ученые этих стран, вооруженные великими идеями марксизма-ленинизма, принципами диалектического материализма, идут в первых рядах ученых мира, открывают новые свойства и закономерности развития материи, оказывают все увеличивающееся методологическое диалектико-материалистическое воздействие на прогрессивных ученых капиталистических стран.

Научные открытия в области естествознания еще и еще раз подтверждают истинность положений диалектического материализма об историческом, относительным характере научных знаний о строении материи и ее свойствах. Вместе с тем эти открытия убедительно показывают, что изменчивость, относительный характер научных знаний о строении и формах материи не опровергают объективного суще-

ствования внешнего мира и безусловной истинности марксистского философского понятия материи, отражающего объективную реальность.

Ленинская критика смешения, отождествления философского понятия материи и естественнонаучных представлений о строении и свойствах ее актуальна и в наши дни. Так, например, современные идеалисты из факта взаимопревращаемости частиц вещества в частицы поля и наоборот делают вывод об «исчезновении» материи, о превращении ее во что-то нематериальное. Так, философствующий американский физик, стоящий на позициях неопозитивизма, Ф. Франк утверждал в своем докладе, зачитанном на XII Международном философском конгрессе в 1958 г., что материя может быть превращена в некую нематериальную сущность. «Следовательно, материалистическое описание мира, провозгласившее «вечность материи», отброшено современной наукой, которая в настоящее время стала более совместимой с идеей божественного творения... Материя может «исчезать» и «заменяться» «духовным бытием»» [1].

В действительности фотоны, в которые превращаются частицы вещества, являются объективной реальностью, существуют до человека, вне и независимо от всякого сознания, т. е. так же материальны, как и частицы вещества. Получение любых новых данных о строении, свойствах, движении материи не может опровергнуть положения диалектического материализма о материи как объективной реальности.

3. МАТЕРИЯ И ДВИЖЕНИЕ

Движение — форма бытия материи. В объективном мире нет ничего, кроме движущейся по своим законам материи. Нет и не может быть материи, лишенной движения, нет и не может быть «чистого», нематериального движения, не связанного неразрывно с той или иной формой материи. Каждый отдельный вид материи находится в движении и благодаря ему обнаруживает свое существование. Движение есть форма бытия материи. Оно так же несотворимо и неразрушимо, как и сама материя.

---

[1] Цит. по: «Борьба В. И. Ленина за воинствующий материализм и революционную диалектику». М., 1960, стр. 369—370.

Положение о неразрывности материи и движения, о движении как неотъемлемом свойстве материи, о несотворимости движения впервые научно обосновано диалектическим материализмом. Но само по себе это положение не является специфическим только для диалектического материализма. Идеи о движении как неотделимом, основном, существенном свойстве материи высказывались многими материалистами домарксовского периода, в частности французскими материалистами.

Однако, несмотря на прогрессивное значение идей о движении как о неотделимом свойстве материи, домарксовские материалисты понимали движение, как и материю, ограниченно, с механистической точки зрения. Движение трактовалось ими как перемещение в пространстве от века данных, неизменных вещей. Ограниченные уровнем развития естествознания своей эпохи, домарксовские материалисты не сумели открыть внутренний источник самодвижения материи и качественное многообразие форм ее движения. У них отсутствовал исторический взгляд на природу, так же как и на общество. Масштаб механики применялся ими ко всем процессам, в том числе и к процессам химической и органической природы.

Некоторые из материалистов-метафизиков и естествоиспытателей, сводя движение материи к чисто механическому перемещению тел в пространстве, рассматривали материю главным образом как механическую инертную массу, а движение — как активную силу, извне приложенную к материи. Такой взгляд на материю и движение с неизбежностью приводил не только к мысленному отрыву движения от материи, но и к признанию существования какой-то сверхъестественной силы, якобы стоящей над материей. Так, например, Ньютон, один из основателей механики как науки, не мог объяснить начало движения Солнечной системы без признания божественного первого толчка. За природой метафизики отрицали развитие, появление качественно нового.

Впервые понимание органической взаимосвязи материи и движения дано лишь диалектическим материализмом, который исходит из того, что движение в философском смысле есть форма бытия материи, ее всеобщее свойство. В «Диалектике природы» Энгельс писал: «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все

происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением»[1].

Философское понятие движения нельзя сводить к естественнонаучным представлениям о той или иной форме движения материи, хотя эти представления и тесно связаны с ним. Философское понятие движения резюмирует наиболее общее, что присуще всем отдельным формам движения. Этим общим является именно то, что движение в применении к материи, в какой бы форме оно ни проявлялось, есть изменение вообще, неотъемлемое объективное свойство материи. Материя в целом, как и каждая отдельная ее часть, не может существовать без движения. Движение как форма бытия материи абсолютно. Все конкретные формы и виды движения относительны.

Движение, при котором на основе старого возникает новое, низшее заменяется высшим, простое — сложным, называется развитием. В ходе развития из неорганической материи возникает органическая с присущей ей особой, высшей формой движения, причем сама живая материя в свою очередь претерпевает различные переходы от одного состояния к другому. Непрерывно развивается и изменяется также и человеческое общество. Развитие общества есть естественноисторический процесс, в котором происходит смена одной общественно-экономической формации другой. Например, процесс развития капитализма с необходимостью приводит его к гибели, к возникновению новой, коммунистической формации.

Из сказанного следует, что движение — это не только перемена места. В надмеханических областях, говорил Энгельс, оно является также и изменением качества, т. е. развитием. Развитие обязательно выражается в изменении качества вещи, явления. Оно включает в себя также скачкообразный переход от одного качества к другому. Основным содержанием и внутренним источником всякого развития является борьба противоположностей, борьба нового со старым, отжившим свой век, что и приводит к качественному изменению материи. Важнейшую сторону развития представляет также его поступательный характер, восхождение от низшего к высшему, более прогрессивному.

Формы движения материи. Движение и покой. Диалектический материализм впервые доказал, что движение как

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 391.

общее свойство материи проявляется в качественно многообразных формах. С точки зрения диалектического материализма качественные различия форм движения зависят от различия между видами материи. Каждая форма движения соответствует определенному виду материи, как форма своему содержанию. Богатство и многообразие форм движения обусловлено многообразием форм и видов материи.

Понятие форм движения, их характеристика зависят от степени знаний конкретных видов материи и соответственно форм их движения. Основываясь на данных естествознания своего времени, Энгельс считал основными формами движения механическую, группу физических, химическую, биологическую, связывая каждую из них с конкретным видом материи. Он писал: «Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных небесных телах, колебание молекул в качестве теплоты или в качестве электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь — вот те формы движения, в которых — в одной или в нескольких сразу — находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент» [1]. Особой формой движения материи является общественная жизнь.

Основной принцип выделения Энгельсом форм движения соответственно видам материи в порядке их усложнения и степени развития имеет важнейшее значение и в наше время. В то же время современная наука обогащает данную Энгельсом классификацию форм движения, вносит в нее известные дополнения. Развитие науки привело к открытию новых, ранее неизвестных видов материи с присущими им специфическими свойствами и соответственно особыми формами движения. В результате общий ряд открытых форм движения значительно возрос. Вместе с тем вносятся некоторые изменения в понимание форм движения и в их расположение по степени сложности и степени развития. Например, в группу физических форм движения материи включаются: движение элементарных частиц, внутриядерная, внутриатомная, электромагнитная формы. Уточняются и пополняются знания о конкретных носителях той или другой формы движения. Так, если раньше носителем светового движения считался гипотети-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 59.

ческий эфир, то теперь доказано, что носителем электромагнитного движения, в том числе светового, является электромагнитное поле. Носителями жизни являются не только белковые тела, но также и нуклеиновые кислоты (ДНК и РНК). Не без основания выдвигается идея о том, что химическая и биологическая формы движения представляют собой: первая — комплекс разновидностей химической формы движения, вторая — комплекс разновидностей биологической формы движения.

При этом надо иметь в виду, что понятия более простой и более сложной, низшей и высшей форм движения являются относительными. В природе нет и не может быть ни абсолютно простой, низшей, ни абсолютно сложной, высшей формы движения в силу неисчерпаемости и многообразия материи и ее свойств. О простоте или сложности форм движения материи можно говорить только в пределах уже известных форм движения, и притом применительно к конечным частям Вселенной.

Качественное своеобразие форм движения, степень их сложности и развития, их место в общем ряду известных форм движения определяются особенностями видов материи, характером взаимосвязей и взаимодействия в материальных системах. Каждая форма движения имеет специфического, главного материального носителя. Так, при отсутствии фотонов не может быть электромагнитного движения, при отсутствии атомов, ионов, молекул — химического движения, при отсутствии белковых тел — органической жизни и т. п.

Качественное отличие форм движения материи проявляется еще и в том, что движение в каждой из них подчиняется прежде всего своей группе законов. Так, механическое движение подчиняется законам, нашедшим свое отражение в классической механике, тепловое движение подчиняется законам, изучаемым термодинамикой, и т. д. Более сложной и более высокой формой движения материи по отношению к другим формам является та, которая включает в себя все эти формы как необходимые элементы, но элементы подчиненные, как побочные, по выражению Энгельса, формы движения. В то же время высшая и сложная форма движения имеет свою специфику. Высшей и наиболее сложной формой движения в природе является биологическая форма, органическая жизнь.

Биологическая форма движения, несомненно, включает в себя в подчиненном виде все предыдущие формы движения,

но она не является их простой суммой, а представляет собой высшую форму движения материи в природе. Качественное отличие биологической формы движения от других форм состоит в постоянном самообновлении химического состава живых тел благодаря питанию и выделению, благодаря обмену веществ. В организме действие законов механического, квантовомеханического, теплового, электрического, химического движения всецело подчинено действию законов органической жизни, и прежде всего обмену веществ.

Самой сложной и высшей формой движения материи является общественная жизнь, история развития человеческого общества. Эта форма движения возникла благодаря появлению человека, что означало выход биологического движения за свои специфические рамки и его переход в качественно высшую форму движения. Специфической качественной особенностью общественной жизни как формы движения материи является процесс материального производства, а также те общественные явления, которые вытекают из исторически определенных способов производства.

Каждая из последующих форм движения материи выше, богаче предыдущих, но в то же время каждая высшая форма движения развивается на основе предыдущих форм и поэтому необходимым образом связана с ними. Химическое действие, например, говорил Энгельс, невозможно без изменения физического состояния, а жизнь невозможна без механического, физического и химического изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом рассматриваемом случае. Каждая из форм движения материи имеет свои особые, качественно отличные, присущие только ей закономерности. Так, общественная жизнь как особая, высшая форма движения материи характеризуется не тем, что в обществе происходят механические, физические, химические, биологические процессы, без чего вообще невозможна общественная жизнь, а тем, что общество имеет свои специфические закономерности движения и развития, изучаемые историческим материализмом и другими общественными науками.

Качественная специфика форм движения материи, неразрывная связь между ними, последовательность их развития указывают на недопустимость сведения высших, относительно сложных форм движения к низшим, относи-

тельно простым, а также отрыва различных форм движения друг от друга. Возьмем, например, органическую жизнь. Энгельс указывал, что ее нельзя в полной мере познать, не изучая физические и химические процессы, совершающиеся в организмах. Появление на свет биофизики, биохимии, молекулярной биологии привело к раскрытию многих тайн живой природы. Вместе с тем нельзя считать оправданными положения современных механицистов о том, что живая природа подчиняется только законам химического движения или даже только законам квантово-механического движения. Эти положения ведут в сторону от изучения специфики живого. С другой стороны, положения о том, что жизнь можно изучить, не прибегая к помощи физики, химии, математики и кибернетики, тоже являются неоправданными, ведущими к представлению о жизни как оторванной от неживой природы, таинственной, кем-то созданной. Именно так ее представляют современные виталисты.

Анализом основных форм движения материи еще не исчерпывается раскрытие проблемы движения в целом. Движение как изменение вообще с точки зрения диалектического материализма охватывает собой и область духовной жизни человека. Мышление, писал Энгельс, есть тоже движение. Разумеется, было бы ошибочным считать движение мышления особой формой движения материи, как это делают вульгарные материалисты. Мысли человека находятся в движении и изменении потому, что они отражают движение и изменения материального мира. В этом смысле мышление есть тоже движение, и это движение имеет свои формы. Но движение мышления невозможно без движения материи, тогда как материя движется независимо от мысли.

С характеристикой качественно разнообразных форм движения материи диалектический материализм связывает и понятие покоя, равновесия. Покой есть выражение движения, мера движения, ибо без него было бы невозможно судить о самом движении. Но покой и движение не тождественны, а противоположны. Покой относителен и временен, тогда как движение является абсолютным. Отдельное движение, говорил Энгельс, стремится к равновесию, но движение в целом снова уничтожает это равновесие. Возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия является условием дифференциации материи. Без относительного покоя

материя не могла бы дифференцировать свое движение в виде качественно различных и многообразных форм, не могла бы развернуть все богатство этого движения.

Неуничтожимость материи и движения и их неразрывность в свете данных естествознания. Положение диалектического материализма о неуничтожимости материи и движения и их неразрывности, о взаимосвязи всех форм движения материи подтверждается естественнонаучными данными, и прежде всего открытым в середине XIX в. законом сохранения и превращения энергии. С открытием этого закона было экспериментально доказано, что движение материи количественно не может быть уничтожено или создано. Данное количество одного вида энергии превращается только в данное же количество другого вида энергии. Согласно закону сохранения и превращения энергии, движение может качественно изменяться, переходить из одной формы в другую. Закон сохранения и превращения энергии подтверждает, что движение внутренне присуще самой материи и что его нельзя противопоставлять материи как нечто чуждое, несвойственное ей, не приходя к нелепым выводам о существовании внешнего толчка. Материя во всех своих превращениях не нуждается в посторонней силе. Эти превращения происходят по законам, присущим ей самой.

Раскрывая глубокий смысл закона сохранения и превращения энергии, Энгельс подчеркивал, что этим законом устанавливается общая мера движения в природе. На основе данных физики он показал, что количественная сторона движения (неуничтожимость) и его качественная сторона (превращаемость форм) составляют единство. Энергия и выражает это единство, являясь мерой движения материи и мерой превращаемости форм движения материи друг в друга.

Положение Энгельса о неуничтожимости и нераздельном единстве материи и движения на основе новых открытий в физике, подтвердивших истинность учения диалектического материализма о единстве материи и движения, было развито В. И. Лениным. В противовес идеалистическим выводам из открытий физики конца XIX — начала XX в. В. И. Ленин подчеркивал, что все новейшие открытия естествознания служат ярким доказательством правильности утверждения диалектического материализма о неразрывности материи и движения. Электрон, например, движется с очень большой скоростью, его масса

меняется с изменением скорости, и именно эта зависимость массы электрона от скорости его движения свидетельствует о неразрывности материи и движения.

В. И. Ленин разоблачил идеалистическую сущность так называемой энергетической философии немецкого естествоиспытателя Оствальда, пытавшегося оторвать движение от материи, свести материю к энергии, а энергию иногда к ощущениям. Идеалистические выводы, сделанные Оствальдом, были использованы философским идеализмом, в том числе махизмом, для борьбы против диалектического материализма. Но, как указывал В. И. Ленин, мыслить движение без материи — значит признавать существование движения только в мысли, независимо от материи, оторванно от нее, а это и есть философский идеализм.

Диалектический материализм в полном соответствии с новыми открытиями физики, в согласии с законом сохранения и превращения энергии понимает под энергией меру материального движения, а не нечто внешнее для материи. Превращения энергии рассматриваются им материалистически как объективный процесс, независимый от сознания и опыта человечества.

Современные идеалисты также используют некоторые данные физики, особенно ядерной, для обоснования своей ложной точки зрения, согласно которой материя сводится к энергии. Так, они пытаются истолковать факт превращения электронов и позитронов в фотоны как превращение материи в энергию, в «чистое» движение. На самом же деле фотоны так же материальны, как и электроны и позитроны. Поэтому превращение их друг в друга ничего не означает, кроме перехода материи из одного вида в другой.

Развитие науки, открытие новых свойств материи и движения все больше и больше доказывают правильность учения диалектического материализма о движении как неотъемлемой форме существования материи. Подтверждением нераздельного единства материи и движения применительно к физическим формам движения материи служит также важнейший закон современной физики — закон взаимосвязи массы и энергии. Согласно этому закону, всякий материальный объект обладает определенной массой и соответствующей ей энергией.

Закон взаимосвязи массы и энергии опровергает идеалистический тезис о том, будто при ядерных реакциях масса превращается в энергию. В действительности при

ядерных превращениях, так же как и при всех других, масса и соответствующая ей энергия преобразуются, но не исчезают. «Исчезновение» массы при выделении энергии нельзя понимать как превращение массы и тем более материи в энергию, как это утверждают современные физики-идеалисты, отождествляющие материю с массой. В результате естественного распада или искусственного расщепления ядер атомов превращается не масса в энергию, а одни химические элементы в другие элементы, один вид материи в другой, при этом вместе с вылетающими частицами материи определенной массы уносится и энергия.

Закон взаимосвязи массы и энергии является основой всех внутриядерных превращений материи из одних форм в другие. Он не только не противоречит общему закону природы — закону сохранения и превращения энергии, а, напротив, подтверждается и обогащает его.

С точки зрения закона сохранения и превращения энергии опровергается метафизическая и идеалистическая теория «тепловой смерти Вселенной». Эта теория была выдвинута еще в прошлом столетии после открытия второго закона термодинамики. Суть одной из формулировок этого закона такова: тепло может переходить само собой только от тел, более нагретых, к телам, менее нагретым. Каждый из нас знает из повседневной жизни, что так оно и происходит. Известно также, что в наших условиях Земли все другие виды энергии так или иначе превращаются в теплоту. Теплота же рассеивается, равномерно распределяется между вещами, телами.

Идеалистами и представителями религии из этого открытия был сделан вывод, что со временем вся энергия превратится в тепловую, а последняя распределится равномерно между телами, что наступит «тепловая смерть», т. е. окружающий человека мир прекратит свое движение.

Теория так называемой тепловой смерти Вселенной широко распространена в современном капиталистическом мире. Вселенная придет к «тепловой смерти», утверждают, например, неотомисты.

Исчерпывающую критику этой теории дал еще Энгельс. Эта критика, подтвержденная всей современной наукой, остается актуальной и в наше время. Теория «тепловой смерти Вселенной» противоречит не только закону превращения энергии, так как отрицает способность теплоты превращаться в другие виды энергии, она противоречит и закону сохранения энергии. Ее представители распро-

страняют законы, действующие в обычных земных условиях, на всю Вселенную без всяких на то оснований.

Величайшие открытия физики последних десятилетий дали новое обоснование и доказательство истинности диалектико-материалистического взгляда на природу как на вечный процесс изменения форм движущейся материи. Открытия естествознания XX в. укрепляют естественнонаучный фундамент марксистской философии. Вместе с тем они свидетельствуют о действенной, всепобеждающей силе диалектического материализма, указывающего науке единственно верный путь познания природы.

4. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Пространство и время — объективные формы существования материи. Диалектический материализм признает объективную реальность времени и пространства, считая их формами существования движущейся материи. Материя существует независимо от нашего сознания. При этом, как было выяснено, неотъемлемое свойство материи составляет движение, без которого невозможно ее существование. Движение же материи всегда происходит в пространстве и во времени. Объективный характер пространства и времени признавали все материалисты. Еще Фейербах говорил, что пространство и время представляют собой формы бытия материи. Диалектический материализм органически связывает признание объективной реальности времени и пространства с признанием существования материи как объективной реальности, подчеркивая этим неотделимость пространства и времени от материи. Он противопоставляет материалистическую линию в вопросе о пространстве и времени, признающую их объективную реальность, идеалистической линии, отрицающей объективную реальность пространства и времени.

Идеалистическая трактовка вопроса о пространстве и времени наиболее ярко выражена в кантианской и махистской философии. По Канту, пространство и время не существуют объективно, независимо от сознания, а являются лишь априорными (данными до опыта и независимо от опыта) формами нашего чувственного созерцания. Махисты рассматривают пространство и время не как объективные формы существования материи, а как упорядоченные системы рядов ощущений. Критикуя подобное субъективистское

положение Маха, В. И. Ленин писал: «Это — явная идеалистическая бессмыслица, неизбежно вытекающая из учения, что тела суть комплексы ощущений. Не человек со своими ощущениями существует в пространстве и времени, а пространство и время существуют в человеке, зависят от человека, порождаются человеком, вот что выходит у Маха» [1].

Многие философы-идеалисты и отдельные естествоиспытатели отрицали и отрицают объективную реальность времени и пространства только потому, что естественнонаучные представления о них носят относительный, изменчивый характер и со временем претерпевают крутую ломку. Например, неопозитивисты продолжают в вопросе о времени и пространстве линию идеализма. По их мнению, время и пространство являются чистыми, лишенными объективного содержания понятиями.

Идеалистическая теория, выводящая реальные пространство и время из сознания человека, опровергается, как показал В. И. Ленин, самим фактом существования Земли во времени и пространстве задолго до появления человека, его опыта и сознания. Этот факт имеет решающее значение для разоблачения несостоятельности любых идеалистических взглядов на время и пространство.

В. И. Ленин, вскрывая гносеологические корни идеализма в понимании пространства и времени, указывал, что махисты смешивают вопрос об изменяемости естественнонаучных представлений о времени и пространстве с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве.

В противоположность махистским и прочим идеалистическим учениям диалектический материализм различает объективные, реальные время и пространство как формы существования материи и наши представления о них. Он считает, что нельзя смешивать вопрос о том, как именно при помощи органов чувств человек воспринимает пространство и время и как вырабатываются из этих восприятий научные понятия о пространстве и времени, с вопросом о том, соответствуют ли этим восприятиям и понятиям человечества объективные, реальные время и пространство, существующие независимо от человека. Представления людей о времени и пространстве отражают объективные, реальные время и пространство. Естественнонаучные

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 184.

представления и понятия о времени и пространстве относительны, изменчивы, но изменчивость этих представлений, указывал В. И. Ленин, так же не опровергает объективной реальности того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности внешнего мира.

Пространство и время не только объективны, но и абсолютны в том смысле, что являются обязательными, основными, всеобщими формами существования движущейся материи. «В мире нет ничего,— говорил Ленин,— кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [1]. Любая из частей материи, будь то звезда или электрон, обязательно существует в пространстве и времени. Пространство и время присущи всем видам и состояниям материи как неотъемлемые формы ее бытия. Вместе с тем пространство и время относительны в том смысле, что их свойства определяются конкретными видами и состояниями движущейся материи.

Неразрывность пространства и времени и их специфика. Диалектический материализм отвергает не только идеалистический, но и метафизический взгляд на пространство и время, согласно которому они рассматриваются как самостоятельные, независимые от движущейся материи и друг от друга сущности. С точки зрения философии марксизма-ленинизма пространство и время находятся в диалектическом единстве с движущейся материей. Они не существуют и не могут существовать отдельно от материи и движения, так же как материя и движение не могут существовать отдельно от пространства и времени.

Но если движение материи невозможно вне пространства и времени, то отсюда вытекает, что пространство и время неразрывно связаны не только с движущейся материей, но и между собой. Движение материи всегда происходит во времени и вместе с тем в пространстве, и нельзя себе представить это движение только во времени или только в пространстве. «...Основные формы всякого бытия,— писал Энгельс,— суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства» [2].

Неотделимость пространства и времени друг от друга, так же как и неотделимость того и другого от материи и ее

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 181.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 51.

движения, вовсе не означает, что между ними нет никакого различия. Пространство и время — это разные формы бытия материи.

В чем состоят особенности пространства и времени? Пространство имеет свои специфические по сравнению со временем свойства, характерные только для него. Существовать в пространстве — это значит находиться в соседстве с другими объектами, быть каким-либо образом расположенным подле других материальных объектов, занимать место среди них. Но для того чтобы занимать место, надо иметь объем, обладать протяженностью. Протяженность, порядок расположения сосуществующих материальных объектов, расстояние между ними и т. п. — все это, взятое в единстве, составляет пространство как специфическую форму существования материи и выражается в понятии пространства.

Важнейшим свойством реального пространства является его трехмерность. Пространство имеет три измерения: длину, ширину и высоту. Если пространство трехмерно, то, следовательно, любой материальный объект существует в пространстве с тремя измерениями, соответственно которым он может двигаться. Только идеалисты могут отрицать объективную реальность трехмерности пространства. Так, например, махисты считали, что атомы, электроны нельзя ощущать, поэтому не обязательно представлять их в пространстве с тремя измерениями. Многие современные буржуазные философы и физики-идеалисты также отрицают трехмерность пространства в применении к микромиру. Но успехи науки о строении материи опровергают идеализм и все больше и больше подтверждают материалистический взгляд на пространство и время.

Критикуя Маха и махистов, отрицавших трехмерное пространство в применении к микрочастицам, В. И. Ленин писал: «Естествознание не задумывается над тем, что вещество, которое им исследуется, существует не иначе, как в пространстве с 3-мя измерениями, а следовательно, и частицы этого вещества, хотя бы они были так мелки, что видеть мы их не можем, «обязательно» существуют в том же пространстве с 3-мя измерениями» [1].

Характерная особенность времени состоит в том, что оно выражает соотношение между движениями различных материальных объектов, последовательность развития ма-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 187—188.

териальных процессов, смену состояний движущейся материи. Если в пространстве материальные объекты расположены один подле другого, то во времени они следуют один за другим, и притом в определенной последовательности.

Специфическим свойством времени в отличие от пространства является его одномерность. Для определения данного момента времени требуется не три числа, как для определения объема тела или его положения в пространстве, а только одно число. Это число (минута, час, год и т. д.) обозначает определенный период времени, прошедший от одного момента до другого. Со свойством одномерности времени прямым образом связано другое его свойство — необратимость. Если в пространстве тело может двигаться в различных направлениях: вверх — вниз, вправо — влево, вперед — назад соответственно трем его измерениям,— то во времени тело может двигаться лишь в одном направлении. Время протекает только от прошлого через настоящее к будущему. Но оно никогда не идет назад, вспять. Как в природе, так и в истории развития человеческого общества существует объективная необратимая последовательность событий во времени, в которой прошлое, настоящее и будущее связаны между собой таким образом, что они не могут поменяться местами. Свойство необратимости времени, протекания времени только в одном определенном направлении есть выражение необратимости причинно-следственных отношений явлений, где следствие всегда и при всех условиях появляется после своей причины. Таким образом, понятие времени выражает последовательность протекания и смены состояний материальных процессов, их временну́ю длительность.

Понятие о пространстве и времени диалектический материализм неразрывно связывает с материалистическим решением основного вопроса философии, с безусловным признанием того, что наши ощущения представляют собой образы вне нас существующих во времени и пространстве предметов. Правильное отражение в ощущениях человека объективно существующих в пространстве и времени предметов дает ему целесообразную ориентировку в окружающей среде. На основе чувственных восприятий пространства человек различает расстояние, величины и формы вещей, их контуры, глубину, ширину и высоту, направление их движения и т. д. Восприятие объективно существующего времени дает человеку возможность различать, устанавливать последовательность событий и т. п.

Естественнонаучные представления о пространстве и времени. Признание объективной реальности пространства и времени служит исходным пунктом для естествознания, которое изучает конкретные свойства объективно реальных времени и пространства. Естественнонаучные представления о пространстве и времени существуют очень давно. По мере познания людьми реальных пространства и времени они уточняются, совершенствуются, изменяются. Свое научное выражение представление о пространстве, например, получило еще в далекой древности в геометрии Евклида. В физике теория пространства и времени с метафизических позиций была наиболее полно обоснована Ньютоном, который исходил из признания их объективной реальности. Но пространство и время, с точки зрения Ньютона, существуют сами по себе, независимо от движущейся материи и друг от друга. Пространство он представлял как пустое вместилище для тел. Тела, находясь в пространстве и двигаясь в нем, не взаимодействуют с ним. Пространство, по Ньютону, является абсолютной системой отсчета и остается всегда неподвижным, однородным, обладает всюду, во всех точках и направлениях одинаковыми геометрическими свойствами. Время Ньютон определял как чистую длительность и считал, что оно, так же как и пространство, служит абсолютной системой отсчета, благодаря чему якобы становится возможным измерение во времени тех или иных реальных процессов, происходящих в пустом пространстве. Но эти реальные процессы, происходящие во времени, не взаимодействуют с абсолютным временем. Само время, с точки зрения Ньютона, как и пространство, остается всегда одинаковым, т. е. чистой длительностью. Именно поэтому оно и является по его мнению, абсолютной системой отсчета. Это был метафизический взгляд на пространство и время, выразивший положения о пространстве и времени применительно к механическим процессам. При этом основой пространственных понятий в механике Ньютона служила геометрия Евклида с ее представлением об однородности и одинаковости свойств всего бесконечного пространства.

Однако дальнейшее развитие научных представлений о пространстве и времени показало, что все многообразные свойства всего бесконечного пространства не могут быть выражены одной геометрией Евклида, что геометрия Евклида справедлива только для определенных ограни-

ченных областей пространства и не может рассматриваться как абсолютная система геометрии, ибо могут существовать и другие, неэвклидовы геометрии. Так, геометрия, созданная русским ученым Н. И. Лобачевским, отражает новые, неизвестные ранее, свойства пространства. Она исходит из материалистического принципа зависимости геометрических свойств пространства от материи, от происходящих материальных процессов. Обосновывая возможность существования многообразных свойств пространства, Лобачевский построил новую систему геометрических положений, отличных от положений евклидовой геометрии.

Идеи Лобачевского значительно подорвали метафизические представления об однородности и абсолютности пространства. Вместе с тем эти новые идеи явились сильным ударом по априоризму Канта, который рассматривал пространство и время как доопытные формы чувственного созерцания. Лобачевский показал, что пространственные формы присущи самому объективному миру и что геометрические положения отражают свойства реального пространства, имеют опытное происхождение.

Идеи Лобачевского получили свое дальнейшее развитие в теории относительности, созданной Альбертом Эйнштейном. Теория относительности, которая включает в себя частную и общую теорию относительности, вскрыла конкретные формы органической взаимосвязи пространства и времени, установила их зависимость от распределения и движения материи, показав тем самым, что пространство и время не являются абсолютными в смысле классической физики. Так, частная теория относительности, подвергнув пересмотру старые представления об одновременности событий, установила, что абсолютной одновременности событий, происходивших в разных материальных системах, т. е. в разных условиях движения, не может быть, ибо не существует единого всегда и везде равномерного потока времени, что эта одновременность носит относительный характер.

Далее, частная теория относительности доказала, что пространственные и временные характеристики в различных соотносительных материальных системах отсчета будут различными. Например, в материальной системе, движущейся прямолинейно и равномерно относительно покоящейся системы отсчета, расстояние вдоль оси движения будет короче и время будет течь медленнее но

сравнению с покоящейся системой. Эти изменения длин и времени зависят от скорости относительного движения тел. По мере возрастания скорости движения длина движущегося тела в направлении движения сокращается и течение времени соответственно замедляется.

Таким образом, частная теория относительности показывает зависимость пространственных и временны́х характеристик от движущихся относительно друг друга материальных систем. Вместе с тем она устанавливает органическую связь пространства и времени друг с другом, дает более глубокое по сравнению с прежней физикой объяснение многообразия свойства единого пространства-времени. Выражением конкретной картины единого пространства-времени служит представление о «четырехмерном» многообразии, введенное в науку немецким математиком и физиком Германом Минковским. Это представление отражает объективную неразрывную взаимосвязь, в которой трехмерное пространство и одномерное время образуют единое пространство-время. Оно указывает, что все материальные процессы совершаются в пространстве и вместе с тем во времени, что при характеристике этих процессов пространство нельзя брать изолированно от времени и наоборот.

В разработанной Эйнштейном общей теории относительности доказывается еще бо́льшая непосредственная зависимость свойств пространства-времени от движущейся материи, в частности от концентрации и движения материальных масс. Наукой установлено, что отклонение реальных свойств пространства от евклидовых («кривизна» пространства), а также изменение ритма течения времени обусловливаются материальными массами, полями тяготения. При наличии материальных масс, а следовательно, сильных полей тяготения искривление пространства увеличивается, а ход времени замедляется. Одним из конкретных фактов, подтверждающих зависимость кривизны пространства от скопления материальных масс, служит факт искривления светового луча вблизи Солнца.

Разумеется, теорию относительности, как и всякую другую научную теорию, нельзя считать окончательной истиной. В познании реальных пространства и времени и их свойств, как и в познании мира в целом, нет предела. Как уже отмечено выше, наши знания о времени и пространстве изменяются, уточняются и обогащаются. Но все эти изменения и уточнения представлений о пространстве и време-

ни не могут поколебать самого факта объективного, реального их существования.

Бесконечность материи в пространстве и во времени. Диалектический материализм признает бесконечность материи во времени и в пространстве. Материя — это объективная реальность, которая не имеет пределов, которая бесконечна как в смысле своего существования в пространстве и во времени, так и в смысле неисчерпаемости количественного и качественного многообразия своих состояний и превращений. Пространство и время, будучи всеобщими коренными формами существования материи, так же неисчерпаемы в количественном и качественном многообразии своих свойств, как и сама материя. Они бесконечны, так как выражают бесконечное многообразие форм и превращений движущейся материи, бесконечную последовательность протяженностей материальных объектов и длительностей идущих один за другим материальных процессов. Но вместе с тем отдельные состояния материи и связанные с ними конкретные свойства пространства и времени ограниченны, конечны. При этом бесконечное и конечное диалектически связаны друг с другом, так что бесконечное существует и проявляется лишь в конечном, через конечное. В то же время конечное есть частичка бесконечного, неисчерпаемого в своем многообразии материального мира.

Положение диалектического материализма о вечности и бесконечности мира во времени и пространстве находит свое подтверждение в современной астрономии, которая на основе научных наблюдений и исследований показывает, что во Вселенной происходит бесконечный процесс созидания и разрушения отдельных звезд и звездных систем, но нет границ для Вселенной в целом. По мере расширения пределов научного познания все более и более подтверждается положение о бесконечности мира. Современные средства изучения звездных систем — мощные телескопы, радиотелескопы — дают возможность обнаружить такие отдаленные системы звезд, свет от которых доходит до нашей планеты за миллиарды лет. А ведь свет, как нам известно, распространяется в пустоте со скоростью 300 тыс. *км/сек.*

Положения диалектического материализма и данные современной астрономической науки о бесконечности мира в пространстве и во времени подрывают идеалистическое утверждение о конечности мира. Однако идеализм и религия

еще не сложили своего оружия, не перестали распространять вымыслы о сотворении мира сверхъестественной силой — богом. И в настоящее время буржуазные философы и ученые-идеалисты усиленно проповедуют идею о конечности мира, об ограниченности его во времени и пространстве, пытаясь при этом истолковать по-своему данные современной науки. Например, они используют установленный наукой факт, что все наблюдаемые нами галактики удаляются от нас и друг от друга, так что обозреваемый участок Вселенной как бы расширяется. Исходя из этого факта, некоторые буржуазные астрономы и философы-идеалисты пытаются обосновать религиозную догму о конечности мира и его творении. Однако они упрощенно истолковывают сам факт удаления звездных систем друг от друга, ибо из него вовсе не следует, что во всей бесконечной Вселенной происходят только такие процессы. Следует также иметь в виду, что многие идеалистические и теологические концепции Вселенной исходят из уже опровергнутого наукой утверждения об однородной плотности Вселенной. Между тем новейшие данные науки о распределении материи во Вселенной показывают ее неоднородность и бесконечность.

В мире совершается постоянное изменение движущейся во времени и пространстве материи. В этом всеобщем процессе изменения каждая отдельная форма существования материи одинаково преходяща, в нем ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи. Во всех своих превращениях, писал Энгельс, материя остается вечно существующей, ни один из ее атрибутов не может погибнуть. Пространство и время как неотъемлемые формы существования материи так же вечны и бесконечны, как и сама материя.

ГЛАВА III

СОЗНАНИЕ, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ

1. СООТНОШЕНИЕ МАТЕРИИ И СОЗНАНИЯ

Общее понятие о сознании. В отличие от материальных духовные явления возникают, существуют и развиваются как нечто производное, вторичное по отношению к материи. Все духовные, идеальные и субъективные явления в философском смысле именуются сознанием. Вопрос об отношении сознания к материи является основным вопросом философии. Научное, диалектико-материалистическое его решение состоит в том, что сознание является свойством высокоорганизованной материи, функцией того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека. Само по себе сознание не заключает в себе «ни грана» материи, но вне соотношения с материей не может быть раскрыта природа сознания. Впрочем, также немыслимо раскрыть и сущность материи вне ее соотношения с сознанием.

В философской литературе понятие «сознание» употребляется далеко не однозначно. Под сознанием в широком смысле слова имеется в виду психическое отражение действительности независимо от того, на каком уровне оно осуществляется — биологическом (психика животных) или социальном (психика, сознание человека) и в каких формах — чувственных (ощущения, восприятия, представления) или логических (понятия, суждения, умозаключения). Когда имеется в виду сознание именно в этом широком философском смысле, то тем самым подчеркивается его понимание лишь в аспекте основного вопроса философии как вторичного по отношению к объективному миру.

В более узком смысле слова под сознанием понимается не просто психическое отражение мира, а высшая, специфически человеческая форма психического отражения объективной реальности.

Основным марксистско-ленинским понятием, раскрывающим сущность человеческого сознания, является понятие отражения. Сознание представляет собой высшую форму отражения материи. Поэтому без выяснения соотношения сознания и материи невозможно уяснить сущность сознания. Как будет показано дальше, существуют различные уровни и формы отражения: отражение в неживой природе, отражение в виде раздражимости у растений, психическое отражение у животных и, наконец, специфически человеческий способ отражения — сознание.

Ощущения, восприятия, представления и понятия — это формы отражения, образы, снимки действительности. Они, следовательно, являются вторичными по отношению к отражаемой ими действительности, которая, наоборот, есть первичное, определяющее. Понятие отражения с необходимостью предполагает признание того, что отражается, т. е. объективной реальности, материи. «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [1].

Борьба материализма и идеализма по вопросу о сущности сознания. По вопросу о сущности сознания в истории философии происходила и происходит острая борьба между материализмом и идеализмом. Идеалистическая философия изолирует сознание от внешнего материального мира, рассматривает его как особую самостоятельную сущность, т. е. придерживается позиции, несовместимой с данными науки и общественной практики.

Своими историческими корнями идеалистические воззрения уходят в отдаленные времена, когда люди, подавленные стихийными и еще непонятными им силами природы, не имели правильных представлений о строении и деятельности органов своего тела, считали, что ощущения, мысли, сновидения и т. д. есть результат деятельности особого сверхъестественного, независимого от тела, животворящего и познающего начала — души, являющейся якобы совокупностью и средоточием всех функций сознания, источником ориентации человека в окружающем мире. «...Люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений... пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом теле...» [2]. Так, по словам Энгельса, возникла

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 25.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 282.

вера в духов и существование души как двойников тела (первобытный анимизм). Появившись еще в древности, идеалистические воззрения выступали впоследствии в значительно более усложненной и зачастую замаскированной форме, что ни в какой мере не меняет их сущности, их основного идеалистического ненаучного содержания. На идеалистических позициях стоят и представители дуализма, исходящие из признания двух субстанций: материи и духа, причем обе они характеризуются дуалистами как равнозначные и независимые друг от друга. Сознание, с точки зрения дуалистов, не является функцией мозга, а существует будто бы само по себе, вне мозга, никак не зависит от него.

Одной из широко распространенных идеалистических, по своему существу дуалистических концепций является концепция так называемого психофизического параллелизма, согласно которой взаимодействие между душой и телом невозможно из-за их абсолютной несовместимости и разнородности. В рамках этой концепции психическое и физическое рассматриваются как существующие независимо друг от друга, причем психическое не связано с физиологическими процессами, протекающими в мозгу человека.

Как и прочие дуалистические концепции, психофизический параллелизм представляет собой лишь одну из разновидностей идеализма и отвергается наукой. С точки зрения дуализма между материей и сознанием существует непроходимая пропасть. А отсюда следует агностический вывод: каким образом материя может мыслить, на вечные времена было и будет принципиально неразрешимой мировой загадкой.

Противоположностью дуализма выступает монизм. Существуют два типа монизма — материалистический и идеалистический. Материалистический монизм в решении основного вопроса философии исходит из первичности материального мира, а сознание рассматривает как нечто производное от материи, содержанием которого является объективная действительность. Единство мира материалистический монизм видит в его материальности.

В противоположность материалистическому идеалистический монизм исходит из первичности идеального, сознания, духа. Последовательный идеализм (идеалистический монизм) сознание принимает за творца материального мира, хотя в действительности оно представляет

собой обычное человеческое сознание, но мистифицированное, отделенное от реального человека и его мозга. Такое мистифицированное сознание будто бы порождает из себя природу, весь окружающий мир. Принципы идеалистического монизма полностью противоречат данным науки. Допущение существования сознания вне единственного субъекта сознания — человека является совершенно абсурдным. Положение идеализма о первичности сознания и производном характере материи представляет собой не что иное, как утонченное выражение религиозной формы мировоззрения, согласно которому мир создан богом. Идеализм тем самым по существу полностью снимает проблему об объективной закономерности происхождения, исторического развития и сущности сознания.

В противоположность идеалистическим воззрениям материалистическая философия исходит из того, что сознание — это одно из свойств движущейся материи. Материя существует вне сознания и независимо от него. Наши ощущения, представления и понятия и та объективная реальность, которая в них отражается, не одно и то же. Но противопоставление сознания материи — лишь одна сторона дела. Для понимания соотношения сознания и материи чрезвычайно важно подчеркнуть также и другую сторону: любое отражение объективной реальности в сознании есть не что иное, как функция человеческого мозга, являющегося частицей материального мира. Сознание не может существовать вне материи.

Материя и исторически и гносеологически первична по отношению к сознанию: она и *носитель*, и *причина*, *источник* его возникновения. Сознание же нечто производное от материи. Материя в своем движении сперва порождает такие структурные образования, которые не обладают способностью психического отражения внешних воздействий. И только в результате возникновения жизни, нервной системы возникло психическое отражение, а затем на уровне человека — сознание в собственном смысле этого слова или общественно обусловленный способ отражения действительности.

Последовательно материалистическое понимание сознания было впервые дано в трудах классиков марксизма, решительно отвергнувших идеалистический подход к сознанию как проявлению особого духовного начала, как чистой сферы духа, будто бы не зависящей от материи. Объективная реальность и ее отражение в мозгу — это

качественно разные явления. Мысль о предмете и сам предмет не одно и то же.

Марксизм полностью преодолевает в учении о сознании ограниченность метафизического материализма, его созерцательность и порождаемые им упрощенные представления об отражательной деятельности мозга. Сознание не есть пассивное отражение, а активный, творчески деятельный процесс.

Сознание есть продукт исторического развития общественной практики, особая, идеальная форма человеческой деятельности. Даже на той ступени развития, когда сознание приобретает относительную самостоятельность, практика остается его основой и критерием истинности его содержания. Сознание есть функция человеческого мозга и в этом смысле представляет собой естественный процесс. Однако сознание человека не существует вне общества, вне языка, вне накопленных человечеством знаний и выработанных им способов восприятия и мыслительной деятельности. Каждый отдельный человек становится субъектом сознания, лишь овладевая языком, понятиями, логикой, представляющими собой продукт развития общественно-исторической практики. Исторически сознание возникло на основе общественно-трудовой деятельности людей, в ходе которой у человека сформировались способности понимать и окружающий мир, и самого себя, осуществлять разумные поступки.

2. СОЗНАНИЕ И МОЗГ

Физиологические основы сознания. Диалектико-материалистическое понимание сознания состоит в том, что его источником является окружающая действительность, а материальным субстратом — головной мозг. Человеческий мозг есть орган мысли, сознание формировалось и развивалось вместе с развитием человеческого мозга. Наше сознание и мышление, как бы ни казались они сверхчувственными, являются продуктом вещественного, телесного органа — мозга. Совершенно очевидно, что без мозга, без механизма проводящих путей, связывающих его с миром, не существует духовной жизни.

У животных в ходе их эволюции возникла способность психического отражения внешних воздействий лишь тогда, когда у них возникла нервная система. Усовершенство-

вание психики высших животных и человека под влиянием изменения образа их жизни тесно связано с развитием мозга. Сознание человека возникло и развивается в тесной связи с возникновением и развитием специфически человеческого мозга. Мозг первобытного человека был слабо развит и мог служить органом лишь примитивного сознания. После того как возник человек современного типа со сложно организованным мозгом, в процессе труда возник и специфический способ отражения действительности — сознание. Подобный процесс можно проследить и на примере становления индивидуальной психики. Сознание ребенка формируется под влиянием воспитания и обучения. Одновременно происходит и развитие его мозга. В том же случае, когда разрушается утонченная структура организации материи мозга, «надламывается» и психика человека, ослабляется его мыслительная деятельность. Все это говорит о том, что мозг есть орган сознания как высшей формы психического отражения действительности.

Мозг человека представляет собой чрезвычайно сложный нервный аппарат, который состоит из громадного числа нервных клеток. По подсчетам ученых, их насчитывается около 15 миллиардов. Каждая из клеток взаимодействует с тысячами других, образуя в целом гигантскую сеть связей, по нервным волокнам уходящих к нервным окончаниям внутренних и внешних органов чувств.

Выдающиеся русские ученые И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский, А. А. Ухтомский и их последователи выдвинули и развили идею о том, что психика, сознание по своему материальному механизму носит рефлекторный характер. Так, Сеченов показал, что все акты как сознательной, так и бессознательной жизни по способу своего образования суть рефлексы, которые делятся на три главных звена: начальное звено — внешнее раздражение и превращение его органами чувств в процесс нервного возбуждения, передаваемого в мозг; среднее звено — центральные процессы в мозгу (процессы возбуждения и торможения) и возникновение на этой основе психических состояний (ощущений, мыслей и т. п.); конечное звено — внешние движения. При этом Сеченов отмечал, что среднее звено рефлекса с его психическим содержанием не может быть обособлено от двух остальных звеньев — внешнего раздражения и ответного действия. «Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда

его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге — везде окончательным фактом является мышечное движение» [1].

Положение Сеченова о нерасторжимости всех трех звеньев рефлекса крайне важно для понимания сущности психики, сознания. Во-первых, оно важно для материалистического понимания сознания, всех действий и поступков человека как причинно обусловленных внешними воздействиями. «*Первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем чувственном возбуждении,* потому что без него никакая мысль невозможна» [2]. При этом имеются в виду не только актуальные, в ранний момент испытываемые возбуждения, но и вся совокупность ранее испытанных человеком воздействий, весь прошлый опыт.

Во-вторых, оно важно для понимания сознания не просто как пассивного созерцания мира и субъективного переживания человека. Если бы это было так, то психика, сознание не имели бы никакого практического смысла. Положение же Сеченова дает возможность понять сознание как активную силу, как субъективную предпосылку практической деятельности, как регулятор поведения, поступков человека. Гениальная идея Сеченова о том, что рефлекторная деятельность головного мозга составляет материальный субстрат психики, сознания, оставалась по существу гипотезой, пока был известен лишь один тип простых, наследственных рефлексов.

Рефлекторная теория работы головного мозга развитие и глубокое экспериментальное обоснование получила в трудах И. П. Павлова и его учеников. Павлов показал, что в коре больших полушарий головного мозга в результате одновременного действия условного и безусловного раздражителей образуются временные связи, ассоциации. Важным принципом рефлекторной теории является принцип подкрепления: закрепляется та связь, которая подкрепляется достижением результата. Подкрепление же осуществляется с помощью механизма обратной связи. Ее жизненный смысл состоит в том, чтобы постоянно ставить в известность мозг о происходящем в управляемой

---

[1] *И. М. Сеченов.* Избр. произв. М., 1953, стр. 33.
[2] Там же, стр. 101.

им системе. Причем если для выработки условного рефлекса у животных необходимо, чтобы ранее безразличный раздражитель вступил в связь лишь с биологически важным раздражителем, то у человека фактором подкрепления может служить прежде всего общественная значимость явления, моральный стимул и т. п. При образовании условных рефлексов раздражитель, который раньше был безразличен для организма (например, свет лампочки), становится сигналом другого раздражителя, имеющего для организма прямое жизненное значение (пища, опасность и т. д.). Условный рефлекс, таким образом, выполняет роль сигнализатора, предупреждения о предстоящих событиях, что является необходимым условием так называемого опережающего отражения или предвидения.

У человека условными сигналами — и это крайне важно — могут быть не только предметы, но и слова, которые их обозначают и тем самым сигнализируют о них. Следовательно, слово может выступать в роли сигнала сигналов. При этом слова сигнализируют не только о непосредственно воспринимаемых вещах. С помощью слова человек получает знания о любых вещах, в том числе и о тех, которых он никогда сам и не видел.

Итак, среди всего многообразия воздействующих на человека условных раздражителей различаются две системы сигналов. В одну из них входят все чувственно воспринимаемые предметы, их свойства и отношения. Это первая сигнальная система, общая у человека с животными. Речь образует вторую сигнальную систему. Она имеется лишь у человека.

Таким образом, все положения рефлекторной теории работы коры головного мозга подтверждают и доказывают исходное положение материализма, что психика, сознание есть функция мозга, отражение действительности. Понятие рефлекса выражает взаимосвязь и взаимодействие организма с внешним миром, *причинную* зависимость работы мозга от объективного мира через посредство практических действий. Рефлекторный процесс начинается с восприятия раздражителя, продолжается нервными процессами коры головного мозга и заканчивается ответной деятельностью организма.

Дальнейшим творческим развитием теории физиологических механизмов психики являются идеи советского физиолога П. К. Анохина об акцепторе действия (центральный аппарат, который принимает и синтезирует

импульсы, идущие от рабочих органов). На основе принципа обратной информации, идущей от работающего органа, происходит соответствующая коррекция осуществляющегося действия по пути к достижению цели.

В исследовании мозга применяется сложная электронная аппаратура. Анализ работы мозга ведется на клеточном и молекулярном уровне, изучается жизнедеятельность отдельных нервных клеток (нейронов) или даже отдельных их частей. Многочисленные исследования показали, что даже отдельные нервные клетки могут осуществлять довольно сложные функции. Так, они могут различать внешние воздействия, запоминать их, отвечать на их воздействия. Однако если внешнее воздействие будет монотонно повторяться, то клетка может вскоре перестать реагировать на данный раздражитель. Такого рода клетки мозга называются клетками новизны.

Исследованы также нейроны, которые выполняют и другие функции переработки поступающей в мозг информации. Так, например, при помощи контрастных веществ, которые вводятся в сосуды мозга, получают снимки этих сосудов и на этом основании судят о состоянии и работе мозга.

Человеческий мозг представляет собой сложную живую функциональную систему. Подлинно научное понимание функционирования этой системы предполагает обобщение достижений, полученных как при анализе отдельных нейронов, так и при изучении практической деятельности человека в целом. Как показывают многосторонние физиологические исследования, нервные процессы, возникновение ощущений, чувств, побуждений, мыслей и т. д. в своей основе имеют такие материальные процессы, совершающиеся в мозгу, как электрохимические, физиологические, биофизические, биоэлектрические, биохимические.

Характеристика сознания как свойства головного мозга выражает не только зависимость, неотъемлемость духовных, психических явлений от высокоорганизованной материи, но и его качественную специфику. Мозг как орган сознания по отношению к своему внешнему свойству — сознанию — выступает как материальный субстрат, и он не может быть отождествлен с этим свойством. Сознание существует в голове человека лишь как субъективный образ объективного мира. «...Наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира, и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого, но

отображаемое существует независимо от отображающего»[1].

Сознание — субъективный образ объективного мира. Критика вульгарно-материалистической концепции сознания. Физиологические механизмы психических явлений нельзя отождествлять с содержанием психики, представляющей собой отражение действительности в форме субъективных, идеальных образов.

Диалектический материализм выступает против извращенного понимания сути сознания сторонниками вульгарного материализма. Вульгарный материализм сводит сознание к физиологическим процессам, происходящим в мозгу, тем самым отождествляет сознание с материей. Его представителями были К. Фогт, Л. Бюхнер, Я. Моллешотт и др. Как писал К. Фогт, «мысль находится почти в таком же отношении к головному мозгу, как желчь к печени....»[2]. И в этом смысле сознание выступает как нечто материальное. Подобные точки зрения имеют место и в настоящее время.

Отождествление сознания и материи грубая ошибка. Классики марксизма-ленинизма подвергли подобные воззрения резкой критике, считая их грубым, вульгарным материализмом. Так, критикуя вульгарно-материалистические ошибки И. Дицгена, полагавшего, что «дух не больше отличается от стола, света, от звука, чем эти вещи отличаются друг от друга»[3]. В. И. Ленин писал: «Тут явная неверность. Что и мысль и материя «действительны», т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом»[4].

Вместе с тем Ленин указывал, что «противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что́ признать первичным и что́ вторичным»[5]. В каком смысле первичным является материя, а вторичным сознание? Прежде всего в том смысле, что сознание есть отражение, воспроизведение мозгом объективной реальности. Если же иметь в виду нейрофизиологиче-

[1] *В. И. Леник*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 66.
[2] *Карл Фогт*. Физиологические письма, вып. 2, СПб., 1864, стр. 335.
[3] Цит. по: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 257.
[4] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 257.
[5] Там же, стр. 151.

ские механизмы отражения объективного мира мозгом, то различие материального и идеального имеет уже не абсолютный, а относительный характер. Почему? Да потому, что мысль неотделима от мозга, потому что она есть функция мозга, она составляет духовное содержание тех материальных процессов, которые совершаются в мозгу.

Мысль, сознание существуют, но это не объективная реальность. Когда, например, мы видим березу, то в нашем мозгу нет физического отпечатка этого дерева, а вещество мозга не становится белым от воздействия белого цвета березы. Отражаемый нами образ предмета есть нечто субъективное, идеальное: он не сводится ни к самому материальному объекту, находящемуся вне нас, ни к тем физиологическим процессам, которые происходят в мозгу и порождают этот образ. Характеристика сознания только в его отношении к мозгу, к физиологическим процессам, протекающим в мозгу, не раскрывает его чрезвычайно сложных особенностей. Специфика сознания с большей полнотой выявляется при рассмотрении его соотношения с объективным миром и отношения человека к этому миру. По характеристике К. Маркса, «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1].

Как духовная деятельность, противоположная материальному, сознание непосредственно формируется под влиянием общественной практической деятельности людей и в конечном счете определяется этой деятельностью. Хотя сознание является свойством мозга, но осознает действительность не мозг сам по себе, а общественное существо — личность, обладающая нормально развитым мозгом и выступающая как субъект преобразующей практической деятельности. Отсюда следует, что сущность человеческого сознания невозможно вскрыть исходя лишь из анатомо-физиологических и других материальных свойств и особенностей человеческого мозга. Возникновение, функционирование и развитие сознания возможно только в обществе. Сознание каждого человека вбирает в себя опыт, знания, убеждения, верования, заблуждения, оценки той общественной среды, в которой он растет. Наука, искусство, религия, политические, убеждения, нравственные нормы в той форме, в какой они существуют в данном обществе, изо дня в день воздействуют на

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 21.

личность. Все это вместе со всем жизненным опытом делает из каждого отдельного человека представителя определенного образа жизни, уровня культуры и психологии. Процесс осознания мира отдельным человеком всесторонне обусловлен развитием познания мира всем человечеством.

Сознание — как личное, так и общественное — есть субъективный образ объективного мира. Что значит субъективность образа? Это означает прежде всего принадлежность образа субъекту, человеку, а не объективному миру. Понятие субъективности означает и тот факт, что образ, будучи отражением действительности, является не механическим, а идеальным ее отпечатком. Как субъективный, идеальный образ не тождествен отражаемому объекту. Поскольку ощущение принадлежит субъекту, оно и несет на себе печать той личности, которой принадлежит. Нет двух людей, которые абсолютно тождественно воспринимали бы один и тот же объект, особенно сложные процессы природной и социальной действительности. Это и понятно. У людей разный жизненный опыт, разные или даже противоположные интересы, установки, социальные, классовые позиции. Строго говоря, нет двух людей с абсолютно одинаковой организацией нервной системы, органов чувств, мозга, с одинаковым состоянием организма в целом. Все это, несомненно, приводит к некоторому индивидуальному своеобразию в тех или иных ощущениях различных людей.

Субъективность образа означает и неполноту отражения, то, что ощущения никогда не охватывают, не исчерпывают того или иного свойства объекта. Они отражают свойства вещей лишь с большей или меньшей степенью приближения.

Сознание и объективный мир — это противоположности, образующие единство. Основой этого единства является практика, чувственно-предметная деятельность людей. Именно она и порождает необходимость психического, сознательного отражения действительности. По замечанию Ленина, «человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему *объективно-правильного* представления о ней» [1].

Активность сознания. Объективный мир, воздействуя на человека, отражается в сознании, преобразуется в идеальное. В свою очередь сознание, идеальное претво-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 185.

ряется в действительность, в реальное. «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды» [1].

Сознание характеризуется активно-творческим отношением к внешнему миру, к человеческой деятельности, направленной на достижение заранее поставленных целей. Мозг не только человека, но и животных обладает поразительной активностью.

Мозг человека как управляющая система высокой степени сложности устроен так, чтобы не только получать, хранить и перерабатывать информацию, но и формулировать план действий и осуществлять активное, творческое управление действиями.

Действия человека характеризуются определенной направленностью, устремленностью к достижению конечного результата, цели. Между каждым предыдущим и последующим этапами процесса действия и деятельности в целом имеется более или менее четкая согласованность: ход процесса предопределен планом. Если проанализировать, на чем базируется формирование практических действий, то окажется, что каждый значимый поступок человека представляет собой решение той или иной задачи, цели. Но задача действия как запланированного результата, которого человек стремится достигнуть, есть то, что должно быть создано, но чего еще реально не существует. Словом, задача действия представляет собой идеальную модель желаемого будущего. Поступок не может быть ни спланирован, ни осуществлен, если человек не создал для этого направляющей предпосылки в виде идеальной модели будущего, т. е. цели.

Таким образом, каждый поступок предполагает два тесно связанных между собой процесса. Один из них — это предусмотрение, предвидение, предвосхищение будущего, вытекающее из познания соответствующих связей и отношений вещей. Другой процесс — программирование, планирование действия, которое должно привести к реализации цели. Цель задает способ видоизменения вещи в реальной практике. Подчеркивая отличие трудовой деятельности человека от поведения животных, К. Маркс отмечал, что «человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 104.

вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»[1].

Каждое действие человека выполняет какое-нибудь намерение; прежде чем что-либо сделать реально, человек «делает» это идеально, в своем представлении. Непременным условием любого сознательного поступка является целеполагание, т. е. предвидение того, «для чего» и «ради чего» человек осуществляет свои действия.

Однако, как отмечал Гегель, «суть дела исчерпывается не своей *целью*, а своим *осуществлением*...»[2]. Реализация цели предполагает применение средств, т. е. того, что создается и существует ради цели. Вне соединения ее со средствами цель оказывается лишь благим и беспомощным порывом, бесплодным стремлением.

Человек при помощи разума пытливо и изобретательно созидает все более и более могущественные и «хитрые» средства, приводя их в движение ради достижения своих многочисленных целей. Маркс ссылается на гегелевскую мысль о хитрости разума, которая состоит в том, что человек с помощью технических изобретений заставляет предметы природы взаимодействовать, осуществляя при этом свою собственную цель. С помощью орудий производства, техники он превращает силы природы в средства реализации своих целей.

Человек создает то, что природа до него не производила. Преобразованные человеком вещи, их конструкция, масштабы, формы и свойства продиктованы потребностями людей, их целями, в них воплощены идеи людей. Именно в творческой и регулирующей деятельности, направленной на преобразование мира и подчинение его интересам человека, общества, состоит основной жизненный смысл и историческая необходимость возникновения и развития сознания. Человек заинтересован не в знании самом по себе, не в приспособлении к действительности, а в преобразующем мир практическом действии, по отношению к которому знание выступает в качестве необходимого средства. Это совсем не означает, будто человеческий ум творит из себя. Все необходимое для творчества заимствуется из наличного бытия, из окружающей природы. Имея в виду именно активную, творческую, преобразующую

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 189.
[2] *Гегель*. Соч., т. IV. М., 1959, стр. 2.

роль научного, передового сознания, когда оно становится достоянием миллионных масс народа, Ленин говорил: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [1].

3. СОЗНАНИЕ — ПРОДУКТ РАЗВИТИЯ МАТЕРИИ

Диалектико-материалистический подход к решению проблемы эволюции форм отражения. Историю формирования сознания можно понять лишь как процесс, имеющий своим основанием возникновение и развитие форм человеческого труда и вытекающих из него форм взаимоотношения людей. Сознание — специфически человеческий способ отражения действительности.

Своей биологической предпосылкой сознание имеет длительный период развития психики у животных. Существует ошибочная точка зрения, согласно которой проблема происхождения сознания из его биологических предпосылок теряет свое основание, поскольку психика имеется будто бы только у человека. Этой позиции придерживался, например, Декарт, полагавший, что животные — это лишь сложные машины. Прямо противоположную точку зрения имеют те ученые, которые считают, что не только человек и животные, но и вся материя является одушевленной. Подобные представления называются *гилозоизмом*.

Марксистско-ленинская философия отвергает как точку зрения универсальной одушевленности материи, так и концепцию, согласно которой психика — это привилегия лишь человека. Она исходит из данных современной науки, свидетельствующих о том, что психическое отражение объективной реальности — это такое свойство материи, которое возникает лишь на уровне живой материи, достигшей высокой степени развития, когда образуется нервная система.

Отражение как общее свойство всей материи. Размышляя об истоках сознания, В. И. Ленин высказал идею о том, что «в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194, 195.

предполагать существование способности, сходной с ощущением» [1]. Расшифровывая свою мысль, Ленин выдвигает положение о том, что «вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» [2]. Отвергая гилозоизм, марксистско-ленинская философия подчеркивает преемственность между неживой и живой материей и указывает на необходимость исследования, «каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения» [3].

Отражение как общее свойство материи связано с тем, что предметы и явления находятся в универсальной взаимосвязи и взаимодействии. Воздействуя друг на друга, они производят при этом те или иные изменения. Эти изменения выступают в виде определенного «следа», который фиксирует те или иные особенности воздействующего предмета, явления. Например, некоторые окаменелости отчетливо хранят отпечаток древнейших рыб и растений. Формы отражения производны от специфики и уровня структурной организации взаимодействующих тел. А содержание отражения выражается в том, какие изменения произошли в отражающем предмете и какие стороны они воспроизводят в воздействующем предмете и явлении.

Отражение и информация. Важной проблемой является проблема сущности информации, ее связи с отражением.

По вопросу о соотношении информации и отражения не существует единства взглядов. Одни ученые полностью отождествляют информацию и отражение. Другие исходят из того, что эти понятия сходны между собой, но не тождественны.

В процессе отражения неизбежно происходит передача информации, т. е. такое перенесение от одного предмета к другому определенной упорядоченности (структуры, формы), на основе которой можно судить об определенных признаках, свойствах воздействующего предмета или явления. Наука и практика, особенно современная техника, требуют точного количественного измерения информации. С этой целью выработаны понятие количества информации и определенные условные единицы ее измерения. Информацию несут в себе и тексты книг, статей, и

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 39—40.
[2] Там же, стр. 91.
[3] Там же, стр. 40.

устная речь, и лучи света, и складки горного хребта, и гул водопада, и шелест листвы.

На любом уровне организации движущейся материи происходят качественно специфические информационные процессы. В неживой природе происходит обмен информацией, но там она не расшифровывается и не осмысливается. На уровне живой материи информация не только передается, но и активно используется. У животных появляется особая приспособительная деятельность — поведение, а вместе с ним и управление, которое невозможно без активного использования информации.

Передача информации осуществляется с помощью определенных сигналов, т. е. материальных процессов, например импульсов электрического тока, электромагнитных колебаний, запахов, звуков, цвета и т. п. Так, например, пчелы передают информацию о наличии нектара с помощью определенных движений, напоминающих танец, а также звуков; у собаки сигналами информации служат по преимуществу запахи и т. д. Информация выступает как содержание сигнала.

Формы отражения, присущие живой природе. Как уже говорилось ранее, отражение является общим свойством всей материи, но на уровне живой материи, жизни оно достигает высокой степени совершенства. Жизнь — это особая, очень сложная форма движения материи. Ее важными признаками являются раздражимость, рост, размножение, в основе которых лежит обмен веществ. Обмен веществ есть процесс деятельности определенного материального субстрата, в условиях Земли — белков и нуклеиновых кислот. По определению Ф. Энгельса, «*жизнь есть способ существования белковых тел*, и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел» [1]. Жизнь — это прежде всего процесс взаимодействия организма и окружающей его среды.

Вокруг проблемы происхождения жизни всегда шла и поныне идет острая борьба. Представители религиозного мировоззрения исходят из того, что жизнь возникла в результате божественного творческого акта. С точки же зрения идеалистического учения витализма жизнь существует вечно, а живое отличается от неживого присутствием особого нематериального и непостижимого жизненного начала

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 82.

(«энтелехии», «созидающей силы»). Марксистско-ленинская философия и современная наука показывают, что жизнь постоянно где-то возникает, а где-то угасает, но в бесконечной Вселенной жизнь вечна. Возникает жизнь естественным образом, по определенным закономерностям. Согласно гипотезе советского ученого А. И. Опарина, жизнь возникла путем выделения коацерватных капелек из жидкостей, в которых в растворенном состоянии находились различные белки. Дальнейшая эволюция этих органических образований осуществлялась под влиянием естественного отбора. Жизнь на нашей планете представлена в виде бесчисленного множества различных организмов, начиная от простейших до самых совершенных, таких, как человек. На основе биологической эволюции вместе с развитием поведения, деятельности организмов и усложнения их строения совершенствуются, прогрессируют и свойственные живой материи формы отражения. Отражение и его формы находятся в прямой зависимости от характера и уровня развития живой материи. В ходе совершенствования организмов у них возникают и развиваются органы чувств, нервная система, усложняются формы отражения действительности.

Раздражимость. Элементарной и исходной формой отражения, свойственной всем живым организмам, является *раздражимость*. Она характеризуется определенным избирательным реагированием живых тел на внешние воздействия. Свойство раздражимости присуще всей живой материи, оно является качественно новой формой отражения по сравнению с неживой природой. Живые организмы — саморегулирующиеся системы. Процесс отражения у них протекает по принципу обратной связи: результат реакции соотносится с потребностями организма. Если реакция ведет к удовлетворению потребности, то она подкрепляется и тем самым закрепляется. Таким образом, раздражимость выражается, как правило, лишь по отношению к воздействиям, непосредственно влияющим на жизнедеятельность организмов, имеющим прямое отношение к поддержанию и развитию жизни, к таким функциям, как питание, самосохранение и размножение.

В ходе эволюции живой материи возникает раздражимость не только по отношению к воздействиям, имеющим непосредственное биологическое значение, но и по отношению к таким воздействиям, которые не имеют прямого биологического значения, а лишь сообщают, сигнализируют о

непосредственно значимых для жизни и развития организма явлениях действительности. Такова, например, раздражимость многих животных по отношению к цвету, запаху, звуку, которые сами по себе не имеют прямого биологического смысла. Но эти раздражители приобретают косвенное биологическое значение для животных: они могут служить сигналом, предупреждающим о непосредственных жизненно важных событиях.

Психические формы отражения на биологическом уровне. На более высоком уровне эволюции живых организмов раздражимость переходит в качественно новое свойство — *чувствительность*, т. е. способность отражать отдельные свойства вещей в виде ощущений. Это означает появление элементарных форм психики как функции нервной системы, отражения действительности.

Более высокий уровень отражения появляется у позвоночных животных. У них возникает способность анализировать сложные комплексы одновременно действующих раздражителей и отражать их в виде *восприятия* — целостного образа ситуации.

Обычно различают два тесно между собой связанных типа поведения у животных: инстинктивное, врожденное поведение, которое передается по наследству, и индивидуально приобретенное, основанное на условных рефлексах. Физиологическим механизмом инстинктивного поведения являются безусловные, врожденные рефлексы, а индивидуально приобретенного — условные рефлексы. Инстинктивная деятельность особенно характерна для насекомых, у которых она достигает поразительного совершенства и часто приобретает вид целесообразного действия. Однако у животных отсутствует сознательное отношение к среде, которое свойственно только человеку, обладающему понятийным мышлением и языком.

4. ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СОЗНАНИЯ

Общественные условия возникновения сознания и речи. Общественной истории человека предшествовала его естественная предыстория: эволюция анатомо-физиологического строения, зачатки трудовой деятельности у человекообразных обезьян, развитие стадных отношений высших животных, звуковых и двигательных средств сигнализации. Но это было лишь предпосылкой, возможностью

возникновения человека. Определяющим же условием явился труд. Начало изготовления искусственных орудий труда знаменовало собой начало возникновения человека.

Животные не могут производить коренных изменений в условиях своего существования, они приспосабливаются к окружающей среде и зависят от нее; они прикованы к определенной стихии — воздуху, воде или суше, что определяет образ их жизни. Человек сам создает условия своего существования, преобразуя естественную среду. При этом человек в отличие от животного «не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и который он должен подчинять свою волю» [1]. Появление сознания человека связано с переходом наших человекообразных предков к человеческим формам жизни и деятельности, к труду и вырастающим на его основе общественным отношениям. Переход к сознанию представляет собой величайший качественный скачок в развитии психики.

Психика высших животных, обеспечивая довольно сложные формы их приспособительной деятельности, не позволяет, однако, им целенаправленно и систематически преобразовывать окружающий мир. Воздействуют на окружающую природу не только животные, но и растения. Преобразовывает же, целенаправленно и систематически переделывает природу только человек.

Первым и основным условием всей человеческой жизни и формирования сознания является труд. Исходная форма труда — это производство средств существования при помощи орудий труда и сам процесс изготовления этих орудий. Использование различных предметов в качестве орудий наблюдается и у животных. Например, обезьяны иногда берут камень и разбивают им орехи; они могут палкой достать приманку и даже выполнить более сложные операции. Однако ни одна обезьяна не изготовила даже самого примитивного орудия. Поэтому эта их деятельность не есть труд в собственном смысле слова.

Сознание могло возникнуть лишь как функция высокоорганизованного мозга, который сформировался под влиянием труда и речи. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 189.

стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...»[1]

Около миллиона лет назад наши животные предки жили на деревьях. В этот период их передние конечности развивались, приобретая удивительную ловкость при обхватывании ветвей, манипулировании предметами, срывании и обработке плодов и т. п. Под влиянием изменившихся условий они вынуждены были вести иной образ жизни, спускаться с деревьев на землю. В новых условиях обстоятельства поставили наших предков перед необходимостью систематического применения костей крупных животных, камней и палок в качестве средств обороны от хищников, а затем и нападения на других животных. Эти повседневные операции приводили к существенному изменению функций передних конечностей. Они становились естественным орудием трудовой деятельности. «Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям... человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини»[2].

Развившаяся в процессе труда рука оказывала влияние на совершенствование мозга. В самом деле если сравнить между собой максимальные объемы черепа человекообразных обезьян и черепа первобытного человека, то оказывается, что по объему мозг последнего превышает мозг обезьяны более чем в 2 раза, а по весу — в 4 раза. При этом мозг человека обладает гораздо более сложным строением.

Под влиянием труда и в связи с развитием мозга совершенствовались и органы чувств человека. Орел, писал Ф. Энгельс, видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей.

Осуществляя с помощью орудий различные трудовые операции и изо дня в день в течение тысячелетий повторяя миллиарды раз эти действия, человек накапливал опыт. Логика практических действий фиксировалась в голове и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 490.
[2] Там же, стр. 488.

превращалась в логику мышления. Человек учился думать. Его труд приобрел осознанный характер. Прежде чем приступить к делу, человек уже мог мысленно представить и результат, и способ осуществления, и средства осуществления этого результата. «Паук,— писал К. Маркс,— совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» [1].

На начальных этапах осознание человеком своих действий и окружающего мира носило весьма ограниченный характер и не выходило за пределы чувственных представлений, комбинаций и простых обобщений. В дальнейшем в ходе усложнения форм труда и общественных отношений формировалась способность к мышлению в виде понятий, суждений и умозаключений, отражающих все более многообразные связи вещей и явлений.

Возникновение сознания непосредственно связано с зарождением языка, в котором формировались и выражались первые сознательные представления людей. Сознание неотделимо от языка. Как и сознание, язык мог сформироваться лишь в процессе труда и общественных отношений, в связи с появившейся потребностью что-то сказать друг другу. Язык — это средство взаимного общения людей. «Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...» [2]

Необходимым условием, а вместе с тем и следствием развития труда явилось сплочение людей во все более устойчивые коллективы. Объединяющим фактором взаимоотношений членов коллектива была вся совокупность суровых условий жизни: охота на животных с целью добывания пищи, защита от врагов, изготовление, хранение и употребление орудий в процессе труда, добывание и применение огня и т. д. Чтобы огонь не погас, нужно было постоянно его поддерживать, следить за ним, искать сухое

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 189.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 29.

топливо и подкладывать в пламя. Огонь был необходим, чтобы готовить пищу, обогреваться и т. п. Все это можно было делать лишь сообща, согласованно, с известным распределением функций между людьми. Жизненная необходимость координировать трудовые усилия членов общества, направляя их к достижению общих целей, распределять между ними определенные трудовые функции, передавать выполнение этих функций и т. п. — все это создало настоятельную потребность что-то сказать друг другу. А эта потребность, как отмечал Энгельс, создала соответствующий орган речи.

Речи человека предшествовал длительный период развития звуковых и двигательных реакций у животных. Но у животных нет потребности в речевом общении. А то немногое, что животные, «даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи» [1]. Звуки и жесты животных, выражая то или иное эмоциональное состояние, являясь ответом на тот или иной раздражитель (например, приближение опасности, наличие пищи и т. п.), не обозначают самого предмета, не говорят о том, какое именно явление их вызвало. Совсем иное — речь человека: она *обозначает* предметы, свойства и отношения, а тем самым служит важнейшим средством взаимного *общения* людей и *орудием их мышления*.

Воспринимая предмет, представляя или мысля его, человек называет этот предмет определенным словом, значение которого носит обобщенный характер и известно членам данного общества. Это является необходимым условием взаимного понимания людей и осознания человеком действительности.

Возникновение членораздельной речи было мощным средством дальнейшего развития самого человека, общества и сознания.

Если видовой опыт животных передается с помощью механизмов наследственности, что обусловливает исключительно медленный темп прогресса, то у людей передача социально выработанных приемов воздействия на мир происходит, кроме того, и в процессе обучения, т. е. приобретения индивидуального опыта, что осуществляется двумя путями — через орудия труда и через речь. Теперь уже наряду с биологическим фактором — наследствен-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 489.

ностью человек выработал более мощный и при этом непосредственный фактор — социальный способ передачи опыта, способ, который по сравнению с наследственностью во много раз ускорил передачу опыта и общий прогресс как материальной, так и духовной культуры.

Благодаря языку сознание формируется и развивается как общественное явление, как духовный продукт жизни общества. Являясь средством взаимного общения людей, обмена опытом, знаниями, чувствами, идеями, язык связывает людей не только данной социальной группы и не только данного поколения, но и людей разных поколений. Тем самым создается преемственность исторических эпох.

Будучи результатом трудовой деятельности, сознание в свою очередь выступает как предпосылка, необходимый регулятор и организатор взаимоотношений человека с окружающим его миром. Сознание — это неотъемлемый, идеальный компонент реальной жизни человека, и прежде всего основного условия и формы его жизнедеятельности — труда: в нем оно зарождается, развивается, в нем оно прежде всего и воплощается. И каждое вступающее в жизнь человеческое существо, чтобы стать действительно человеком, обязано как можно глубже окунуться в этот океан уже очеловеченной природы. В этом приобщении к человеческой сущности, к бытию культуры участвует «каждое из его *человеческих* отношений к миру — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, хотение, деятельность, любовь...» [1]. «...Не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.),— одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств,— возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. *Образование* пяти внешних чувств — это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории» [2],— отмечал Маркс.

Идеалистическая философия полагает, что сознание не имеет материального источника, поэтому оно может быть понято лишь исключительно из самого себя. Марксистско-ленинская философия отвергает подобные взгляды. Она исходит из того, что невозможно анализировать сознание изолированно от других явлений общественной жизни. Хотя свою родословную сознание ведет от

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 591.
[2] Там же, стр. 593—594.

биологических форм психики, оно не замкнуто в самом себе, есть не продукт природы, а общественно-историческое явление и изменяется в процессе исторического развития общества. Не в мозге как таковом таятся причины того, какие ощущения, мысли, чувства и стремления возникают у данного человека. Сам по себе мозг, как он выходит из «рук природы», не может мыслить по-человечески. Общество научает его этому. Мозг становится органом сознания только тогда, когда человек вовлекается в водоворот общественной жизни, когда он действует в условиях, которые питают мозг соками исторически выработанной культуры, заставляют его функционировать в направлении, заданном логикой общественной жизни и социальными требованиями, ориентируют на постановку и решение нужных человеку, обществу проблем.

Сознание и речь. Психическое отражение действительности в форме сознания опосредовано языком как системой знаков, обладающих исторически выработанными и социально фиксированными значениями. Проблема сознания и речи, мышления и языка испокон веков привлекала к себе пристальное внимание философов. Вокруг нее шла и идет острая борьба между материализмом и идеализмом. Одни мыслители полностью отождествляют язык и мышление, утверждая, что мышление и речь идентичны. Другие утверждают, что мышление осуществляется без языка, а язык — продукт мышления. Отрыв мышления от языка неизбежно приводит, с одной стороны, к мистификации мышления, к лишению его материальных средств формирования и реализации, а с другой стороны, к трактовке языка как какой-то замкнутой в себе сущности, отторгнутой от жизни общества, от развития культуры.

Марксистская философия рассматривает сущность сознания в тесной связи с языком. Раскрывая соотношение между языком, сознанием и действительностью, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они — только *проявления* действительной жизни» [1], что «*язык* есть непосредственная действительность мысли» [2]. Не только язык не существует вне мышления, но и мысли, идеи не существуют оторванно от языка. Речь представляет собой

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 449.
[2] Там же, стр. 448.

деятельность, процесс общения, обмена мыслями, чувствами который осуществляется с помощью языка, т. е. определенной системы средств общения.

Основными единицами речи являются слово и предложение. Слово представляет собой единство значения и звучания. Материальная сторона слова (звучание, письменное начертание) обозначает предмет и является знаком. Значение же слова «отражает» предмет и является образом. Предложение является материальной формой существования относительно законченной мысли, суждения.

Сознание и речь тесно связаны между собой. Как уже говорилось выше, сознание исторически возникло одновременно с речью и на ее материальной основе. Точно так же и в ходе индивидуального развития каждого отдельного человека оно формируется в неразрывном единстве с речевой деятельностью. Пока у ребенка нет речи, у него нет и сознания в собственном смысле этого слова.

В речи наши представления, мысли и чувства облекаются в материальную, чувственно воспринимаемую форму и тем самым из личного достояния становятся достоянием других людей, общества.

Существуют различные виды речи: устная, письменная и внутренняя. Внутренняя речь — это беззвучная, невидимая речь. Она носит очень сокращенный и фрагментарный характер и выражается в скрытой от взора и слуха слабой артикуляции речевых звуков. Когда человек размышляет, думает о чем-либо, то его мозг посылает определенные нервные импульсы в речевой аппарат, и последний совершает незаметные, микроскопические движения. Внутренняя речь и является материальной формой сознания, когда человек думает о чем-либо, не высказывая этого вслух.

Речь является не только важнейшим средством человеческого общения, но и необходимым орудием осознания человеком внешнего мира и самого себя, а также могучим средством воздействия одних людей на других, общества на индивида. С помощью языка осуществляется переход от живого созерцания, от чувственного познания к обобщенному, отвлеченному мышлению. «Всякое слово (речь) уже *обобщает*...» [1]

Речь является одним из необходимых условий формирования сознания человека. Воплощая свои мысли и чув-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 246.

ства в речи, как бы ставя их перед собой, человек подвергает их анализу как вне его лежащий и идеальный объект. И человек научается лучше понимать и корректировать себя, лишь постоянно испытывая на других смысл своей речи.

Сознание и речь едины. Но это внутренне противоречивое единство. Сознание отражает действительность, а язык обозначает ее и выражает мысли. Между ними нет абсолютного тождества. Противоречие между сознанием и речью является одной из движущих сил их развития. Каждый язык при длительном использовании обществом вырабатывает свою структуру. При этом структура языка формируется не какими-то внутренними силами, а под непосредственным влиянием сознания, отражающего действительность.

Вместе с тем язык, обладая относительной самостоятельностью структуры и внутренней логикой развития, влияет на сознание, мышление. Речевые средства реализации сознания чрезвычайно многообразны: ныне существует около трех тысяч языков, и каждый из них обладает особой структурой, системой значений. Исторически сложившиеся языковые формы, специфичные до определенной степени у каждого народа, в одном и том же предмете нередко оттеняют различные признаки, свойства, в какой-то мере определяют стиль, манеру мышления.

Однако влияние национального языка на мышление не следует абсолютизировать, как это делают некоторые ученые, считающие, что даже само «видение мира» изменяется в непосредственной зависимости от структуры языка. В. Гумбольдт, например, говорил даже о национально-своеобразном «языковом мировоззрении».

Марксистско-ленинская философия исходит из того, что мышление носит общечеловеческий характер. Оно обладает чертами общности и в своем историческом развитии. В противном случае был бы невозможным интеллектуальный контакт между народами и различными поколениями людей. Чрезвычайное обилие языков свидетельствует лишь о большой сложности и противоречивости соотношения языка и мышления.

Эта противоречивость выявляется и в так называемых муках слова, в мучительных порой поисках адекватных средств воплощения мысли. Язык, будучи более консервативным образованием, придает мысли некоторую

принудительность, осуществляет своего рода «тиранию» над мыслью. Разрешается это противоречие в ходе развития сознания и речи.

5. СОЗНАНИЕ И КИБЕРНЕТИКА

Развитие кибернетики и философское значение ее принципов. Кибернетику можно охарактеризовать как науку, которая, опираясь на логику и математику, используя различные технические средства, изучает общие принципы управления в сложных динамических системах (живые организмы, органы, клетки, объединения биологических особей, общество, определенные технические устройства). Для всех них характерна способность получать информацию, перерабатывать, запоминать ее и осуществлять управление, а также действовать по принципу обратной связи.

Развитие кибернетики всесторонне и со всей убедительностью подтвердило необходимость ее самого тесного контакта с марксистско-ленинской философией — диалектическим материализмом. С другой стороны, без развития кибернетики в настоящее время невозможно исследование многих философских проблем. Одной из важных проблем кибернетики является проблема моделирования работы мозга.

Проблема моделирования работы мозга. В настоящее время с помощью машин моделируются различные функции психики. Машины, например, «опознают» различные объекты. Правда, машины способны «опознавать» лишь ограниченный класс объектов, который был введен в них в процессе их «обучения» или «самообучения». Принципиальная разница между человеческим восприятием и «опознающей» функцией машины состоит в том, что в первом случае результатом является субъективный образ объекта, а во втором — код признаков объекта, которые применяются для решения машиной определенных задач.

Важное значение для науки имеет сопоставление человеческой и машинной «памяти». Моделирование «памяти» дает наибольшие практические результаты. Ныне уже созданы машины, которые обладают чрезвычайно высокой скоростью запоминания. Они способны как угодно долго в практически необходимых пределах сохранять в своей «памяти» материал и с безупречной точностью воспроизво-

дить его. Вместе с тем машины обладают и достаточно большим объемом «памяти». Но машинная «память» существенно отличается от человеческой. В человеческом мозгу существует смысловая система обращения к памяти, позволяющая извлекать нужную информацию, не перебирая ее всю подряд. Скорость воспроизведения в человеческой памяти достигается не за счет быстроты протекания физиологических процессов, а благодаря смысловой организации знаний. Процесс накопления информации человеком — это не механический, а целенаправленный процесс обработки поступающей информации. Процесс запоминания — это осмысленный процесс.

Значительны успехи, достигнутые также и в моделировании мышления. В настоящее время машинами успешно выполняются такие умственные операции, как, например, доказательство геометрических теорем, перевод с одного языка на другой, игра в шахматы и т. п.

Машины способны логически выводить геометрические теоремы, если в их «память» заложены нужные аксиомы и предпосылки в виде программы. Но они осуществляют эту задачу исключительно за счет быстроты действия. Только перебрав все возможности, машина наконец останавливается на единственно верной.

Машина решает задачи по определенным правилам, при выполнении которых она не вникает в суть самой задачи. При этом машина только буквально выполняет полученный приказ и «пренебрегает» последствиями. Человек же, действуя, обычно думает о внешних результатах, о последствиях своих действий и для него самого, и для других. Процесс решения задач у человека определяется побуждениями социального порядка, отсутствующими у машин. А это означает, что машины не обладают способностью к творчеству, так как постановка задачи и интерпретация решения неотделимы от творческой деятельности.

Машины весьма эффективно моделируют свойственные человеческому мышлению формальнологические операции. Однако формальнологическое мышление далеко не исчерпывает всего богатства сознания современного человека, диалектической гибкости и пластичности в постановке и решении задач, не обусловленной какой-либо жесткой системой формальных правил. Внутренний творческий механизм этого мышления еще крайне мало известен современной науке, но он связан с творческой интуицией,

воображением, со способностью проводить широкие содержательные аналогии и гипотезы, опираясь на гигантские запасы научных факторов, методов и идей, добытых всей историей человечества.

Решая проблему соотношения сознания и кибернетики, необходимо учитывать, что это не только и не столько кибернетическая проблема, сколько проблема всего комплекса современных наук о природе, обществе и человеке. Например, на уровне кибернетического моделирования за его пределами остаются такие кардинальные характеристики сознания, как «субъективный образ», «идеальное», «потребность», «мотив», «совесть», «ответственность» и т. д.

Одной из важных задач комплексного исследования человека и его сознания является раскрытие социальной детерминации и внутренних условий творчества во всех сферах его проявления, а также структуры сознания. Специфически человеческий уровень детерминации психических процессов, процессов сознания заключается в социальных условиях бытия.

Сущность человека как субъекта сознания и кибернетика. Человек — общественное существо, представляющее собой высшую ступень развития живых организмов на Земле, способное производить орудия труда, использовать их в своем воздействии на окружающий мир и обладающее членораздельной речью, сознанием и мировоззрением. Человек является предметом рассмотрения всей совокупности общественных наук, а также определенных разделов естествознания, медицины, технических наук и т. д., анализирующих его с определенной стороны. Целостное же представление человека может дать лишь философия, выясняющая сущность человека и его отношение к миру.

В домарксистских и немарксистских учениях о человеке выделяются обычно такие определяющие его признаки, как наличие сознания, разума, умение оперировать символами, мыслить. Именно в этом, и зачастую только в этом, усматривается решающее отличие человека от животных. Марксистская философия показала, что хотя эти свойства и составляют характерные черты человека, но они имеют производный характер в определении сущности человека. Исходным признаком человека является способность осуществлять сознательное преобразование действительности посредством искусственно созданных орудий. «Первый *исторический* акт... индивидов, благодаря которому они

отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают *производить необходимые им средства к жизни»* [1]. Марксизм рассматривает человека в развитии и отвергает метафизическое и идеалистическое представление о существовании врожденных идей и готовых способностей.

Исходным пунктом марксистской концепции человека является понимание его как производного от общества существа, как результат возникновения и развития общественно-трудовой деятельности. Всем своим физическим и духовным обликом человек обязан труду и общественным отношениям, складывающимся на его основе.

Человек не есть нечто раз навсегда данное и завершенное. Он представляет собой конкретно-историческое существо, меняющееся в ходе активного преобразования природного и социального мира: образование физического строения и духовной культуры человека есть продукт всемирной истории.

Человек всесторонне включен в контакт с обществом и тогда, когда он остается наедине с самим собой. Как писал К. Маркс, даже «когда я занимаюсь *научной* и т. п. деятельностью,— деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими,— даже и тогда я занят *общественной* деятельностью, потому что я действую как *человек*. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — даже и сам язык, на котором работает мыслитель,— но и мое *собственное* бытие *есть* общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо» [2].

Подчеркивание социальной природы человека не означает игнорирования его биологической стороны, как общих, так и индивидуальных особенностей его телесной организации. Каждый человек — неповторимая индивидуальность во всем составе его физических и духовных особенностей; и вместе с тем он имеет в себе общечеловеческое начало, некую родовую сущность. Он выступает как личность, когда достигает самосознания, понимания своих социальных функций, осмысления себя как субъекта исторического творчества.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 19.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 590.

Как уже говорилось, способность человека мыслить не заключена непосредственно в самой структуре мозга, она формируется логикой предметно-практической деятельности через приобщение к исторически накопленной культуре, через воспитание и обучение, через предметную деятельность с помощью созданных обществом приемов и средств. Богатство внутреннего мира человека является следствием богатства и разносторонности его общественных связей.

Вот почему для действительного моделирования сознания, его структуры и функций нельзя ограничиваться только воспроизведением структуры мозга, как это утверждают некоторые ученые. Необходимо воспроизвести логику всей истории человеческой мысли, повторить весь путь развития человека с его потребностями, в том числе и потребностями этическими, эстетическими, с их естественно-биологическими предпосылками и социальным содержанием. Поэтому кибернетика не может претендовать на исчерпывающее объяснение сути человека, его сознания, ибо для этого необходимо привлечение всего арсенала современных методов научного исследования, а не только тех, которыми располагает кибернетика.

Очень часто претензии на всеобъемлющую роль кибернетики в объяснении сознания вытекают из нечеткого понимания сущности машины. Нередко машиной в кибернетике называют систему, способную совершать действия, ведущие к определенной цели. В этом смысле и живые существа, и человек в частности, являются машинами. Цель же трактуется как такое детерминированное естественным процессом или усилиями человека состояние системы, к которому эта система закономерно стремится, не обязательно обладая при этом каким-либо сознательным намерением. Но подобное понимание цели не совпадает с ее пониманием в марксистской философии, где цель трактуется как идеальная потребность человека, такой субъективный образ предмета деятельности, в идеальной форме которого предвосхищается результат деятельности. Цель вытекает из осознания потребности в некотором предмете и вне потребностей не существует.

И здесь возникает вопрос: может ли кибернетика подходить к человеку и его мозгу как к своеобразной машине? Да, может. Она это делает на том же основании, на каком физиология высшей нервной деятельности, исследуя мозговые механизмы сознания, отвлекается от его содержа-

ния, от его сути. Кибернетика не изучает ни человека, ни мышление, ни сознание как таковые, она использует результаты исследований целого комплекса наук — философии, психологии, физиологии высшей нервной деятельности и т. д.— и стремится с помощью сложных машин имитировать определенные аспекты работы мозга.

Сущность машины как таковой была определена К. Марксом. Это определение справедливо и для настоящего времени. Машины — это «природный материал, превращенный в орган человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе... Это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга*, овеществленная сила знания» [1].

Это определение относится к любым самым совершенным машинам, в том числе и к кибернетическим, целью создания которых является освобождение человека от того труда, который можно поручить машинам.

Целью построения моделей мыслительной деятельности мозга является, разумеется, не замена самого человека, а использование кибернетических методов для технического прогресса, а также для того, чтобы продвинуться вперед в понимании сути самого человека, его сознания.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 215.

ГЛАВА IV

ДИАЛЕКТИКА КАК УЧЕНИЕ О ВСЕОБЩЕЙ СВЯЗИ И РАЗВИТИИ

Философский материализм и материалистическая диалектика представляют собой неразрывные стороны единого философского учения марксизма. Органическое единство материализма и диалектики объективно обусловлено материальным единством мира, неразрывностью материи и движения.

Предмет диалектики как научной теории составляют наиболее общие виды связей и всеобщие законы движения и развития материального мира и мышления. Объективные законы природы и общества есть не что иное, как конкретное выражение всеобщей связи и развития. Диалектика раскрывает то общее, что присуще различным процессам природы и общества и их отражению в мышлении и познании человека. Говоря об основном содержании диалектики, классики марксизма называли ее наиболее всесторонним и глубоким учением о связи и развитии.

Содержание понятия всеобщей связи. Одно из самых существенных свойств объективного мира составляет всеобщая связь предметов и явлений. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» писал, что взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собой является первым, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи. Объективной основой всеобщей связи выступает материальная общность всех объектов и процессов действительности. Рассмотрение явлений в их взаимозависимости и теснейшей, неразрывной связи, дающей единый, закономерный мировой процесс движения, представляет одну из характерных особенностей диалектики.

Понятие всеобщей мировой связи сложилось исторически как одно из самых широких обобщений итогов общественной практики и научного знания. Это понятие раск-

рывает связь между многообразными предметами и явлениями мира, необходимую диалектическую связь материи, времени, пространства и движения, т. е. связь материи с основными формами ее существования, а также связь между самими этими формами. Понятие всеобщей мировой связи является отражением постоянного универсального свойства реального мира. В этом понятии выражаются отношения и взаимодействия всего материального, а также материального и идеального в процессе их исторического движения и развития.

В природе внутренняя связь раскрывается во взаимодействии предметов неживой природы, в эволюции от неорганической материи к органической, в возникновении живых организмов, во взаимодействии животных и растительных организмов между собой и с телами неживой природы, в зависимости живых организмов от окружающей среды и т. д. В общественной жизни всеобщая связь выражается в том, что все стороны жизни общества как единого, сложного социального организма взаимодействует между собой. Так, существуют многообразные связи и отношения между экономическими и политическими процессами, между политическими и идеологическими явлениями, между различными формами идеологии, между материальной и духовной культурой общества и т. п.

В процессе исторического развития общества складываются новые связи и отношения. В нашу эпоху, например, возникли такие новые виды связей, как отношения внутри мировой системы социализма, отношения между системой социализма и системой капитализма, отношения мирового социализма и развивающихся стран. В ходе коммунистического строительства реализуются взаимосвязи между построением материально-технической базы нового общества, развитием социальных отношений и повышением коммунистической сознательности трудящихся.

Всеобщая связь существует не только в материальном мире — в природе и обществе,— но и в мышлении. При этом связь и взаимообусловленность форм мышления, например понятий, есть в конечном счете отражение всеобщей связи и взаимообусловленности явлений объективного мира. Поскольку понятия, так же как и вещи, отражением которых они являются, находятся во взаимной связи, их нельзя брать изолированно друг от друга. Диалектика, отмечал Ф. Энгельс в книге «Анти-Дюринг», берет вещи и их умственные отражения в их взаимной

связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении. При этом понятия должны соответствовать природным и общественным процессам, отражать их содержание. С другой стороны, изменение предметов, явлений и их отношений требует изменения, уточнения содержания понятий.

Обобщая реальные связи, можно подразделить их по сложности, характеру, глубине, степени общности и т. д. При этом надо учитывать, что каждый вид исследуемой связи предметов или явлений относителен и представляет собой лишь часть всеобщей связи. Иными словами, выделение той или иной связи означает, что предметы и явления рассматриваются в каком-то одном определенном отношении.

Всякая система классификации связей подвижна. Наряду с подразделением связей по сложности, глубине и т. п. их можно также классифицировать по специфике основных форм движения (механические, физические, химические, биологические и социальные связи) или по формам бытия материи (пространственные и временные связи).

Все многообразие видов связей не может быть исследовано одной наукой. Определенные виды связей составляют предмет частных естественных и общественных наук. Наиболее важные универсальные связи выражаются в категориях и законах диалектики.

Материалистическая диалектика изучает наиболее общие, существенные связи, присущие всем процессам объективного мира и человеческого мышления. К таким связям относятся, например, связи причинно-следственные, внутренние и внешние, существенные и несущественные.

Кроме указанных видов связей в объективном мире существует и множество других. Ни один вид связи нельзя абсолютизировать, рассматривать изолированно от общей системы взаимосвязей. Любой вид связи следует изучать конкретно, в его соотношении с другими связями, в его развитии.

Содержание понятия развития. Исходной предпосылкой понимания развития служит всеобщая связь предметов и явлений материального мира, выражением которой выступает их взаимодействие. Это взаимодействие определяет структурные особенности и само существование любой материальной системы. Оно характеризуется тем, что

всегда с необходимостью ведет к взаимному изменению структурных элементов этой системы, к ее движению. Сплетение бесчисленных взаимодействий реальных предметов и явлений в целом обусловливает единый мировой процесс движения и развития. «Вся доступная нам природа,— писал Ф. Энгельс,— образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности... В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение»[1].

В окружающем нас мире ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, переходит из одного состояния в другое. Эти бесчисленные изменения в мире неодинаковы по своему характеру и направлению. Одни из них выражают переход от простого к сложному, от низшего к высшему, выступают как движение по восходящей линии, как прогрессивное движение. Другие, напротив, приводят к упрощению и распаду сложных материальных объектов, представляют собой нисходящее, регрессивное движение.

Понятия «движение» и «развитие» часто употребляются в одном и том же смысле. И действительно, в содержании этих понятий имеется много общего. Однако они не тождественны. Понятие «движение» не совпадает с понятием «развитие» прежде всего по объему: оно шире, чем понятие «развитие». Под движением понимается изменение вообще, независимо от его характера, направления и результатов. Развитие же есть прежде всего движение в определенном направлении, преимущественно по восходящей линии. В отличие от движения как изменения вообще и нисходящего, регрессивного развития, собственно развитию присущи поступательность, определенная преемственность, моменты повторяемости, отрицание старого и появление нового. Развитие, как таковое, есть процесс, который, реализуя внутренние тенденции коренного изменения природы предметов и явлений, идет, как правило, по пути прогресса — от простого к сложному, от низшего к высшему.

Процесс развития происходит при определенных условиях, которые различны для неорганической материи,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 392.

живой природы и общества. В каждой из этих сфер материального мира в силу специфики соответствующих материальных объектов развитие приобретает свои особенности.

В неорганической природе развитие выступает как преобразование материальных объектов, характеризующееся усложнением их связей, а также усложнением форм движения материи. Примерами развития в неживой природе могут служить образование минералов и горных пород. В живой природе развитие проявляется в усовершенствовании биохимической структуры и функций целостных живых систем. Живая природа в целом характеризуется непрерывными процессами обмена, самообновления и самовоспроизведения живых тел. Линия прогрессивного развития органического мира идет от простейших уровней организации живого к клетке, появлению растений и животных, а затем к предкам человека.

Однако не все изменения в живой природе совпадают с ведущей прогрессивной тенденцией. Далеко не всякие приспособительные изменения поднимают организм в целом на высшую ступень. Это значит, что прогресс органического мира относителен. Тем не менее можно считать, что магистраль прогрессивного развития живой природы направлена в сторону высшей организации материи — к человеку. Она характеризуется главным образом развитием высшей нервной деятельности животных и усовершенствованием способов отражения внешнего мира.

Противники материалистической диалектики пытаются опровергнуть факт развития живой природы. Так, известный неотомист Г. Веттер считает, что не может быть критерия развития живой природы, поскольку она есть божественное творение. Между тем вся история растительного и животного мира является доказательством закономерности процесса восхождения от низшего к высшему, отмирания старых органических форм и видов и появления новых, более совершенных.

Прогрессивное развитие находит особенно яркое выражение в жизни общества. Основные закономерности общественно-исторического прогресса определяются степенью развития материального производства. Высшим критерием прогресса в обществе В. И. Ленин считал развитие производительных сил, которые через производственные отношения людей в конечном счете определяет все другие стороны общественной жизни. Конкретно-исторической

мерой общественного прогресса служит степень господства человечества над стихийными силами природы и своими собственными общественными отношениями.

История человеческого общества свидетельствует о том, что развитие идет от низших социальных форм к высшим. Отжившие общественные формы неминуемо уступают дорогу новым, более высоким и прогрессивным. Этот процесс развития общества можно проследить в исторической смене одних общественно-экономических формаций другими, новыми, более совершенными.

Таким образом, современная наука и общественно-историческая практика подтверждают факт развития, коренных преобразований и в природе и в обществе.

Неодолимость нового. Неодолимость нового — одна из характерных черт исторического развития. Процесс восхождения от низшего к высшему — сложный, диалектически противоречивый процесс. Эта сложность развития заключается прежде всего в возможности отступлений и отклонений в сторону, скачков в обратном направлении, временных нарушений движения вперед. Но каковы бы ни были отступления и отклонения в сторону, общая тенденция развития такова, что прогрессивное неизбежно побеждает и на смену старому приходит новое.

Новое — это необходимый результат прогрессивной тенденции развития, вытекающий из внутренней природы того или иного процесса. Действительно новым является то, чему принадлежит будущее. Новое рано или поздно одерживает победу над отжившим. Поэтому материалистическая диалектика учит ориентироваться на новое, смотреть вперед, действовать в направлении поступательного развития.

Требование диалектики видеть и поддерживать новое в общественном развитии приобретает особенно большое значение в условиях строительства коммунизма. Своевременная поддержка нового, прогрессивного во всех сферах общественной жизни ускоряет сроки и темпы этого строительства.

Ведущей тенденцией исторического развития в современную эпоху является движение к социализму и коммунизму. Как отмечалось на XXIV съезде КПСС, «образование и укрепление мировой социалистической системы явилось мощным ускорителем исторического прогресса, начало которому положил Великий Октябрь. Открылись новые перспективы для торжества социализма во всем

мире» [1]. Мировая система социализма стала решающей силой в антиимпериалистической борьбе. Империализм, олицетворяя собой все отжившее и реакционное, является главным препятствием на пути исторического прогресса человечества.

Общественное развитие — это диалектически противоречивый процесс. История, особенно в период революций, бурных социальных потрясений, движется зигзагами, когда наступление и успехи сил прогресса на одних участках сопровождаются частичными неудачами и даже поражениями на других. Но отдельные неудачи прогрессивных сил не могут надолго задержать движение истории вперед.

Целеустремленная сознательная борьба трудящихся, организация этой борьбы, мобилизация сил и энергии масс обеспечивают ускорение победы нового над отжившим, старым. Энергия и активность революционных сил могут предотвратить наступление реакции и ускорить превращение благоприятной прогрессивной возможности в действительность.

В. И. Ленин о двух концепциях развития. В нашу бурную, богатую многочисленными изменениями эпоху факт развития природы и общества отрицать уже невозможно. Но простое признание этого факта еще не означает правильного, научного понимания развития. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» указывал, что в XX в. с принципом развития «согласны все». К этому согласию вынуждают наука и практика, однако развитие понимается поразному. Существуют два основных подхода, две концепции развития — метафизическая и диалектическая.

Принципиальную противоположность этих двух концепций развития Ленин всесторонне раскрыл во фрагменте «К вопросу о диалектике». Он писал: «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени *само* движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внима-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 5.

ние устремляется именно на познание *источника «с а м о»* движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна»[1].

Метафизическая, вульгарно-эволюционистская концепция развития не видит всего богатства и многообразия реальных жизненных процессов. Эта концепция не способна определить, куда и как развивается окружающая нас действительность. Поэтому она не может указать правильного пути познания. С точки зрения метафизической теории развития невозможно объяснить, как возникает новое, т. е. как совершается реальный процесс развития в мире.

В отличие от метафизической диалектическая концепция рассматривает развитие как скачкообразный процесс, идущий не по кругу и не по прямой линии, а по спирали, с превращением количества в качество, с перерывом постепенности. Самое главное в диалектике заключается в том, что она вскрывает внутренний источник движения и развития, усматривая этот источник в самой сущности процессов и явлений, в борьбе присущих им противоположностей.

В правильном, научном объяснении действительности, в раскрытии объективных законов поступательного развития, неизбежно ведущего общество к социализму, кровно заинтересован рабочий класс. Дело в том, что интересы рабочего класса и других трудящихся масс совпадают с научным, диалектико-материалистическим пониманием процессов общественного развития. Наоборот, буржуазные идеологи в страхе за судьбу своего класса стремятся всеми средствами завуалировать действительность, исказить ее законы, скрыть противоречия капиталистического общества, извратить прежде всего характер его развития. Этим в конечном счете и определяется противоположный характер понимания процессов развития в марксистско-ленинской и буржуазной философии. Естественно, что для успешной борьбы с вульгарно-эволюционистскими концепциями социального развития необходимо знание и умелое применение законов и категорий материалистической диалектики.

Понятие закона. Научная категория закона характеризуется В. И. Лениным как «одна из ступеней познания

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса» [1]. Закон выражает общие, необходимые, существенные, относительно устойчивые и повторяющиеся связи реального мира, которые при наличии соответствующих условий определяют характер, направление и результат развития. Понятие закона отражает эти объективные связи природы и общества в мышлении человека.

Диалектический материализм отличает понятие закона от понятия закономерности. Несомненно, что «закон» и «закономерность» — понятия однотипные, однопорядковые, ибо в них отражаются внутренние связи и развитие действительности. Вместе с тем закон выступает как определенная сторона закономерности, а закономерность — как совокупный результат действия законов данной области действительности или мира в целом. Закономерность представляет собой необходимый процесс, в котором действует целая совокупность законов. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» отмечал, что понятия, законы «*охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» [2]. Так, каждый закон диалектики выражает определенную наиболее общую связь объективного мира. В совокупности же все законы диалектики являются выражением общей диалектической закономерности мира.

Закон является *формой всеобщности* в природе. Он охватывает то общее, сходное, идентичное, что присуще группе предметов и явлений, выражает единство многообразных явлений. В рамках каждой формы движения материи имеются как более общие, так и менее общие законы. Например, в обществе одни законы действуют во всех общественно-экономических формациях, другие — только в некоторых. Так, действие закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил распространяется на все формации, хотя оно и проявляется в различной для каждой из них форме. Закон прибавочной стоимости характерен только для капитализма и выступает как частный закон по отношению к обществу в целом. Таким образом, законы по своему объему могут быть как общими, так и частными, выражать как более общие, так и менее общие, частные связи и отношения между предметами и явлениями.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 135.
[2] Там же, стр. 164.

Говоря о степени общности законов, следует отметить известную относительность различия общих и частных законов. Так, общие законы природы выступают как частные в отношении наиболее общих законов материального мира — основных законов диалектики. В то же время такой частный для всей природы закон, как закон наследственности, является общим для всего растительного и животного мира. Общие и частные законы природы находятся в неразрывном единстве, взаимосвязи.

Существенным признаком закона является то, что он охватывает *необходимые связи* предметов и явлений. Необходимость как важнейшая черта зкона означает неизбежность, обязательность его действия при наличии соответствующих условий. Объективной основой, благодаря которой обеспечивается обязательность действия закона и его необходимый результат, является воспроизведение в процессе развития определенных условий, повторение устойчивых, относительно постоянных связей.

Закон выражает не только всеобщие и необходимые, но и *существенные связи*, т. е. такие связи, которые вытекают из внутренней природы материальных объектов, из их сущности и без которых невозможно бытие данных предметов или явлений. Именно такие связи и входят в содержание понятия закона. Поэтому по своему содержанию «закон» и «сущность» — понятия однопорядковые. Различие между ними состоит в том, что закон не включает всего содержания сущностей и тем более многообразия внешних форм их проявления. Но в законе отражается необходимое движение сущностей, их необходимое отношение.

Закон беднее явления, зато он глубже, чем явление, раскрывает внутреннюю сущность процессов. В. И. Ленин отмечал, что всякий закон узок, неполон, приблизителен, что явление богаче закона. Узость, неполнота, приблизительность закона как раз и определяются тем, что из многообразия единичного и особенного он выделяет наиболее существенное, общее, отбрасывая все побочное, второстепенное.

Одним из важных признаков закона является относительная устойчивость, постоянство выражаемых им отношений. Устойчивость, постоянство связей, характеризующих закон, проявляются в их *повторяемости* при наличии соответствующих условий. Повторяемость действия законов также является их необходимым признаком и

свойственна объективным законам развития как природы, так и общества.

Значение законов для науки и практики заключается в том, что они выражают сущность и направленность, тенденцию развития, охватывают и подчиняют единому началу все конкретное многообразие сторон и моментов в данном процессе.

Законы природы и общества имеют объективный характер. Однако это не означает, что человек бессилен перед их действием. Люди не могут создать или уничтожить объективные законы. Но они могут их открывать, познавать, учитывать их действие, использовать в интересах общества. Противоположная точка зрения характерна для волюнтаризма. Это субъективно-идеалистическое направление в философии отрицает объективную закономерность и приписывает первичную роль в развитии природы и общества человеческой воле. Отвергая волюнтаризм, марксистско-ленинская философия вместе с тем подчеркивает активный характер деятельности людей.

Если люди знают объективный закон, формы проявления и естественные условия его действия, то это имеет для них большое практическое значение. Во-первых, они могут правильно оценить роль условий в проявлении того или иного закона. Во-вторых, люди через воздействие на объективные условия или создание новых условий могут оказывать влияние на характер и результаты действия законов.

Изучив законы природы и различные условия, в которых они проявляются и действуют, человек получает возможность управлять естественными процессами. Это означает, что он сознательно отбирает определенные конкретные условия, в которых действию данных законов в нужном для него направлении предоставлен простор и ограничено действие законов в нежелательном направлении.

Познание и использование законов развития общества является мощным фактором преобразования социальной жизни. Познав законы общественной жизни, люди могут влиять на ход исторических событий. Это влияние особенно возрастает при социализме, потому что действие общественных законов в условиях социализма попадает под контроль людей. Данное преимущество социализма осуществляется только при умении, организованной воле и готовности масс превратить знание законов в целенаправленное социально-экономическое действие.

Марксистско-ленинские партии основывают свою политику и практическую деятельность на глубоком знании и сознательном использовании объективных законов развития общества. Эти законы действуют в соответствующих конкретных условиях и выражают определенную направленность развития, возможность определенных событий. Но возможность еще не есть действительность. Марксистско-ленинские партии способствуют превращению возможности в действительность, соединяя в политике строгий учет действия объективных законов с признанием исторической роли, революционной энергии и творчества народных масс как при переходе от капитализма к социализму, так и в строительстве социалистического и коммунистического общества.

ГЛАВА V

ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Среди законов диалектики особое место принадлежит закону единства и борьбы противоположностей. В. И. Ленин говорил, что в собственном смысле диалектику вкратце можно определить как учение о единстве противоположностей. Закон единства и борьбы противоположностей он считал сутью, ядром диалектики.

1. СУЩНОСТЬ ЗАКОНА ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Объективный и всеобщий характер противоречий. Каждое материальное образование, каждый процесс или явление объективного мира представляет собой взаимодействие между противоположными сторонами и тенденциями в развитии, есть возникновение, становление и разрешение противоречий. Уже само движение, говорил Ф. Энгельс, выступает как единство двух противоположных сторон — прерывности и непрерывности, а следовательно, как противоречие. Движущееся тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и не находится в нем. «...Постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия,— писал Ф. Энгельс,— и есть именно движение» [1].

Противоречивый характер природы и общества подтверждается данными науки и практики. Современная физика, например, отмечает, что все микрообъекты обладают волновыми и корпускулярными свойствами, что в единстве и взаимодействии этих противоположных свойств,

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 123.

т. е. в противоречии, заложена основа непрерывных физических превращений, изменений и развития. Развитие общества также идет путем возникновения и разрешения противоречий. Основу жизни общества составляют характерные для него внутренние противоречия, в первую очередь противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Внутренне противоречиво также и человеческое познание. «Познание,— писал В. И. Ленин,— есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения*, ***не без противоречий***, а в вечном ***процессе*** движения, возникновения противоречий и разрешения их» [1].

Таким образом, противоречивость присуща всем предметам и явлениям объективного мира, и развитие выступает как возникновение и разрешение противоречий. Противоречия составляют основу развития, они объективны, неотделимы от природы и общества, от всего окружающего нас мира. В чем же сущность, каковы их особенности?

Особенности диалектического противоречия. Диалектическое противоречие раскрывается через ряд категорий, таких, как противоречие, противоположность, различие, конфликт, тождество и др.

Противоречие и противоположность нередко употребляются как равнозначные понятия. Сказать, что данное явление противоречиво или что данное явление представляет собой единство противоположностей, по сути дела одно и то же. Но правильнее будет рассматривать противоречие как отношение между противоположностями. Процессы или явления выступают как противоречия, состоящие из противоположных сторон или тенденций развития. «...В том,— писал Ф. Энгельс,— что вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она содержит в себе противоположность между «пребыванием одной и той же» и «изменением», заключается *противоречие*» [2].

Таким образом, понятие «противоположность» употребляется как обозначение каждой из сторон противоречия, а понятие «противоречие» — как отношение между этими сторонами, между противоположностями.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 177.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 640.

В философии употребляется также понятие различия. Различие — одна из форм проявления противоречия. Так, противоположность потребительной и меновой стоимости, относительной и эквивалентной форм стоимости проявляется не сразу в развернутом виде. Сперва речь может идти только о начале этой противоположности, когда можно говорить лишь о различии и только при определенных условиях о противоположности. Противоречие не представляет собой раз и навсегда данного состояния, а развивается, изменяется в зависимости от условий. Товар как потребительная стоимость и как стоимость, указывает К. Маркс, имеет двойственное существование, но «это двоякое *неодинаковое* существование должно развиться дальше в *различие*, различие — в *противоположность* и в *противоречие*» [1]. В данном случае различие и противоположность выступают как ступени развития противоречия, но отличные по степени зрелости, интенсивности.

В. И. Ленин в «Философских тетрадях» замечает: «Мыслящий разум (ум) заостривает притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного* различия, до *противоположности*» [2].

Говоря о различии и противоположности, необходимо иметь в виду, что не только различие переходит в противоположность, но и противоположность — в различие. Все зависит от конкретно-исторических условий. Так, при капитализме существует противоположность между городом и деревней, умственным и физическим трудом. В условиях социалистического общества эта противоположность ликвидируется, вместо нее появляется различие, сначала существенное, а затем, при коммунизме, несущественное.

Таким образом, диалектическое противоречие выступает как отношение между противоположностями, а каждая из противоположностей является стороной противоречия. При этом понятие «противоположность» может употребляться и для выражения более резкой формы проявления противоречия как ступени в развитии противоречия. Понятие «различие» также применяется по-разному. В одном случае оно выражает любое отличие предметов друг от друга, в другом — форму диалектического противоречия или ступень в развитии противоречия.

Нельзя связывать диалектическое противоречие с какой-либо одной формой его проявления. Так, не следует

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 89.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 128.

сводить понятие «противоречие» к понятию «конфликт», ибо противоречие существует на всем протяжении развития данного предмета или явления, конфликт же является лишь определенным моментом в противоречии.

Конфликт наступает тогда, когда противоречие достигает наивысшей остроты и в силу этого возникает неизбежность замены данного состояния новым. Например, в условиях капитализма противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения имеет место всегда, однако до конфликта дело доходит только на определенном этапе, когда буржуазные производственные отношения становятся тормозом дальнейшего развития производительных сил.

Нельзя также отождествлять понятия «противоречие» и «несоответствие». В ряде явлений окружающего нас мира, например в развитии производительных сил и производственных отношений, мы наблюдаем моменты соответствия и моменты несоответствия. Так, в развитии капиталистического способа производства сначала был период соответствия буржуазных производственных отношений характеру производительных сил. В период империализма между производственными отношениями и производительными силами наступает несоответствие. Производственные отношения стали тормозить дальнейший рост производительных сил.

В то же время на протяжении всего исторического развития капитализма действует противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Это противоречие существует всегда, пока существует капитализм, а момент несоответствия — лишь при определенных условиях, на определенном этапе развития капитализма.

Таким образом, диалектическое противоречие нельзя связывать с какой-либо одной формой его проявления, с конфликтом или несоответствием, различием или противоположностью. Оно выступает как внутреннее единство действующих в предметах и явлениях противоположных сил и тенденций, противостоящих друг другу сторон. Диалектическое противоречие действует на всем протяжении существования предмета или явления.

Диалектическое противоречие характеризуется единством, взаимообусловленностью противоположных сторон, тенденций. Классики марксизма-ленинизма указывали на момент единства противоположностей как

на важнейшую особенность диалектического противоречия.

Понятие «единство противоположностей» нередко употребляется как равнозначное понятию «тождество противоположностей». И это не случайно. В основе этих понятий лежит понимание развития как взаимообусловленных противоположных сторон или тенденций. В работах классиков марксизма-ленинизма мы встречаем оба выражения. Однако между ними нет полного равенства. «Тождество противоположностей («единство» их, может быть, вернее сказать? хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны), — говорил В. И. Ленин, — есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)» [1].

Из ленинских слов следует, что оба термина в известном смысле верны, но между ними есть и различие. В чем оно заключается? Говоря о тождестве противоположностей, Ленин чаще всего имеет в виду превращение противоположностей друг в друга, о чем речь будет идти ниже, тогда как термин «единство» употребляется им для обозначения взаимообусловленности внутренних противоположностей. К такому выводу можно прийти, если сопоставить приведенные выше слова Ленина со следующим его определением диалектики: «*Диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» [2].

Момент единства, тождества в явлениях и предметах отмечался еще в домарксистской философии. Однако нередко он понимался односторонне, метафизически, как равенство вещи самой себе, как простое тождество, как простое равенство ($A=A$), без учета изменений и различия. Метафизика в тождестве и различии видела непримиримые противоположности, исключала единство и взаимодействие между ними.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 316—317.
[2] Там же, стр. 98.

Марксистская диалектика выступает против одностороннего подхода к моменту единства, тождества. Тождество неотделимо от различия. Каждая вещь является одновременно самой собой и вместе с тем другой. Противоположные стороны не только тождественны, но и различны.

Буржуазные экономисты до Маркса не видели противоположности между потребительной стоимостью и стоимостью товара. Они отождествляли эти противоположности. К. Маркс критиковал их за это, ибо потребительная стоимость и стоимость товара не одно и то же. Товаропроизводитель, указывал он, хочет освободиться от определенного количества потребительной стоимости и иметь стоимость этой потребительной стоимости. «Эти две вещи отнюдь не тождественны»[1]. Маркс также критиковал экономиста Джемса Милля за то, что «единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей»[2].

Тождество противоположностей не исключает, а предполагает наличие противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах объективного мира. Единство противоположностей означает, что они взаимообусловлены, представляют различные стороны одного и того же явления или предмета. Нет притяжения без отталкивания, положительного полюса в электричестве без отрицательного, производительных сил без производственных отношений.

Неотделимость, обусловленность противоположностей проявляется также в том, что они проникают друг в друга. Так, жизнедеятельность любого живого организма проявляется во взаимодействии созидания и разрушения.

Следует иметь в виду, что выражение «единство противоположностей» употребляется в разных смыслах. Более того, диалектическое единство проявляется в различных формах. Выше шла речь о единстве в смысле взаимной обусловленности противоположных сторон или тенденций. Но единство противоположностей включает в себя также их совпадение, тождество и равнодействие. В определенных условиях взаимоисключающие стороны, или тенденции, могут достигнуть совпадения или равнодействия. Например, в борьбе против феодализма интересы двух

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 101.
[2] Там же, стр. 86.

противоположных классов — буржуазии и пролетариата — нередко совпадали.

Понятия «равнодействие», «равновесие» отражают такие этапы в развитии противоречий, когда противоположные стороны уравновешиваются и нет резко выраженного перевеса в ту или иную сторону. Так, в жизни организма момент равнодействия отчетливо выступает тогда, когда организм достигает зрелости. В этот период процессы ассимиляции и диссимиляции как бы уравновешивают друг друга. В период же роста ведущую роль играют процессы ассимиляции, а в период старения — процессы диссимиляции.

В равнодействии противоположностей выражаются моменты устойчивости в явлениях или процессах объективной действительности. Устойчивость нельзя рассматривать как нечто нежизненное, неподвижное. Говоря о месте относительного покоя в жизни природы и общества, Ф. Энгельс указывал на то, что «возможность временных состояний равновесия является существенным условием дифференциации материи и тем самым существенным условием жизни» [1].

Следовательно, выражение «единство противоположностей» содержит в себе различные оттенки, отражает различные стороны диалектической связи взаимообусловленных противоположностей, имеющих место в существовании и развитии материального мира.

Единство противоположностей неотделимо от их борьбы, от их взаимного отрицания. Выше уже отмечалось, что существует различный подход к вопросу о противоположностях. Метафизики исходят из того, что надо говорить или только о единстве, тождестве противоположных сторон, или только об их абсолютной противоположности.

Диалектическое понимание развития исключает подобную односторонность. Необходимо видеть как единство, так и различие противоположностей, исходить из того, что наряду со взаимообусловленностью различных сторон в предметах и явлениях существует и их борьба, их взаимное отрицание.

Борьба противоположностей, противоположных сторон и тенденций в предметах и явлениях составляет движущую силу развития. Без нее нет возникновения, развития и преодоления противоречий, нет перехода одной проти-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 561.

воположности в другую. В. И. Ленин подчеркивал, что развитие есть «борьба» противоположностей.

Отмечая такой коренной признак диалектического противоречия, как борьба противоположностей, необходимо иметь в виду, что проявляется она неодинаково. Выражение «борьба» Ленин иногда берет в кавычки. Очевидно, не всякое взаимодействие противоположностей выступает как борьба в прямом смысле этого слова. Взаимоотрицание противоположностей — обязательный элемент развития, но конкретные формы его проявления могут быть различными. Например, антагонистические классы противостоят друг другу, между ними возможно физическое столкновение, прямое противоборство с оружием в руках. Однако едва ли можно говорить о подобном прямом столкновении противоположностей применительно ко всем явлениям неорганической природы, к таким, например, как притяжение и отталкивание.

Таким образом, диалектическое противоречие выступает как единство и борьба, взаимообусловленность и взаимоотрицание противоположных сторон и тенденций.

Выясняя природу диалектического противоречия, необходимо иметь в виду указание В. И. Ленина, что единство противоположностей относительно, преходяще, а борьба абсолютна. «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей,— писал он,— условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» [1].

Относительный характер единства противоположностей состоит в том, что оно имеет место, пока существует данный предмет или явление, данное качественное состояние. Абсолютный характер борьбы противоположностей проявляется в том, что она протекает не только в период существования данного предмета или явления, но и в период перехода от данного предмета к другому, в период замены старого качественного состояния новым.

Единство противоположностей преходяще, поскольку преходящи сами предметы или условия, порождающие моменты совпадений, равнодействия. Борьба противоположностей — постоянно действующий фактор, непременное условие всякого изменения и развития, она постоянна, как постоянно движение.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

Важнейшей особенностью диалектического противоречия является превращение противоположностей друг в друга. Это также выражает суть процесса развития.

К. Маркс на многих фактах из жизни капиталистического общества показал, как противоположности превращаются друг в друга. «...Закон присвоения, или закон частной собственности,— писал он,— покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, превращается путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики в свою прямую противоположность» [1].

Закон частной собственности требует, чтобы товары покупались и продавались по стоимости, чтобы происходил эквивалентный обмен стоимостями. Капиталист и рабочий выступают как собственники: один как собственник средств производства, другой как собственник своей рабочей силы. Внешне получается, что обмен эквивалентен. Капиталист присваивает труд рабочего, рабочий получает от капиталиста заработную плату, стоимость своей рабочей силы. На самом же деле между ними происходит неэквивалентный обмен. Рабочий получает только часть созданной им стоимости, остальное забирает капиталист без всякой оплаты в виде прибавочной стоимости, прибыли. Закон присвоения, требующий обмена стоимости по эквиваленту, при капитализме превращается в закон присвоения на основе нарушения эквивалентного обмена, т. е. переходит в свою противоположность. В этом основа капиталистической эксплуатации.

О превращении противоположностей друг в друга неоднократно говорил В. И. Ленин. «...Не только единство противоположностей,— писал он,— но *переходы* ***каждого*** определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое [в свою противоположность?]» [2]. Ленин иллюстрировал этот процесс примерами превращения количества в качество и обратно, одного типа войны в другой, свободной конкуренции в монополию. С переходом капитализма в высшую стадию — империализм свободная конкуренция уступает место монополии, представляющей прямую противоположность первой. Одна противоположность (свободная конкуренция) превращается в другую (господство монополий). Но разумеется, господство монополий не означает, что конкурен-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 596—597.

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

ция уничтожается. Монополии существуют рядом с ней и над ней, порождая все новые и новые конфликты.

Превращение противоположных сторон друг в друга свидетельствует о том, что противоположности взаимно обусловлены, что границы между ними условны, преходящи, что противоположности не представляют собой чего-то раз навсегда данного. Противоположности подвижны и изменчивы, между ними нет непроходимой стены, они меняются местами в зависимости от конкретных условий. Но следует иметь в виду, что не все противоположности превращаются друг в друга. Например, класс пролетариев при капитализме не может стать классом буржуазии.

Важнейшее значение для понимания диалектического противоречия имеет выяснение роли каждой из противоположных сторон в процессе развития. Противоположности, составляющие противоречие, действуют друг на друга в том смысле, что одна из этих противоположностей направлена к сохранению данного состояния в предметах или явлениях, а другая — к расшатыванию, к изменению данного состояния. Одна сторона противоречия направлена на укрепление и развитие особенностей и признаков предмета или явления, другая же сторона, наоборот, направлена на отрицание характерных для данного явления свойств и признаков. Поскольку действия одной противоположности направлены на сохранение данного состояния в предметах или явлениях, а действия другой направлены на уничтожение данного состояния, то они выступают как положительная и отрицательная стороны. В этом взаимодействии также проявляется суть процесса развития, внутренняя основа движения.

Богатство и пролетариат, говорил, например, К. Маркс,— две противоположности, порожденные миром частной собственности. Но одна противоположность — частная собственность как богатство — стремится к сохранению данного состояния и сохранению капиталистических отношений в обществе, другая же — пролетариат,— наоборот, стремится разрушить данное состояние, заменить существующие капиталистические отношения другими. Первая противоположность в данном случае играет консервативную роль, вторая — революционную.

В связи с выяснением роли каждой из сторон диалектического противоречия в процессе развития необходимо указать, что же является ведущей, главной стороной противоречия.

Противоположности как стороны противоречия неодинаковы в том мысле, что одна из них является определяющей, другая определяемой. Характер и направленность развития предметов и явлений зависят прежде всего от ведущей, главной стороны противоречия. В общественной жизни — это восходящий класс, силы, выражающие поступательное развитие общества. Например, в период перехода общества от феодализма к капитализму буржуазия была прогрессивной и играла главную роль в развитии общества. Противостоящий ей тогда класс феодалов был тормозом движения общества вперед.

В наше время главное содержание, главное направление исторического развития человечества определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества.

Особенность диалектического противоречия как внутреннего источника движения, как основы процесса развития проявляется еще и в том, что противоречия не представляют собой чего-то раз навсегда данного, застывшего. Свойственные предметам и явлениям противоречия изменяются и развиваются, имеют начало и свой конец. В развитии противоречия можно выделить следующие этапы: возникновение, или становление, нарастание, или накопление, и, наконец, преодоление, или разрешение.

Итак, диалектическое противоречие, выступающее как единство и борьба внутренне обусловленных противоположных сторон предметов и явлений объективного мира, выражает суть процесса развития, выступает внутренним источником движения, изменения и обновления. В этом состоят особенности диалектического противоречия, сущность закона единства и борьбы противоположностей.

2. ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАКОНА ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Многообразие форм противоречий. Закон единства и борьбы противоположностей, как и все другие диалектические законы, в разных условиях проявляется неодинаково. Различный характер проявления закона единства и борьбы противоположностей и многообразие противоречий есть результат многообразия форм движения материи, многообразия связей и отношений в природе

и обществе. Каждое явление, каждый предмет представляют собой единство общего и единичного. Общее проявляется в единичном, а единичное — в общем. Следовательно, в противоречиях надо выделять не только всеобщность, но и ее проявления в специфических конкретных формах.

В органической природе противоречия приобретают такие формы проявления, каких нет в неорганической. В обществе как более высокой форме существования материи возникают такие противоречия, каких нет в биологической форме. Это противоречия между производительными силами и производственными отношениями, базисом и надстройкой, производством и потреблением, различными классами и социальными группами. Более сложным процессам и явлениям окружающего мира присущи более сложные формы противоречий.

Среди различных форм и типов противоречий прежде всего необходимо выделить внутренние и внешние противоречия.

Основой, источником развития являются внутренние противоречия. Они определяют характер данного явления, равно как и его взаимоотношения с внешней средой. Внешние противоречия выступают как необходимые условия существования данного предмета или явления. Они оказывают влияние на ход развития, но делают это, преломляясь через внутренние закономерности.

Например, основу развития человеческого общества составляют внутренние противоречия. Окружающая природа, географическая среда — это лишь одно из необходимых условий существования людей. Природа оказывает определенное воздействие, может ускорять или замедлять развитие общества, но это воздействие она всегда оказывает через внутренние закономерности и противоречия общества, и в первую очередь через противоречия в способе производства.

Степень использования сил природы человеком зависит не от окружающей природы, а от характера и уровня развития материального производства. В нашей стране, например, как в период господства помещиков и капиталистов, так и за годы существования Советской власти природные условия существенно не изменились. Однако природные богатства при социализме используются иначе, чем до Октябрьской революции. Объясняется это изменением социального строя, его внутренними причинами.

Капиталисты хищнически относились к природным богатствам, поскольку стремились лишь к наживе, к получению все большей прибыли. Социализм с его общественной собственностью на средства производства является обществом, в котором природные богатства используются планомерно и целесообразно.

Взаимосвязь внутренних и внешних условий можно видеть на опыте развития Советского Союза и других стран социализма. Между миром социализма и капиталистическим миром существуют определенные противоречия, которые не могут не сказываться на темпах нашего развития. Буржуазия предпринимала и предпринимает меры к тому, чтобы сокрушить мощь стран социализма, разрушить их хозяйство и культуру, восстановить капиталистические порядки. Однако социализм в своем развитии неуклонно идет вперед, и происходит это потому, что он опирается прежде всего на внутренние силы, на социалистический способ производства, социальное единство социалистического общества.

Однако все это не означает, что в определенных условиях внешние противоречия не могут оказывать решающего влияния. Так, противоречие между живым организмом и средой наряду с внутренними противоречиями самого организма выступает одним из решающих факторов существования живой природы.

Следует отметить и то обстоятельство, что деление противоречий на внутренние и внешние носит относительный характер, определяется конкретными связями между явлениями и предметами.

Например, противоречие между капитализмом и социализмом выступает как внутреннее противоречие, если брать его в рамках всего общества. Но если рассматривать его как противоречие качественно отличных общественных систем, то оно будет внешним.

Противоречия неодинаковы по своему объему, по степени выражения ими качества, внутренних свойств предметов или явлений. Они могут быть существенными и несущественными. Существенные противоречия выражают ведущие стороны, тенденции данного предмета или явления, несущественные затрагивают лишь отдельные стороны.

В органической природе к существенным противоречиям относятся противоречия между наследственностью и приспособляемостью, между организмом и средой. В

антагонистическом обществе к ним относится противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми. В условиях империализма существенными противоречиями являются также противоречия между различными финансовыми группами и империалистическими державами в борьбе за источники сырья и чужие территории, между несколькими господствующими империалистическими государствами, с одной стороны, и колониальными и зависимыми народами — с другой.

Примером несущественных противоречий может служить противоречие между республиканской и демократической партиями в США. Обе партии, как известно, выражают интересы различных групп империалистической буржуазии и ведут друг с другом борьбу. Но эта борьба идет не по такому существенному вопросу, как жизнь или смерть капитализма, а лишь по вопросу о том, какая часть буржуазии должна находиться в преимущественном положении при распределении доходов. Противоречия между ними не затрагивают существа капиталистического способа производства, а сводятся лишь к несущественным разногласиям по частным вопросам.

В предметах и явлениях существует много различных противоречий. Однако природа диалектического развития такова, что среди этих противоречий всегда существует главное, основное противоречие. Своеобразие последнего состоит в том, что оно выражает самую существенную сторону предмета или явления, его основу основ. Главное противоречие играет ведущую роль в развитии, оно определяет все другие противоречия и действует на протяжении всего периода существования предмета или явления.

В обществе таким главным противоречием является противоречие между производительными силами и производственными отношениями, специфически проявляющееся в каждой общественно-экономической формации.

Отыскание главного, основного противоречия в предметах и явлениях составляет непременное условие всякого научного познания и преобразования мира. Обнаружив главное противоречие капитализма, К. Маркс раскрыл сущность буржуазного общества и указал рабочему классу истинные цели и средства борьбы.

В современных условиях главным, основным противоречием является противоречие между социализмом и капитализмом, борьба двух противоположных общественных систем.

По своему характеру противоречия могут быть антагонистическими и неантагонистическими. Эти противоречия имеют место прежде всего в человеческом обществе.

Антагонистические противоречия — это противоречия, в основе которых лежат непримиримые интересы враждебных классов. К ним относятся противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми, т. е. между рабами и рабовладельцами, крепостными и помещиками, пролетариатом и буржуазией. Своеобразие данного типа противоречий заключается в том, что противостоящие друг другу классы расходятся по коренным, главным жизненным вопросам.

Неантагонистические противоречия — это такие противоречия между классами и социальными группами, когда в основном и главном интересы этих классов и социальных групп совпадают, но имеют место расхождения по отдельным частным вопросам. Например, неантагонистические противоречия существуют между рабочим классом и трудовым крестьянством.

Способы разрешения противоречий. Различный характер противоречий обусловливает и разные способы их разрешения. Все зависит от характера самого предмета или явления, от особенностей свойственных ему противоречий. Например, нельзя одинаковым образом разрешать противоречия между рабочим классом и трудовым крестьянством, между рабочим классом и буржуазией. В каждом случае к решению вопроса необходимо подходить конкретно-исторически.

Антагонистические противоречия разрешаются в острой и непримиримой борьбе, путем революции. Революция есть закон смены антагонистических общественных формаций. Ни один класс не уступает своих прав другому без борьбы. Тем более не откажется от них последний эксплуататорский класс — буржуазия. Свержение ее господства и построение социализма невозможны без борьбы, без социалистической революции и диктатуры пролетариата.

В борьбе преодолеваются и неантагонистические противоречия, но эта борьба осуществляется без насилия, без социальных конфликтов. Неантагонистический характер противоречий обусловливает и особую форму их разрешения. Противоречия внутри развитого социалистического общества преодолеваются методом революционной критики и самокритики.

Особенности проявления закона единства и борьбы противоположностей в условиях социализма. Противоречия многообразны и по-разному проявляются в конкретных условиях. Возникает вопрос: каковы особенности проявления закона единства и борьбы противоположностей в условиях социализма, в чем своеобразие противоречий социалистического общества?

Победа социализма не означает, что в обществе ликвидируются противоречия, что оно существует и развивается без противоречий, без борьбы противоположных сил и тенденций. В. И. Ленин указывал, что «антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме» [1].

Буржуазные философы пытаются представить дело таким образом, будто при социализме сохраняются антагонистические противоречия. Отстаивая мысль о вечности противоречий капиталистического общества, они стараются доказать, что якобы и в условиях социализма остаются антагонизм и социальное неравенство между людьми. Наиболее часто буржуазные философы в качестве «аргумента» приводят демагогические рассуждения о том, что исключение антагонистических противоречий означало бы лишение общества внутренней движущей силы. Поскольку считают, говорят многие из них, что в Советском Союзе нет более антагонистических противоречий, то движущие силы развития, согласно Марксу, исчезают. Другие утверждают, что социализм не может способствовать прогрессу общества потому, что, по их мнению, он-де исключает себя из противоречия.

С победой социализма ликвидируются не все противоречия, а только антагонистические, а неантагонистические противоречия остаются и после победы социализма, выполняя роль движущей силы общественного развития.

Отсутствие антагонистических классов в обществе меняет содержание многих категорий, выражающих существо диалектического противоречия. В частности, это можно видеть на примере такой категории, как «противоположность».

В антагонистическом обществе понятие «противоположность» отображает взаимоисключающие интересы общественных классов, их острую, непримиримую борьбу. При социализме основу общества составляет морально-

[1] Ленинский сборник XI. М.— Л., 1931, стр. 357.

политическое единство трудящихся и понятие «противоположность» приобретает другое значение. В условиях социализма за старым и новым стоят не враждебные классы, поэтому противоположности касаются не коренных отношений социалистического общества, а лишь отдельных сторон его многообразной жизни. Несогласие между советскими людьми может происходить только по отдельным конкретным вопросам жизни, по конкретным путям борьбы за новое, передовое.

Глубокие изменения, наступившие после победы социализма в нашей стране, накладывают отпечаток и на действие отдельных сторон закона единства и борьбы противоположностей.

Возьмем, к примеру, моменты соответствия и несоответствия. В капиталистическом обществе соответствие между производственными отношениями и производительными силами в главном, коренном было преходящим. При зарождении и утверждении капиталистического способа производства буржуазные производственные отношения соответствовали основной тенденции буржуазного способа производства и играли большую роль в развитии материального производства. Но затем они становятся оковами развития производительных сил, возникает несоответствие, доходящее до конфликта. Соответствие уступает место резко выраженному несоответствию. Свойственные капитализму противоречия достигают своего наивысшего обострения. Происходит революционная замена старого способа производства новым, вместо буржуазной общественно-экономической формации утверждается коммунистическая. В данном случае категории соответствия и несоответствия выступают как выражение антагонистических противоречий, при этом речь идет о соответствии и несоответствии в главном, коренном.

Совсем иное положение при социализме. Здесь основные тенденции в развитии производительных сил и производственных отношений совпадают. После победы социализма нет необходимости в изменении общественной собственности на средства производства, отношений сотрудничества и взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Момент соответствия здесь приобретает другое значение и наполняется другим содержанием. Общественному характеру производства соответствует и общественная форма собственности на средства производства. Это соответствие выступает одним из решающих элементов

поступательного движения общества, новой движущей силой общественного прогресса.

Рассматривая соответствие между двумя сторонами социалистического способа производства как новую коренную особенность социалистического общества, необходимо иметь в виду, что речь идет не об абсолютном, полном соответствии. Здесь надо всегда помнить, что абсолютного соответствия не может быть. Говоря о соответствии производственных отношений и производительных сил, мы имеем в виду, что основа данного единства противоположностей не претерпевает каких-либо существенных изменений. Конкретные же стороны, отдельные черты будут непрерывно изменяться, проходить путь от соответствия к несоответствию, от несоответствия к соответствию, от данного качественного состояния к другому.

Важнейшей особенностью противоречий при социализме является также то, что они выступают, как правило, выражением непрерывного прогресса. Противоречия, присущие социалистическому обществу,— это в основном противоречия роста, связанные с быстрым подъемом социалистической экономики, с возрастанием материальных и культурных потребностей народа.

В чем же конкретно проявляются противоречия в нашей стране на современном этапе и каковы пути их преодоления?

Наше социалистическое общество не стоит на месте, а находится в непрерывном изменении и обновлении. Противоречия, имеющие место в советском обществе, можно разбить на следующие группы: а) противоречия, присущие всем общественно-экономическим формациям, но проявляющиеся при социализме в специфических формах; б) противоречия, вытекающие из наличия в нашей стране пережитков старого, капиталистического строя; в) противоречия, обусловленные существованием двух мировых систем — капитализма и социализма.

К первой группе противоречий относятся противоречия в способе производства, в первую очередь между производительными силами и производственными отношениями, противоречия между экономическим базисом и надстройкой.

Определенное место в жизни нашего общества занимает противоречие между социалистическим общественным бытием и пережитками капитализма в сознании советских людей. В результате социалистической индустриализации

и коллективизации сельского хозяйства произошли коренные изменения в жизни советского общества. Во всех звеньях общественной жизни утвердился социализм. Вместе с изменением общественного бытия, экономического строя общества изменилось и общественное сознание. В СССР господствует коммунистическая идеология — марксизм-ленинизм. С каждым днем растет коммунистическое сознание масс, крепнет коммунистическое отношение к труду и общественной собственности, к коллективу, в семье и быту. Наряду с этим у некоторой части людей сохранились еще в сознании пережитки капитализма. Это находит свое выражение в проявлениях частнособственнической психологии, противопоставлении личных интересов общественным, лодырничестве и рвачестве, аморальных поступках, в преклонении перед буржуазной культурой.

Необходимо также иметь в виду то обстоятельство, что буржуазия капиталистических стран пытается всеми способами воздействовать на советских людей, оживить пережитки капитализма в их сознании, используя для этого все каналы и формы идеологической борьбы.

Особый характер противоречий при социализме означает и особую форму их разрешения. В СССР противоречия преодолеваются не путем взрывов, столкновений одной части общества с другой, а путем постепенного их преодоления всем обществом как одним целым.

Великой направляющей силой развития социалистического общества, важнейшим фактором сознательного и организованного преодоления возникающих в нашей стране противоречий является Коммунистическая партия Советского Союза, которая своевременно обнаруживает противоречивые стороны развития и вырабатывает конкретные пути преодоления этих противоречий.

Одной из форм разрешения противоречий между старым и новым в нашей стране является критика и самокритика. Она помогает утверждать все новое, преодолевать все отрицательное, мешающее нашему продвижению вперед.

Противоречие между капитализмом и социализмом на международной арене разрешается разными путями. Важнейшим из них является путь мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Трудящимся социалистических государств мирное сосуществование дает возможность сосредоточить главное

внимание на построении социализма и коммунизма, добиться успеха во всех областях общественной жизни и тем самым наглядно продемонстрировать преимущество социализма перед капитализмом. Для трудящихся стран капитала мирное сосуществование создает условия для концентрации сил в борьбе за мир, демократию и социализм.

Мирное сосуществование не означает отказа от революционного преобразования общества, не есть пассивное выжидание автоматического краха империализма. Мирное сосуществование в современных условиях выступает наиболее концентрированным выражением классовой борьбы в международном масштабе, соревнования между социализмом и капитализмом.

Таковы существо и формы проявления действия закона единства и борьбы противоположностей. Этот закон выражает основу развития, указывает на внутренний источник развития, на самодвижение. Он является ядром диалектики, одной из основ научного познания и революционного преобразования мира.

ГЛАВА VI

ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КАЧЕСТВЕННЫЕ

В предыдущей главе было выяснено, что закон единства и борьбы противоположностей вскрывает внутренний источник самодвижения и развития мира. Характер процесса развития, пути и формы перехода от старого состояния к новому раскрываются другим законом диалектики — законом перехода количественных изменений в качественные.

1. СУЩНОСТЬ ЗАКОНА ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КАЧЕСТВЕННЫЕ

Качество. Качество — это внутренне присущая предметам и явлениям определенность, органическое единство свойств, признаков, особенностей, отличающих данный предмет или явление от других. Например, выясняя сущность социализма как определенной формы общественной жизни, мы выделяем в нем то особенное (господство общественной социалистической собственности на средства производства, отсутствие эксплуататорских классов и эксплуатации человека человеком и т. д.), что раскрывает характер социалистического общества и тем самым отличает социализм от других форм общественной жизни.

Поскольку все предметы и явления обладают сложным строением, то качество можно рассматривать так же, как единство структуры и составляющих ее элементов.

Качество нельзя считать чем-то существующим независимо от самих предметов и явлений объективного мира. «...Существуют не качества,— отмечал Ф. Энгельс,— а только вещи, *обладающие* качествами...» [1]

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 547.

Качества объективны, как объективны сами предметы и явления. Однако некоторые философы на том основании, что качества воспринимаются познающим субъектом при помощи органов чувств и различных приборов, делали и продолжают делать выводы о субъективности качеств.

Наиболее резко субъективное понимание качества выступает у таких представителей субъективно-идеалистического направления, как Беркли, Юм, Мах, Авенариус и русские махисты. Сводя предметы и явления материального мира к ощущениям, к комбинации, или комплексу, ощущений, они тем самым и качества предметов, явлений рассматривали как свойство человеческого сознания.

Качество выражает специфику предмета или явления в целом, в том числе и моменты их общности с другими предметами и явлениями.

Так, качественная особенность каждого типа общества предполагает не только черты различий, но и черты общности, сходства. В каждом обществе, например, имеются производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка, формы общественного сознания и т. п.

Качество — это не только целостная, но и относительно устойчивая совокупность признаков, определяющая специфику данного предмета. Мир, как известно, представляет собой непрерывный процесс движения и развития, где момент изменчивости неотделим от момента устойчивости. Одна из особенностей качественной определенности и состоит в том, что она, выражая этот противоречивый момент развития, фиксирует относительную устойчивость предмета.

Например, общество выступает как непрерывный процесс изменения, но вместе с тем это изменение неотделимо от определенных моментов устойчивости его качественных образований. Именно эта устойчивость качества позволяет нам различать пять общественно-экономических формаций, пять качественно определенных ступеней в развитии общества.

Однако при выяснении природы качественной определенности необходимо исходить из того, что ее устойчивость относительна, что она непрерывно изменяется.

Например, такая качественная определенность, как жизнь, начиная с ее возникновения на Земле и включая современный этап, представляет собой качественно

особую, устойчивую форму существования материи. Вместе с тем данная качественная определенность подвергалась и подвергается непрестанным изменениям. Современное качественное состояние живой природы и ее состояние миллионы лет назад отличаются значительным образом.

То же можно сказать о такой качественной определенности, как капитализм, который, оставаясь капитализмом, претерпевает в процессе исторического развития целый ряд изменений. Соответственно этим изменениям мы различаем капитализм периода расцвета и капитализм периода его общего кризиса.

Качество и свойство. Понятия качества и свойства употребляются как различающиеся и как однопорядковые. Так, В. И. Ленин, приводя для иллюстрации метафизического и диалектического подхода к явлениям пример со стаканом, употреблял понятия качества и свойства как однозначные. «...Стакан,— писал он,— имеет не только... два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон...» [1] Однако чаще в марксистско-ленинской философии эти понятия различаются. Качество — это целостная характеристика предмета или явления, свойство — одна из сторон данного предмета или явления, их частичная характеристика. Одни свойства выражают качественную определенность вещей, другие — количественную.

Соотношение качества и свойств можно видеть на таком примере, как превращение продукта труда в товар. К. Маркс, анализируя товар и его особенности, выделяет прежде всего его качественную определенность, которая состоит в том, что он является продуктом труда, предназначенным для обмена. Как только продукт труда стал товаром, он приобрел такие свойства, которых у него не было до этого. Например, сюртук, выступающий как товар, наряду с физическими свойствами — тяжестью и способностью задерживать тепло — стал обладать также специальным свойством — быть эквивалентной формой стоимости. Качество сюртука как товара обнаружилось через его свойства, через определенные отношения к другим товарам.

Не все свойства в одинаковой степени выражают качественную определенность. Одни из них затрагивают

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 289.

более существенные стороны, другие — менее существенные. Так, периодические кризисы перепроизводства являются одним из существенных свойств капитализма, тогда как их продолжительность, так же как и промежуток времени, через который они повторяются, не имеют существенного значения.

Потеря или приобретение предметом или явлением того или иного несущественного свойства и даже ряда свойств не всегда влечет за собой коренное, качественное изменение этого предмета или явления. Но если исчезают основные, существенные свойства предмета, то он перестает быть данной качественной определенностью и переходит в другое состояние. Исчезновение такого свойства капитализма, как периодические кризисы перепроизводства, невозможно без замены самого капитализма другим общественным строем, в то время как изменение периодов чередования или продолжительности кризисов не затрагивает существа капитализма.

Таким образом, основу качественной определенности предмета составляют его существенные свойства.

Свойства предметов относительны. Они проявляются в зависимости от конкретных отношений и связей данного предмета с другими предметами. Так, пока сюртук не был товаром, он обладал только физическими свойствами — тяжестью и способностью задерживать тепло. С изменением его связей с другими предметами, с превращением в товар он приобрел новое свойство — быть эквивалентной формой стоимости.

Относительным является также и различие между качеством и свойством. В одном отношении данный предмет или явление мы рассматриваем как качество, в другом — как свойство. Об отражении в голове человека объективного мира можно говорить как о свойстве особым образом организованной материи и как о качественном различии, если рассматривать его в связи с другими формами отражения.

Многокачественность предметов и явлений. Когда речь идет о качестве, имеется в виду прежде всего предмет или явление, взятые в целом. Однако качественная определенность может выражать также и отдельные стороны данного предмета или явления. Например, не только человеческое общество, взятое в целом, выступает как определенное качество, но и отдельные стороны его, такие, как базис, надстройка, производство и другие, являются

определенным качеством. Своеобразие последнего вида качественной определенности состоит в том, что оно существует в рамках предмета или явления и отражает своеобразие той или иной стороны.

Качественную определенность предметы или явления приобретают также в связи с условиями, в которых они существуют. Возьмем, например, такой фактор, как труд человека. В зависимости от конкретно-исторических условий он имеет различную качественную определенность. В условиях социализма он отличается от труда при капитализме, так как это коренным образом отличные друг от друга способы производства.

Многокачественность предметов и явлений обусловлена и тем, что они проходят в своем развитии различные фазы, ступени, этапы. Каждый новый этап в развитии предмета или явления характеризуется и новой качественной определенностью, теми или иными изменениями в старом качественном состоянии. В развитии капитализма, например, этими этапами являются стадия домонополистического и стадия монополистического капитализма.

Количество. Предметы и явления имеют не только качественную, но и количественную сторону. Количество — это определенность предметов и явлений, выражающая число присущих им свойств, сумму составляющих их частей, величину, степень интенсивности, масштаб развития и т. п.

Чистейшим количественным определением, какое мы только знаем, указывал Энгельс, является число. Именно число, выступающее в различных конкретных проявлениях, служит выражением количественной определенности данного предмета или явления. Например, молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода. Каждое атомное ядро имеет свое число входящих в него элементарных частиц — протонов и нейтронов, свою величину (запас) внутренней энергии.

В общественных явлениях также наряду с качественной стороной есть и количественная. Она характеризует темпы роста производительных сил, народонаселения, личного и национального дохода и многие другие стороны жизни общества.

Количественная определенность выступает во многих проявлениях. Это вытекает из многообразия сторон и отношений, характерных для предметов и явлений. Отмечая, например, в предмете такие свойства, как объем, вес,

протяженность, скорость движения и т. п., мы одновременно выясняем и количественное выражение этих свойств. Количественной характеристикой этих свойств будет величина объема, веса, протяженности, скорости движения и т. п. Если явление изменяется, например растет, то это также выражается определенным числом. Материалистическое понимание количества включает в себя и такие моменты, как разделение вещи на однородные части, отношения порядка и т. д. Все это говорит о том, что количественные отношения материального мира весьма многообразны.

Количество по сравнению с качеством имеет ту особенность, что оно в определенном отношении выступает как бы внешним моментом для предметов и явлений. Так, вода остается водой независимо от того, равна ли ее температура 16 или 80°, измеряется ли ее объем одним литром или тысячью литров. Точно так же социальная природа капиталистического предприятия не изменяется от того, является ли оно собственностью одного предпринимателя или акционерного общества.

Признание положения о том, что количество в определенных отношениях выступает как бы внешним моментом для предметов и явлений, не означает, что это имеет место всегда и во всех случаях. В ряде отношений количество выражает внутреннюю определенность предмета или явления. Так, количественная характеристика химических элементов является важнейшим выражением их сущности. Нельзя понять природу химического элемента без знания величины его атомного веса, числа протонов в его ядре и других характерных для него количественных проявлений. Или, например, такая количественная определенность, как высокий темп развития экономики стран социализма, служит одной из существенных характеристик социализма, его преимуществ перед капитализмом.

Единство качества и количества. Мера. Качество и количество диалектически связаны между собой, выступают как единство противоположностей. Качественная определенность не существует без количественной, и наоборот. Это единство качественной и количественной определенностей проявляется в мере. Мера указывает на взаимообусловленность качественной и количественной сторон предмета или явления. Ею выражаются границы, в которых предметы, явления остаются самими собой. Так, для твердого состояния воды при нормальном

атмосферном давлении мерой является температура ниже 0° С, для жидкого состояния при тех же условиях давления — температура от 0 до 100°, для газообразного состояния — температура выше 100° С.

Каждое состояние имеет свою меру, нарушение которой приводит к его изменению. Моменты перехода от одной меры к другой называются узлами (или точками) перехода из одного состояния в другое, а вся цепь перехода от одних количественно-качественных состояний к другим — узловой линией меры. Ф. Энгельс указывал на такие узлы, поворотные пункты в развитии природы, как переход от механики небесных тел к механике небольших масс на отдельных небесных телах, от механики масс к механике молекул, т. е. к физике, от физики к химии, от обыкновенного химического действия к химизму белков.

В единстве качественной и количественной определенностей ведущее место принадлежит качеству. Коренные изменения предметов или явлений всегда происходят на основе изменения присущего им качества. Качество определяет также рамки количественных изменений. Однако количество в свою очередь оказывает обратное воздействие на качество. Достигнув определенного предела, количественные изменения приводят к замене данного качества новым. Это взаимодействие, взаимопроникновение количественной и качественной определенностей выражается в законе перехода количества в качество и обратно.

Переход количественных изменений в качественные и обратно. В предметах и явлениях всегда есть новое и старое. Это означает, что в каждом из них наряду со старым, отмирающим качественным состоянием зарождается новое качественное состояние и после определенного количественного накопления происходит коренное качественное изменение — новое побеждает старое. Когда речь идет о количественных изменениях, имеется в виду постепенное накопление свойств новой качественной определенности; так же, говоря о качественных изменениях, мы имеем в виду переход от старого качественного состояния к новому. «...В природе качественные изменения — точно определенным для каждого отдельного случая способом,— писал Ф. Энгельс,— могут происходить лишь путем количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)» [1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 385.

Это положение о качественных изменениях в зависимости от количественных подкрепляется данными из области естествознания. Так, постепенное нагревание металла сначала не затрагивает существенным образом его агрегатного состояния. Но как только температура нагревания достигает известной границы (например, для свинца 327,4° С, для меди 1083° С), совершается переход в новое агрегатное состояние: твердый металл становится жидким.

То же следует сказать и о химических явлениях. Химию, говорил Энгельс, можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава. Так, два атома азота и один атом кислорода дают соединение, называемое веселящим газом (N_2O). Два атома азота, взятые с пятью атомами кислорода, образуют азотный ангидрид (N_2O_5) — твердое тело. В данном случае качественное изменение обусловлено изменением числа атомов кислорода в молекуле, т. е. количественным изменением.

Переход количества в качество подтверждается также периодическим законом химических элементов, открытым великим русским ученым Д. И. Менделеевым.

История человечества неопровержимо доказывает, что и в общественной жизни развитие совершается по закону перехода количественных изменений в коренные, качественные. Так, выясняя характер капиталистической системы хозяйства, источник получения прибавочной стоимости, К. Маркс показал, что владелец денег только при том условии превращается в капиталиста, если сумма денег, авансируемая им на производство, достигает величины, позволяющей владельцу освободиться от личного участия в процессе производства и прибегнуть к найму и эксплуатации рабочей силы. «Здесь, как и в естествознании,— отмечал Маркс,— подтверждается правильность того закона... что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия...» [1].

Примером перехода количественных изменений в коренные, качественные может служить переход единоличных крестьянских хозяйств на путь колхозного социалистического хозяйства в СССР.

Переход количественных изменений в качественные происходит и в области человеческого сознания. Так, в развитии философии ярким примером перехода количества

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 318.

в качество является возникновение философии марксизма, которое, будучи настоящей революцией в философии, не могло произойти без предварительного накопления количественных изменений, т. е. без того запаса знаний, который был создан в процессе развития философии в домарксовский период.

Не только количественные изменения приводят к изменениям качественным, но и, наоборот, качественные изменения ведут к изменениям количественным. Это проявляется прежде всего в том, что каждая новая качественная определенность предмета или явления, образовавшаяся в результате количественных изменений, обусловливает дальнейшие количественные изменения.

Так, например, утверждение социалистического способа производства означает не только коренное, качественное изменение характера производственных отношений — смену капиталистических производственных отношений социалистическими, но и повышение уровня и темпов производства материальных и духовных благ, величины национального и личного дохода, заработной платы, промышленного и сельскохозяйственного производства и ряда других показателей. Новая качественная определенность — особенности и преимущества социализма — означает и новую количественную определенность — новые показатели, новые темпы роста и развития.

Все это говорит о том, что качественные изменения влекут за собой изменения количественные. Количественные и качественные изменения, таким образом, представляют собой диалектическое единство противоположных, но взаимообусловленных сторон. Как и во всяком диалектическом противоречии, между количественными и качественными изменениями существуют взаимопроникновение (количество переходит в качество, и, наоборот, качество — в количество), взаимоотрицание и борьба.

Следует заметить, что в философии не всегда правильно понималось взаимодействие между количеством и качеством. Так, некоторые философы и естествоиспытатели прошлого пытались свести все качественное многообразие предметов и явлений к количественному многообразию. Они исходили из того, что атомы, из которых состоит материя, суть самые простые и вместе с тем однородные для всех форм материи мельчайшие тела. По словам Энгельса, они видели свою задачу в том, чтобы «отыскать единообразную

материю как таковую и свести качественные различия к чисто количественным различиям, образуемым сочетаниями тождественных мельчайших частиц...» [1].

2. МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КАЧЕСТВЕННЫЕ

Скачок — форма перехода от старого качества к новому. Как отмечено выше, процесс развития выступает в основном в двух формах: в виде количественных и в виде качественных изменений. Он представляет собой единство непрерывности и прерывности. Количественные изменения выражают непрерывность, постепенность развития, т. е. изменения в рамках данной качественной определенности. Переход количественных изменений в качественные выступает в виде скачка, решающего перехода от старого качественного состояния к новому. Качественные изменения выражают перерывы постепенности, означают замену старого новым. Новое качество в свою очередь создает условия для дальнейших количественных изменений, для дальнейшего постепенного развития.

Скачок представляет собой форму движения и развития. Скачок в развитии означает коренные, качественные изменения, такую стадию, когда совершается непосредственный переход от одного качества к другому. Скачок выступает в процессе развития как переломный этап, как решающее звено. «...Именно в такие периоды,— писал В. И. Ленин, отмечая роль скачков, революций в общественной жизни,— разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, созидаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базисе обновленных производственных отношений» [2].

Признание факта существования скачков в окружающем нас мире еще не дает полного понимания особенностей развития какого-либо конкретного предмета или явления. Диалектический материализм учит подходить к анализу

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 570.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23—24.

скачков конкретно-исторически, видеть качественное различие и многообразие самих скачков.

Характер скачка определяется спецификой самого развивающегося предмета или явления, его взаимосвязью с другими предметами и явлениями, присущими ему противоречиями. Одно дело, например, скачок как разрешение антагонистических противоречий, в частности противоречий между буржуазией и пролетариатом, и другое дело — скачок как разрешение неантагонистических противоречий, например противоречий между рабочим классом и трудовым крестьянством.

Кроме того, скачки в обществе отличаются от скачков в природе. Переход от одного качественного состояния в другое в обществе зависит от факторов, которых нет в природе; революционной энергии и инициативы масс, партий, отдельных личностей. Да и в самом обществе скачки неодинаковы. Так, замена капиталистического строя социалистическим коренным образом отличается от замены феодализма капитализмом. Переход к социализму означает уничтожение частной собственности на средства производства, эксплуатации и деления общества на враждебные классы, в то время как переход от феодализма к капитализму означает лишь изменение формы частной собственности на средства производства, изменение форм эксплуатации.

Многообразие предметов и явлений действительности определяет и многообразие форм скачкообразных переходов. Чем богаче и сложнее предмет или явление, тем богаче и сложнее переход от одного качества к другому.

Скачки могут различаться по своему масштабу и охватывать как большие исторические периоды, составлять целую эпоху в развитии, так и отдельные стороны, звенья данного большого исторического периода, выступать как ряд скачков в рамках большого скачка. Развивая марксистское положение о скачках, В. И. Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти» писал, что, по Марксу и Энгельсу, скачки в общественной жизни — это переломы, поворотные пункты во всемирной истории, которые иногда обнимают периоды в 10 и более лет. Ленин говорил об эпохе больших скачков, о таком переходе от старого качественного состояния к новому, который охватывает целую полосу исторического развития.

Так, для такого исторического скачка, как замена в нашей стране капиталистического общества обществом со-

циалистическим, потребовался переходный период, во время которого трудящиеся нашей страны под руководством Коммунистической партии решили ряд важнейших хозяйственно-политических и культурно-идеологических задач. Уничтожение политического господства помещиков и буржуазии, установление диктатуры пролетариата в результате Великой Октябрьской социалистической революции, индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция — все это звенья, скачки в рамках большого скачка, которые определили торжество социализма в СССР, переход от старого качественного состояния общества к его новому качественному состоянию.

Следует различать скачки, выражающие превращение одного предмета в другой, и скачки, выражающие качественные изменения в рамках данного предмета. Это вытекает из того, что качественные различия существуют не только между одним предметом и другим, но и в рамках данного предмета, поскольку он обладает многими противоречивыми сторонами. Отличие скачков в этих случаях состоит в том, что при переходе одного предмета в другой данный предмет исчезает и возникает другой, тогда как при скачке в рамках данного предмета переход от старого качественного состояния к новому не уничтожает самого предмета, а касается лишь звеньев, ступеней в его развитии.

В общественной жизни скачками первого рода являются переходы от одной общественно-экономической формации к другой, а скачками второго рода — качественные изменения в рамках одной и той же формации. При переходе от феодализма к капитализму, например, произошли уничтожение самой основы феодального общества, замена феодального способа производства капиталистическим. Переход же от капитализма к империализму представляет собой скачок от одного качественного состояния к другому в пределах одной и той же капиталистической формации, переход от одной, низшей стадии капитализма к другой, высшей. Все основные свойства капитализма остаются и на стадии империализма, потому что «империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще» [1]. Но вместе с тем при империализме возникают и качественно новые свойства и закономерности,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 385.

Скачки различаются также по форме проявления. Они могут протекать быстро и резко, медленно и постепенно, происходить наподобие взрыва и относительно спокойно. Все зависит от характера разрешаемого скачком противоречия и тех конкретных условий, в которых совершается процесс перехода от старого качества к новому. Ф. Энгельс писал, что новое приходит на смену старому «мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления,— насильственно, если оно противится этой необходимости» [1].

В природе к числу быстрых и резких по форме скачков, скачков-взрывов, относятся, например, многие превращения, происходящие в микромире.

В общественной жизни быстрыми и резкими по форме скачками, скачками-взрывами, являются социальные перевороты, совершаемые путем вооруженного восстания.

Переход от старого качества к новому может совершаться и в форме постепенного накопления элементов нового качества, сопровождающегося отмиранием элементов старого качества. Примером постепенного скачка, охватывающего многие тысячелетия, был процесс становления человека.

Постепенный переход от старого качества к новому имеет место и во многих явлениях общественной жизни. Так, путем постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества происходил процесс возникновения языка. При капитализме постепенными были переходы от кооперации к мануфактуре, от мануфактуры к крупной промышленности, от промышленного капитализма к империализму. Постепенным путем был совершен такой исторический скачок в жизни советского общества, как коллективизация сельского хозяйства. В настоящее время наша страна совершает постепенный переход от социализма к коммунизму.

Скачки, происходящие в форме постепенного перехода от старого качества к новому, содержат ту особенность, что уничтожение старого качества и утверждение нового происходит здесь не сразу, а частями, через ряд переходных, или промежуточных, звеньев с нерезким по форме протеканием скачка.

Постепенность скачка необходимо отличать от постепенных количественных изменений. Переходы, происходя-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 275.

щие путем постепенной скачкообразной замены старого качества новым, являются в отличие от постепенных количественных изменений коренными изменениями, решающими поворотами. В данном случае постепенность выступает как форма коренных, качественных изменений, как форма скачка. Так, например, говоря о переходе от одной формы движения к другой, Ф. Энгельс указывал: «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом» [1].

Следовательно, момент постепенности может быть одной из характеристик как количественных, так и качественных изменений. Все дело в том, какие изменения постепенность выражает по существу. Постепенность количественных изменений означает, что в процессе развития имеют место незначительные изменения, что происходит только медленное нарастание или уменьшение данного качества. Постепенность качественных изменений означает, что происходят коренные изменения в процессе развития, что совершается скачок, переход от старого качества к новому, но совершается не сразу, а по частям, через ряд звеньев.

Рассмотренные формы проявления скачков не исчерпывают всего их многообразия. Они являются лишь наиболее типичными, однако кроме них имеются и другие формы скачков.

Зависимость формы скачка от конкретных условий. В ряде случаев в одних и тех же по своему характеру предметах или явлениях могут иметь место переходы от старого качества к новому как путем постепенных качественных изменений, так и путем резкой замены старого новым, путем взрыва. Все зависит от конкретных условий.

Применительно к общественной жизни это видно на примере перехода от капитализма к социализму. Историческая закономерность такова, что для победы социализма необходима пролетарская революция и диктатура пролетариата. Это положение составляет краеугольный камень марксизма. Однако к вопросу о путях революции и о государственных формах диктатуры пролетариата основоположники марксизма-ленинизма подходили с учетом конкретно-исторических условий. Общей линией в борьбе за диктатуру пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс считали насильственную революцию, вооруженное восстание, но

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 66.

для отдельных стран они делали исключение. Например, в 70-х годах прошлого столетия К. Маркс допускал для Англии возможность свершения революции мирными средствами, не прибегая к вооруженному восстанию. Такая возможность вытекала из конкретной обстановки, сложившейся в те годы в Англии.

В. И. Ленин, разрабатывая в новых исторических условиях теорию пролетарской революции, исходил из этих положений марксизма, отстаивал и развивал марксистскую постановку вопроса о различных формах скачкообразного перехода от капитализма к социализму. После Февральской революции 1917 г. он выдвинул положение о двух возможных путях социалистической революции: о мирном развитии революции и о ее победе через вооруженное восстание. Указывая на возможность мирного пути развития революции, В. И. Ленин вместе с тем предупреждал, что это не путь реформизма, не путь незначительных преобразований, а путь коренных, качественных изменений, путь замены диктатуры буржуазии диктатурой пролетариата. Мирный путь революции, учил он, не означает отказа от классовой борьбы, ибо социальный антагонизм нельзя разрешить иначе, как через доведение классовой борьбы до конца.

Ленинская постановка вопроса о различных формах революционного перехода от капитализма к социализму вытекала из требования материалистической диалектики видеть в явлениях не только общее, но и специфическое, подходить к явлениям конкретно-исторически.

Ленинское учение о многообразии форм революционного преобразования капитализма в социализм имеет исключительное значение в наши дни. В современных условиях, когда существует мощный лагерь социализма, когда произошли огромные изменения в жизни народов всего земного шара, социалистическая революция не обязательно во всех случаях должна совершаться путем вооруженного восстания. В зависимости от конкретно-исторической обстановки, от соотношения классовых сил в отдельных странах возможен и мирный путь развития социалистической революции.

Эволюция и революция. Применительно к явлениям общественной жизни количественные и качественные изменения выступают как эволюция и революция. Действительная история, говорил В. И. Ленин, включает в себя «различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие

в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности» [1].

Эволюционная форма означает, что в старом постепенно накапливаются новые свойства, вызревает новое качество. Революционная форма есть переход к новому качеству, перерыв количественной постепенности.

Выясняя вопрос о двух формах развития, необходимо остановиться на употреблении понятий «эволюция» и «революция». Так, понятие «эволюция» употребляется для обозначения одной из форм развития (качественных изменений), а также для обозначения развития в целом. Мы говорим, например, об эволюции живой природы, имея в виду, что она предполагает не только количественные, но и качественные изменения. Так же неодинаково употребляется и понятие «революция». Под революцией может подразумеваться одна из форм развития (коренные, качественные изменения). В этом отношении понятие «революция» равнозначно понятию «скачок». Однако в природе и обществе могут быть коренные, качественные изменения, скачки, которые не являются революцией. Если взять такую конкретную форму качественных изменений, как социальная революция, то здесь понятия «скачок» и «революция» совпадают, ибо социальная революция есть не что иное, как выражение скачкообразного перехода от одного способа производства к другому.

Однако если рассматривать такие изменения в жизни общества, как, например, переход от промышленного капитала к империализму, то, хотя они и выступают как скачки, как качественные изменения, тем не менее их нельзя назвать социальной революцией. Они не означают замены данного общественного строя, т. е. способа производства и государственной власти, другим, а касаются лишь отдельных сторон в жизни данного строя, отдельных этапов развития. Следовательно, понятия «скачок» и «революция» совпадают не всегда.

Говоря о несовпадении этих понятий, нужно иметь в виду и такие случаи, когда скачки, качественные изменения выражают движение не вперед, а назад. Примерами подобного рода являются годы реакции в России после поражения революции 1905—1907 гг., установление фашистской диктатуры в Германии в 30-х годах текущего столетия и т. п. Эти качественные изменения выступают не

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 66.

как революция, а как контрреволюция, как попятное движение. Поэтому естественно, что понятия «скачок», «качественные изменения» и «революция» здесь также не тождественны.

Различное употребление терминов «эволюция» и «революция» обусловлено многообразием конкретных форм проявления количественных и качественных изменений в жизни природы и общества. Оно не снимает того положения материалистической диалектики, что развитие протекает в двух формах — количественных и качественных изменений, а указывает лишь на необходимость всестороннего и конкретного подхода к изучаемым предметам и явлениям.

Из факта существования двух форм развития вытекают важнейшие выводы для теории и практики борьбы рабочего класса и всех трудящихся. Марксистско-ленинские партии в обосновании своих программных и тактических положений исходят из диалектического материализма, из учения о единстве количественных и качественных изменений. На этой теоретической основе они определяют пути и способы борьбы за преобразование капиталистического общества в общество социалистическое.

По-иному подходят к пониманию эволюционной и революционной форм развития реформисты и другие противники марксизма.

Они сводят развитие или только к количественным изменениям, к вульгарному эволюционизму, или только к скачкам, к случайным взрывам.

Характеризуя ревизионистов прошлого, В. И. Ленин указывал, что они идут в хвосте буржуазной «науки», опошляют материализм, заменяют «хитрую» и революционную диалектику «простой» и спокойной «эволюцией». Это в полной мере относится и к современным правым ревизионистам, которые отстаивают лживую идею мирного врастания капитализма в социализм, пытаются опорочить великое учение марксизма-ленинизма, вытравить его революционную душу и тем самым подорвать веру рабочих и всех трудящихся в социализм. Они выступают против пролетарской революции и диктатуры пролетариата как необходимых условий перехода от капитализма к социализму.

Другим проявлением метафизического подхода к процессу развития является абсолютизация коренных, качественных изменений, признание только взрывов.

Согласно этому взгляду, качественные изменения наступают не в результате количественных изменений, а случайно, вызываются какими-то неизвестными причинами. Так, еще французский естествоиспытатель Ж. Кювье считал, что все существующее на Земле связано с повторяющимися время от времени взрывами, катастрофами (катаклизмами), в результате которых уничтожается старое и на обломках прошлого созидается новое. Катастрофа, по мнению Кювье, появляется внезапно, без всякой связи с предшествующим развитием и вызывается какими-то особыми, неизвестными силами.

К теории катастроф прибегают ныне многие буржуазные философы. Утверждая, будто современный этап человеческой истории граничит с катастрофой, крушением цивилизации, они тем самым хотят убедить народные массы в нецелесообразности революционной борьбы против капиталистической эксплуатации.

Теория катастроф является философской основой анархизма и «левого» ревизионизма, которые сводят развитие только к резким взрывам, отвергают подготовительную работу для революции и заменяют революционную борьбу авантюрными вспышками. Несмотря на формальное различие метафизических точек зрения, их носители на деле являются проводниками буржуазного влияния в коммунистическом и рабочем движении или прямыми агентами буржуазии. «И те и другие,— писал В. И. Ленин о реформистах и анархистах,— тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании» [1].

Своеобразие действия закона перехода количественных изменений в качественные в условиях социализма. Отмечая многообразие форм перехода от одного качества к другому, необходимо остановиться на особенностях качественных и количественных изменений в условиях социалистического общества. При социализме качественные изменения происходят преимущественно постепенным путем. На это указывали творцы научного коммунизма. Так, в работе «Задачи пролетариата в нашей революции» В. И. Ленин писал,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 66—67.

что переход от первой фазы коммунизма ко второй будет постепенным, что «социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм...» [1]. Постепенность как форма утверждения нового качества при социализме вытекает из самой природы социалистического строя. В условиях социализма нет почвы для острых и резких столкновений внутри общества, ибо при социализме нет враждебных классов, для него характерно морально-политическое единство.

Своеобразие постепенного перехода от старого качества к новому при социализме состоит в том, что в условиях социализма исключаются политические революции.

Победа социалистической революции и установление диктатуры пролетариата означают переход общества в новое качественное состояние. При социализме народ впервые становится господином положения, свободным от эксплуатации, а государство впервые выступает как государство трудящихся. Создается действительное органическое единство народа и государства, исключающее социальные конфликты и политические революции. Преодоление старого и утверждение нового в условиях социализма происходит путем сознательной и организованной деятельности всего общества. При коммунизме, говорил К. Маркс, «*социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*» [2].

Постепенность перехода от старого качества к новому в условиях социализма характеризуется, далее, тем, что утверждение нового качества происходит не сразу, а через ряд звеньев, крупных поворотов. Так, в борьбе за коммунизм в нашей стране предстоит совершить целый ряд крупнейших качественных изменений, пройти определенные этапы. К числу таких изменений относится создание материально-технической базы коммунизма, ликвидация имеющихся еще различий между классами, существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, воспитание человека коммунистического общества, подготовка общества к полному осуществлению принципов коммунизма. Само собой разумеется, что данные качественные изменения будут совершаться постепенно, путем решения все новых и новых конкретных задач.

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 180.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 185.

Каждый из крупных переломов, скачков в развитии социалистического общества подготовляется предшествующим развитием и в свою очередь служит этапом, ступенью в движении вперед, создает условия для нового, последующего крупного перелома, скачка. В этом переходе от этапа к этапу, от звена к звену, от ступени к ступени и проявляется постепенность коренных, качественных изменений при социализме.

Постепенность замены старого качества новым в условиях социализма неотделима от быстрого количественного роста, от высоких темпов развития. Поэтому постепенность процесса перехода от старого качественного состояния к новому при социализме не следует понимать как замедление темпов развития. Понятия «постепенный переход», «постепенное утверждение нового качества» указывают не на темп развития, а на форму перехода от старого состояния к новому, на то, что этот процесс совершается не сразу, а через ряд этапов, переходных форм.

Важнейшей особенностью проявления закона перехода количественных изменений в качественные при социализме является сокращение сроков утверждения нового качества. Такие коренные изменения в жизни нашей страны, как индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, прошли в исторически кратчайшие сроки.

Сокращение сроков утверждения нового качества в нашей стране находит свое выражение в досрочном выполнении планов, в ускорении темпов развития во всех областях хозяйственной и культурной жизни страны. Новые качественные изменения, наступившие с победой социализма в СССР, обусловили и новую качественную определенность — невиданный до сих пор в истории рост материальных и духовных благ общества.

Сокращение сроков в утверждении нового качества при социализме не исключает в ряде случаев относительной длительности в замене старого качества новым. Если взять, например, преодоление пережитков капитализма в сознании людей социалистического общества и воспитание новой дисциплины труда, то этот процесс требует определенной продолжительности.

Постепенный переход от старого качества к новому в условиях социализма невозможен без возрастающей роли субъективного фактора, без организующей и направляющей роли коммунистических и рабочих партий и творческой

инициативы масс, без активной деятельности социалистического государства и таких общественных организаций, как профсоюзы и союзы молодежи.

Таково содержание закона перехода количественных изменений в коренные, качественные. Этот закон конкретизирует понимание процесса развития, показывает, как и в каких формах происходит замена старого качественного состояния новым. Он служит одним из руководящих принципов в практической деятельности марксистско-ленинских партий, обязывает быть революционером в политике, вести борьбу против правого и «левого» ревизионизма, реформизма и анархизма.

ГЛАВА VII

ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

Закон отрицания, как и рассмотренные выше закон единства и борьбы противоположностей и закон перехода количественных изменений в качественные, так же является законом развития материального мира и мышления. Этот закон органически связан с другими законами диалектики и вместе с тем имеет свое специфическое содержание. Из предыдущего изложения видно, что закон единства и борьбы противоположностей раскрывает борьбу нового со старым, выступает как внутренний источник развития, а закон перехода количественных изменений в качественные выражает характер развития и формы перехода от старого качественного состояния к новому. Закон отрицания отрицания определяет, в каком направлении происходит развитие, в какой форме и как осуществляется связь и историческая преемственность в развитии.

1. ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ — ВЫРАЖЕНИЕ ПОВТОРЯЕМОСТИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ

Отрицание как момент связи и развития. Бесконечное возникновение одних качественных состояний и уничтожение других выступает как отрицание старого новым, как разрешение одних противоречий и возникновение других.

Диалектическое отрицание представляет собой закономерное объективное явление, независимое от субъективных желаний людей. Оно вытекает из противоречивости предметов и процессов, из наличия в них отрицающих друг друга сторон и тенденций. Его нельзя понимать как простое уничтожение. Оно представляет собой такое отрицание, которое предполагает возможность дальнейшего развития,

возможность нового отрицания. Если, например, мы превратим зерна пшеницы в муку, размолов их, то это, конечно, будет отрицанием, так как вместо зерен появится мука. Но подобное отрицание исключает возможность дальнейшего развития зерен, ибо размолотые зерна не обладают способностью к произрастанию. Следовательно, в данном случае будет иметь место не диалектическое отрицание зерен, а их уничтожение. В диалектике же, указывал Ф. Энгельс, отрицать — это не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или уничтожить ее любым способом. Действительное диалектическое отрицание есть причина развития; оно создает условия для нового отрицания. «Я должен,— писал Энгельс,— не только что-либо подвергнуть отрицанию, но и снова снять это отрицание. Следовательно, первое отрицание необходимо произвести таким образом, чтобы второе оставалось или стало возможным» [1].

Диалектическое отрицание всегда связано с конкретными условиями, ибо способ отрицания зависит от характера самого предмета или процесса. «...Способ отрицания,— писал Энгельс,— определяется... во-первых, общей, а во-вторых, особой природой процесса... Для каждого вида предметов, как и для каждого вида представлений и понятий, существует, следовательно, свой особый вид отрицания, такого именно отрицания, что при этом получается развитие» [2].

Отрицание, поскольку оно есть результат саморазвития материи на основе присущих ей противоречий, не может быть абсолютным, голым отрицанием. Напротив, оно выступает как итог всего предшествующего развития. В этом смысле можно сказать, что отрицательное, поскольку в нем сохраняется этот итог, есть вместе с тем и положительное. Следовательно, момент отрицания понимается диалектикой как преодоление, «снятие» прежней ступени развития с удержанием всего ценного и положительного, что было создано на предыдущих этапах развития. «Не голое отрицание,— писал В. И. Ленин,— не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 145.
[2] Там же, стр. 145, 146.

как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...» [1]

Смысл диалектического отрицания состоит в том, что оно выступает не только как момент уничтожения старого, отжившего, но и как момент связи нового со всем положительным, что было создано при старых формах развития, как момент преемственности в развитии. Новые формы содержат в себе старые как «снятые». Например, плод как высшая ступень в развитии растения содержит в себе в «снятом» виде почку и цветок как низшие ступени. Все новые виды растений и животных произошли от прежде существовавших видов путем изменения и отрицания последних.

Историческая преемственность между старым и новым имеет место и в развитии явлений общественной жизни. Так, переход от одного способа производства к другому есть отрицание старого новым. Но при этом в новом способе производства сохраняются производительные силы, созданные на предшествующих ступенях развития человеческого общества. «Благодаря тому простому факту,— писал К. Маркс,— что каждое последующее поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства,— благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения» [2].

Ярким примером голого отрицания является отношение к буржуазной культуре так называемого «Пролеткульта» — организации, существовавшей в первые годы Советской власти. Пролеткультовцы исходили из того, что пролетариату нечего брать от старой культуры, поскольку она создавалась в классовом обществе, была дворянской или буржуазной, что поэтому-де он должен отбросить все старое и создать все новое, в том числе новую, пролетарскую математику, биологию и т. п.

Характерно, что некоторые из идеологов «Пролеткульта», например А. А. Богданов, отрицательно относились и к марксистской философии. Мировоззрение пролетариата,

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 207.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 402.

утверждал Богданов, должно быть совершенно новым проявлением человеческой мысли, исключающим какую бы то ни было связь со старым, прошлым. Таким «новым» мировоззрением Богданов считал свою «организационную науку», которая в философском отношении представляла собой смесь механицизма и махизма.

Совершенно очевидно, что подобное отношение к прошлому не имеет ничего общего с марксизмом. В речи на III съезде комсомола, критикуя пролеткультовцев, В. И. Ленин говорил: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [1].

Таким образом, диалектическое отрицание необходимо предполагает преемственность в развитии, удержание из старого всего ценного и положительного, без чего новое не может существовать и развиваться. Вместе с тем оно предполагает не простое удержание, не механическое повторение элементов старого в новом, а удержание их в критически переработанном виде. Это вытекает из самой природы соотношения нового со старым. Для того чтобы существовать и развиваться, новое нуждается в определенных исходных пунктах, которые, естественно, могут быть только в старом.

Но новое, будучи принципиально отличным от старого, не может сохранить старое в неизменном виде. Так, борясь за победу социализма, рабочий класс, трудящиеся массы удерживают, сохраняют все положительное, что было добыто в предшествующий период истории человеческого общества. Разумеется, удержание, сохранение в социалистическом обществе всего ценного, накопленного поколениями человечества предшествующих формаций, не является простым механическим перенесением старого в новое. Положительные элементы старого претерпевают в условиях нового, социалистического общества принципиальные изменения.

Известно, например, что рабочий класс, трудящиеся массы социалистических стран не только не разрушили

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 304—305.

технику, созданную при капитализме, но, установив вместо частной капиталистической собственности общественную собственность на средства производства, двинули вперед развитие техники и производительных сил такими темпами, какие в целом недоступны капитализму.

Примером использования в переработанном виде прогрессивного прошлого может служить сохранение в методе социалистического реализма положительных черт предшествовавшего ему метода критического реализма. Однако социалистический реализм не есть простое повторение критического реализма. Он представляет собой высшую форму художественного реализма, в котором принципы критического реализма, такие, как народность искусства, связь искусства с жизнью, единство формы и содержания, приобретают качественно новое содержание. Социалистический реализм преодолевает известную идейную и классовую ограниченность критического реализма.

Рассматривая вопрос о сохранении в новом старого, следует иметь в виду, что это старое не во всех случаях является положительным, необходимым для нового. Жизнь показывает, что нередко старое, сохраняющееся в новом, представляет собой отрицательный момент, задерживающий развитие нового. Например, в условиях капиталистического строя еще долгое время оставались феодальные отношения, задерживавшие развитие капитализма а в отдельных странах они существуют и поныне.

В нашей стране победившего социализма еще остаются пережитки капитализма в сознании людей. Совершенно очевидно, что эти пережитки являются отрицательным моментом, тормозящим движение нашего общества вперед. Подобные отрицательные черты старого в новом коренным образом отличаются от тех элементов старого, которые играют положительную роль в развитии нового. Эти отрицательные черты выражают не преемственность в развитии, а тот факт, что новое не всегда утверждается сразу, что наряду с побеждающим новым некоторое время продолжает существовать мешающее ему старое.

Отрицание старого есть вместе с тем утверждение нового, переход к высшей фазе развития. Занимая место старого, сохраняя в нем все ценное, положительное, новое выступает как более высокое качественное образование.

Рассматривая вопрос об утверждении нового, следует исходить из того, что действительно новое есть выражение

закономерного, необходимого поступательного развития явлений природы и общества, выражение перехода явлений от низшего этапа к высшему. В природе это находит свое проявление в переходе от неорганической материи к органической, в возникновении жизни, в развитии низших форм жизни в высшие. В человеческой истории это выражается в смене общественно-экономических формаций, развивающихся по восходящей линии, от низшего к высшему. В процессе познания, в области идеологии новое проявляется в победе прогрессивных идей над идеями устаревшими, реакционными, в замене одних научных положений другими, более точными, полными и богатыми по содержанию. Новое, следовательно, выступает по отношению к старому как качественно высший этап развития.

Выясняя существо нового, необходимо иметь в виду, что не все, что кажется на первый взгляд новым или выдается за таковое, представляет собой действительно новое, т. е. более высокую ступень в развитии. Известно, что нередко в общественной практике, в политической борьбе те или иные классы и партии пытались и пытаются выдать реакционное старое за прогрессивное новое. Так, германский фашизм — открытая террористическая диктатура наиболее реакционной, агрессивной империалистической буржуазии, — прикрываясь флагом «национал-социализма», «нового порядка», на деле пытался повернуть колесо истории вспять, поработить все народы и нации.

В наше время попытки протащить реакционное старое под видом нового предпринимают, например, правые социалисты, которые в противовес единственно верному марксистско-ленинскому учению о социализме ратуют за некую «новую» форму социализма, за так называемый демократический социализм, являющийся не чем иным, как попыткой прикрыть старые, прогнившие капиталистические порядки флагом социализма.

Руководствуясь диалектико-материалистическим пониманием отрицания, коммунистические и рабочие партии выделяют и поддерживают в многообразии явлений общественной жизни действительно новое и разоблачают то старое и реакционное, что протаскивается буржуазией и ее пособниками под флагом нового.

Таким образом, диалектический материализм рассматривает отрицание как момент связи и развития. Основным содержанием диалектического отрицания является преем-

ственность в развитии, такая замена старого новым, когда новое, выступая как высшая ступень развития, удерживает из старого все положительное.

Отрицание отрицания. Но процесс развития и не останавливается на первом отрицании. Данное отрицание отрицается новым, новое, развиваясь и становясь старым, отрицается следующим новым. Поскольку диалектическое развитие выступает как ряд отрицаний, то возникают вопросы: какова связь между первым и последующим отрицанием; что нового дает второе отрицание по сравнению с первым; какая закономерность действует в общей цепи сменяющихся отрицаний?

На классический пример отрицания отрицания в жизни общества указал В. И. Ленин в работе «Шаг вперед, два шага назад». Рассматривая развитие борьбы внутри русской социал-демократии между большевиками и меньшевиками на II съезде партии и в последующие годы, он раскрыл этот процесс как отрицание отрицания, заметив, что «не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю» [1].

Развитие борьбы революционного и оппортунистического крыла партии на II съезде и в послесъездовский период, отметил В. И. Ленин, шло диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство — меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне. При этом борьба развертывается как отрицание отрицания. Исходный пункт борьбы — принципиальная постановка вопроса об организационных основах пролетарской партии, идейные споры по первому параграфу Устава партии на II съезде.

Затем наступает полоса отрицания исходного пункта. После II съезда дрязги берут верх над принципиальной постановкой вопроса. Старая заскорузлая кружковщина, говорил Ленин, осилила молодую еще партийность. Новая «Искра» вместо революционной принципиальности встала на путь оппортунизма и лицемерия.

Далее следует второе отрицание, т. е. отрицание беспринципности в организационных вопросах, дрязг и кружковщины, и возврат к исходному пункту, к чисто идейной, принципиальной борьбе по вопросу об организационных основах партии. В рядах социал-демократии вновь стали

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 400.

обсуждаться глубоко волнующие проблемы о том, какой должна быть пролетарская партия. Но теперь в этой борьбе более наглядно и резко выявилось коренное различие между большевиками и меньшевиками как двумя противоположными направлениями в рабочем движении.

Второе отрицание выступает в данном случае как более высокая ступень в развитии борьбы между большевиками и меньшевиками, поскольку оно включает в себя все ценное, что было в исходном пункте и первом отрицании.

Отрицание отрицания выражает развитие путем противоречий, выступает как превращение противоположностей друг в друга. Классики марксизма-ленинизма видели прямую связь между законом отрицания и законом единства и борьбы противоположностей. Так, Ф. Энгельс рассматривал в неразрывной связи «взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, когда они доведены до крайности,— развитие путем противоречия, или отрицание отрицания...» [1]. О тесной связи между законом отрицания отрицания и законом единства и борьбы противоположностей говорил и В. И. Ленин. Диалектическое движение, движение с возвратом к исходному пункту, не может не быть тождеством противоположностей.

Такое понимание отрицания отрицания не случайно. Существо закона отрицания отрицания в том и состоит, что он показывает, как возникают, развиваются и разрешаются свойственные данному процессу противоречия, как в поступательном движении происходит превращение противоположностей друг в друга. В этом легко убедиться, если взять проявления отрицания отрицания в развитии форм собственности.

В первобытном обществе зародившаяся частная собственность вступила в противоречие с господствовавшей тогда общинной формой собственности, стала отрицать последнюю. Как только данное противоречие дошло до крайности, произошло его разрешение. Старая форма собственности уступила место новой. Совершилось первое отрицание, во время которого старое единство противоположностей было заменено новым. Вместо существовавшей в первобытном обществе общинной формы собственности при рабовладельческом строе утвердилась и заняла господствующее положение частная форма собст-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 343.

венности. Произошло превращение явления в свою противоположность: господствовавшая ранее общинная форма собственности уступила место частной форме собственности.

В свою очередь замена капиталистической формы собственности социалистической, т. е. второе отрицание, также является превращением в противоположность. Господствовавшая до победы социализма частная форма собственности уничтожается, а вместо нее утверждается и становится господствующей общественная социалистическая форма собственности. Так отрицание отрицания выступает как выражение противоречивости процесса развития, как разрешение противоречий, как переход противоположностей друг в друга.

Но отрицание отрицания не есть простое чередование переходов противоположностей друг в друга, простая замена одного единства противоположностей другим. Оно означает такую их замену, которая предполагает повторение пройденных этапов на новой, высшей основе.

Важнейшей чертой закона отрицания является то, что он, выражая развитие как повторение пройденных ступеней на новой, более высокой основе, тем самым показывает, что процесс развития включает в себя возврат якобы к старому. В этом состоит одно из характерных проявлений закона отрицания, на которое неоднократно указывали основоположники марксизма-ленинизма. Так, Ф. Энгельс писал: «Истинное — естественное, историческое и диалектическое — отрицание как раз и есть (рассматриваемое со стороны формы) движущее начало всякого развития: разделение на противоположности, их борьба и разрешение, причем (в истории отчасти, в мышлении вполне) на основе приобретенного опыта вновь достигается первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени» [1].

Эту же мысль высказывал В. И. Ленин. В статье «Карл Маркс» он писал, что развитие как бы повторяет пройденные уже ступени, но повторяет их иначе, на более высокой базе. В «Философских тетрадях» Ленин называл в качестве элементов диалектики «повторение в высшей стадии известных черт, свойств... низшей и... возврат якобы к старому $\left(\begin{matrix}\text{отрицание}\\ \text{отрицание}\end{matrix}\right)$...» [2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 640—641.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

Такая постановка вопроса вытекает из анализа данных науки и практики, из анализа развития природы, общества и человеческого мышления. Это видно и из рассмотренных выше примеров. Так, общественная собственность на средства производства при социализме как бы повторяет общественную форму собственности первобытного строя. Но это не простое повторение черт и особенностей старого в новом, не простой возврат к старому, а утверждение качественно нового образования, более богатого по содержанию и более высокого по форме развития.

Являясь возвратом якобы к старому, второе отрицание повторяет исходный пункт в «снятом», критически переработанном виде, выражает лишь его некоторые общие стороны.

Конкретные формы возврата якобы к старому в процессе отрицания отрицания весьма разнообразны. Одним из проявлений этой важнейшей закономерности является биогенетический закон, согласно которому организм в течение своего зародышевого развития как бы повторяет в сжатой форме путь развития вида, возвращается якобы к старому.

Умственное развитие человека идет таким образом, что как бы повторяет в общих чертах всю историю умственного развития человечества. Ребенок до трех лет мыслит непосредственно, его мышление ограничивается связями между наглядно воспринимаемыми предметами. Оно конкретно, наглядно и напоминает умственное развитие антропоидов. Однако это не полное совпадение, не простой возврат к старому, а повторение лишь известным образом, как некоторое подобие. «...Подобно тому,— писал Ф. Энгельс,— как история развития человеческого зародыша во чреве матери представляет собой лишь сокращенное повторение развертывавшейся на протяжении миллионов лет истории физического развития наших животных предков начиная с червя, точно так же и духовное развитие ребенка представляет собой лишь еще более сокращенное повторение умственного развития тех же предков,— по крайней мере более поздних» [1].

Отрицание отрицания выступает как удержание, как синтез всего положительного, что было на первых двух фазах развития — в исходном пункте и в его отрицании. Причем этот синтез представляет собой «снятие» предшест-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 495.

вующих фаз и новое, более высокое качественное образование, разрешение противоречий исходного пункта и его отрицания и установление новых противоречий. Синтез является в данном случае диалектическим единством всего положительного, что было в предшествующих этапах, и того нового, что возникло в процессе второго отрицания. В синтезе преодолеваются односторонности исходного пункта и его отрицания и утверждается более богатое и всестороннее содержание. Диалектический синтез — это высшее единство нового и элементов «снятого» старого.

Отрицание отрицания как синтез можно проиллюстрировать на приведенных ранее примерах. Так, социалистическая форма собственности на средства производства включает в себя положительный момент исходного пункта — общественный характер владения средствами производства, а также положительные моменты второй ступени развития общества — общественный характер производства, высокую машинную технику и т. д. Вместе с тем социалистическая форма собственности является новым, принципиально отличным качественным образованием, преодолением всех старых форм собственности.

Отрицание отрицания является одновременно завершающей фазой в развитии процесса и вместе с тем новым исходным пунктом для дальнейшего развития. Поэтому синтез как результат отрицания отрицания нельзя рассматривать в виде чего-то застывшего, завершенного. Он представляет собой новое условие дальнейшего развития. Так, победа социалистической формы собственности на средства производства является не только завершением предшествующей истории человеческого общества, но и исходным пунктом для качественного нового движения общества вперед.

2. ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАКОНА ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

Спиралевидность развития. Формой проявления отрицания отрицания является спиралевидность.

Спираль взята для выражения отрицания не случайно. Она наглядно охватывает такие стороны диалектического развития, как преемственность, повторяемость и поступательность, восходящий характер движения. Каждый новый виток спирали представляет собой более высокую

ступень развития и вместе с тем является как бы возвратом к пройденному, как бы повторением предыдущего витка спирали. Каждый виток спирали выступает как диалектический цикл, а чередование витков характеризует бесконечность развития, бесконечность восхождения от низшего к высшему.

Развитие по спирали отчетливо видно на примере развития познания мира. Процесс познания протекает по спиралевидной кривой таким образом, что сначала создается общая картина изучаемого объекта, затем происходит его мысленное расчленение на части (анализ) и изучение этих частей в отдельности и, наконец, суммирование, обобщение полученных знаний, их синтез в виде научной теории. На последнем, третьем этапе, т. е. на этапе обобщения приобретенных в результате анализа знаний, происходит возврат к исходному пункту, но на новой, обогащенной данными анализа основе. Этот возврат является как бы завершением витка спирали.

Положение о развитии по спирали имеет большое значение для познания явлений окружающего мира. Оно позволяет лучше понять всю многогранность живой действительности на различных ступенях ее развития, указывает на многообразие оттенков подхода к действительности. Понимание развития в виде спирали выражает диалектическое единство противоположных, но вместе с тем органически связанных тенденций в развитии: движения вперед (прямолинейное движение) и повторяемости (движение как бы по кругу).

Говоря о формах проявления закона отрицания отрицания, необходимо остановиться на вопросе о том, какое место занимает в этом законе троичность, трехступенчатый характер развития.

Поскольку процесс развития протекает таким образом, что сначала происходит отрицание исходного пункта, а затем отрицание первого отрицания, то этот процесс характеризуется троичностью диалектического цикла, имеет три стадии: первая — исходный пункт, вторая — отрицание исходного пункта и третья — отрицание отрицания.

Но выделение трех стадий развития не означает, что количество ступеней при отрицании отрицания должно непременно равняться трем. Такое выделение говорит лишь о том, что процесс развития, взятый в целом, подчиняется троичному циклу, являющемуся определенной тенденцией развития. При этом троичность цикла характери-

зует сущность, содержание процесса развития, но она не означает, что для каждого процесса обязательна трехступенчатость. Количество ступеней развития может быть и меньше и больше трех, что определяется природой и характером того или иного конкретного процесса развития. Например, в периодической системе химических элементов повторение свойств элементов имеет место не на третьей ступени, а после значительно большего числа ступеней, причем в целом здесь совершается типичный процесс отрицания отрицания. Таким образом, троичность, трехступенчатость, является лишь одной из форм проявления закона отрицания отрицания, выражающей такие явления развития, которые имеют ярко выраженный тройственный цикл.

Марксистское понимание троичности в процессе развития отличается от гегелевского. Гегель, как известно, преувеличивал тройственную форму, свел в конечном счете все к так называемой триаде. Подобное преувеличение отчетливо выступает в созданной им философской системе, где каждая ее часть, каждое ее звено построены по принципу: тезис, антитезис, синтез. С одной стороны, Гегель указывал, что троичность есть внешняя форма отрицания отрицания, что ступеней в развитии может быть больше трех. С другой — он стремился все подчинить триаде. Гегель даже говорил о несовершенстве человеческих знаний там, где исследуемое явление невозможно подвести под тройственную форму.

Подобное противоречие обусловлено у Гегеля коренным противоречием его философии — противоречием между его диалектическим методом, содержащим в себе рациональное зерно, и метафизической идеалистической системой, превращающей весь объективный мир в мир абсолютных понятий. Вследствие этого и триада выступает у него как голая, пустая формула или схема, под которую подгоняются все явления и процессы объективного мира.

В противоположность Гегелю материалистическая диалектика руководствуется не надуманными абстрактными схемами, а тем основополагающим принципом, что субъективная диалектика есть отражение объективной диалектики природы и общества. Развитие путем отрицания отрицания марксистская диалектика рассматривает в зависимости от конкретных условий, от конкретных взаимосвязей самих явлений материальной действительности.

Главное для материалистической диалектики заключается в том, чтобы правильно и точно изобразить действительный исторический процесс, показать конкретные формы связи между различными ступенями развития и проследить их последовательность на основании соответствующих фактов действительности, а не посредством триады.

В связи со сказанным становится особенно ясной абсурдность попыток метафизика Дюринга, а впоследствии метафизика и идеалиста Михайловского представить дело таким образом, будто сущность диалектического метода Маркса состоит в разрешении всех социальных вопросов по законам гегелевской триады. Диалектический метод марксизма в противоположность метафизическому, говорил В. И. Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», есть научный метод в социологии, рассматривающий общество как живой, находящийся в постоянном развитии организм, для изучения которого необходимо исследование законов его функционирования и развития. Марксистская диалектика, указывал он, прямо противоположна идеалистической диалектике Гегеля. Она ничего не доказывает с помощью триад, а заботится лишь о том, чтобы точным научным исследованием установить необходимость данных общественных отношений, выяснить условия их возникновения, развития и замены новыми, более высокими общественными отношениями. Не искусственное подведение материальной действительности под те или иные диалектические схемы, в частности под схемы триады, а конкретно-исторический подход к явлениям — вот что характеризует научный метод Маркса.

О том, что нельзя подгонять явления действительности под схемы триады, что необходимо исходить из конкретно-исторических условий, Ленин говорил и в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». «Рассуждения на тему,— писал он,— что марксизм связывается с гегельянством... с верой в триады, в абстрактные, не требующие проверки фактами, догмы и схемы... оказываются пустой болтовней.

Марксизм видит свой критерий в *формулировке* и в теоретическом *объяснении* идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов» [1].

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 411.

О направленности развития. В законе отрицания отрицания наиболее резко проявляется поступательность развития. Об этом свидетельствует как содержание этого закона, так и форма его проявления. В рассмотренном законе охватываются не отдельные звенья, не отдельные состояния или переходы, а процесс развития, взятый в целом, раскрывается восходящая линия развития. Каждый виток спирали не есть простой возврат к пройденному: он ведет все выше и выше, служит началом нового витка, нового диалектического цикла в развитии. Развитие тем самым идет по пути восхождения, поднимается на все более и более высокую ступень. При этом диалектические циклы, витки, спирали выступают как взаимообусловленные, органически связанные между собой этапы развития, как единый и вместе с тем качественно многообразный процесс.

Признание восходящей тенденции развития не означает, что все изменения в мире идут только в этом направлении. Движение и изменения разнообразны, противоречивы. Процессам восхождения противостоят процессы нисхождения, прогрессивные тенденции неотделимы от регрессивных. Движение от низшего к высшему можно наблюдать в переходе от элементарных частиц к образованию атомных ядер, молекул, затем макроскопических тел, в космосе — возникновение небесных тел из газопылевой материи. Особенно отчетливо прогрессивная тенденция движения видна в органической природе и обществе.

Противоположного характера тенденцию мы видим в распаде материальных систем, в переходе от сложных форм движения материи к менее сложным (органической, например, в неорганическую, возвратное движение в живой природе). Происходящие в мире изменения выступают как диалектическое единство взаимообусловленных противоположных сторон и тенденций.

Противоречивой является также и сама поступательная тенденция. Закономерность поступательного развития не исключает временных отклонений от основных тенденций движения вперед. Марксистская диалектика учит видеть не только восходящую, прогрессивную линию развития материальной действительности, но и возможные временные отступления, зигзаги. Обосновывая положение материалистической диалектики о том, что развитие по восходящей линии — это сложный и противоречивый процесс,

В. И. Ленин не исключал временных движений назад, зигзагов, ибо, говорил он, «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»[1].

История знает такие движения назад, как реставрация династии Бурбонов во Франции (1815—1830 гг.), эпоха реакции в России после поражения революции 1905—1907 гг., гитлеровский режим в Германии (1933—1945 гг.) и др.

Но закономерность развития такова, что, несмотря на временные отливы и отступления, поступательное движение в конечном счете неизбежно пробивает себе дорогу. В самом деле, как ни свирепствовало царское самодержавие в период реакции, какие жестокие меры ни применяло оно против пролетариата, народа, победа в конце концов осталась на стороне передовых сил общества.

В связи с направленностью изменений в мире необходимо остановиться на вопросе о вечном потоке и круговороте. Вся природа, по словам Ф. Энгельса, движется в вечном потоке и круговороте. Однако марксистское понимание круговорота отличается от господствовавшего в XVIII в. метафизического взгляда, согласно которому считалось, что движение, развитие, происходит якобы по замкнутому кругу как простое повторение одного и того же, раз навсегда данного. Сторонники этих взглядов полагали, что в мире ничто не уничтожается и ничто не возникает вновь. Например, звездный мир и Солнечная система остаются, по их мнению, такими, какими они были от века. Ни один вид животных и растений на Земле с самых древнейших времен и по настоящее время, заявляли они, не претерпел качественных изменений. История общества также якобы является повторением одних и тех же этапов.

В этом отношении показательна социологическая теория итальянского философа Д. Вико, который утверждал, что общество совершает непрерывно повторяющиеся круговороты. Согласно Вико, сначала общество переживает период детства, когда господствуют религиозное мировоззрение и деспотия; затем наступает период юности с господством аристократии и рыцарства; наконец, настает период зрелости, когда процветают наука и демократия и когда об-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6.

щество вместе с тем идет вспять, к упадку. Период упадка сменится вновь периодом детства, последний — периодом юности и далее опять периодом зрелости.

Марксизм исходит из того, что развитие — процесс необратимый, что поступательное движение в разных условиях проявляется в конкретно ином качественном выражении. В вечном потоке превращений материи имеют место цикличность и повторяемость, но все это совершается не как простое повторение одного и того же.

Следует иметь в виду, что теория круговорота широко распространена в буржуазной философии в настоящее время и используется как одно из средств идеологической борьбы против коммунизма. Идеологи буржуазии много говорят о движении общества вспять, о гибели цивилизации. Одни прямо утверждают, что современное общество катится назад, идет к гибели, другие заявляют, что в повторяющихся циклах общественной истории наступил этап движения вспять, что современная цивилизация должна уступить место смутному времени и последующему затем новому периоду восстановления.

Подобные «теории» являются признаком глубокого загнивания капитализма и его идеологии. Неизбежная гибель отжившего свой век капиталистического строя трактуется идеологами буржуазии как гибель цивилизации вообще.

Особенности проявления закона отрицания отрицания в социалистическом обществе. Закон отрицания отрицания действует при социализме с такой же объективной необходимостью, как и во всех других общественных формациях. Однако характер социалистического общества, его коренные особенности накладывают на действие и проявление этого закона определенный отпечаток.

Развитие социалистического общества имеет качественно новые черты по сравнению с классово антагонистическими формациями, так как только с социализма, говоря словами классиков марксизма, начинается подлинная история человеческого общества. Из природы социалистического строя вытекает, что такие стороны его развития, как отрицание старого новым, преемственность, повторяемость, неодолимость нового, поступательность, приобретают новое социальное содержание.

Отрицание старого и утверждение нового при социализме происходит не в форме столкновений одной части общества с другой, а при участии и сотрудничестве всех

членов общества, совершается не стихийно, а сознательно, организованно.

Одним из средств борьбы за победу нового в условиях социализма служит критика и самокритика. Она представляет собой метод отрицания старого, отжившего и в то же время сохранения положительного, имеющегося в старом, утверждения нового в развитии.

Отрицание при социализме предполагает своевременность замены старого новым. В соответствии с этим наше общество выдвигает и решает задачи коммунистического строительства по мере подготовки соответствующих предпосылок. При этом партия исходит в своей деятельности из того, что нельзя перепрыгивать через необходимые ступени развития, равно как и задерживаться на достигнутом, сдерживать движение вперед.

Важнейшая особенность проявления закона отрицания отрицания при социализме состоит в том, что замена старого новым в социалистическом обществе не означает отрицания основ общественного строя. Наоборот, замена старого новым ведет к дальнейшему развитию и усовершенствованию социализма как нового типа общества. При социализме отрицание выступает как разрешение неантагонистических противоречий, возникающих в ходе развития, причем отрицанию подвергается лишь то, что полностью использовано, и только тогда, когда накопились предпосылки для перехода к новым, более высоким формам. Колхозно-кооперативная форма собственности, например, в свое время подвергнется отрицанию, но это произойдет тогда, когда полностью используются все ее возможности и когда она по уровню обобществления достигнет общенародной собственности.

В социалистическом обществе имеет свои особенности и такая сторона закона отрицания отрицания, как прогрессивность, поступательность развития. Восходящий характер развития в досоциалистических обществах был ограниченным и совершался неравномерно. Периоды подъема сменялись периодами спада и застоя. Непрерывные войны, паразитическое использование накопленных богатств эксплуататорами, нищета широких масс трудящихся, преднамеренное торможение роста производства и техники со стороны господствующих классов — все это, как и многое другое, ограничивало общественный прогресс. Другими словами, движение вперед было связано с большими общественными издержками.

Социализм навсегда снял преграды на пути общественного развития и создал все условия для непрерывного и неисчерпаемого в своих возможностях поступательного, прогрессивного развития общества.

Непрерывность и безграничность прогресса при социализме неотделимы от быстроты темпов развития, от все нарастающего движения вперед. В. И. Ленин, говоря о развитии общества после установления диктатуры пролетариата, подчеркивал, что это развитие будет идти быстрее, чем в любой другой период истории. Дело в том, что победа социалистической революции означает появление новых благоприятных факторов общественного развития. Практика социалистического и особенно коммунистического строительства в СССР, а также практика строительства социализма в других странах являются наглядным тому подтверждением.

Таким образом, закон отрицания отрицания вскрывает диалектику связи нового со старым, преемственность, повторяемость (цикличность), необратимость, поступательность, неодолимость нового в развитии. Вместе с другими законами и категориями диалектики он вскрывает богатство и многогранность происходящих в природе и обществе процессов движения и развития.

ГЛАВА VIII

КАТЕГОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Каждая наука в процессе исследования определенной сферы действительности вырабатывает свой круг понятий. Материалистическая диалектика оперирует понятиями, которые принято называть категориями. Категории материалистической диалектики имеют наиболее общий характер. Они отражают наиболее общие и существенные связи, свойства, признаки, отношения развивающегося материального мира.

В категориях материалистической диалектики классики марксизма-ленинизма раскрыли диалектику объективного мира, доказав неразрывное единство объективной и субъективной диалектики. Поэтому категории марксистской диалектики служат основными и наиболее общими методологическими принципами, применение которых в любой области исследования помогает более успешно и глубоко раскрывать внутренние связи и закономерности развития предметов и явлений.

В предыдущих главах мы уже познакомились с такими важнейшими категориями диалектики, как противоречие, скачок, количество, качество и др. Некоторые из этих категорий, например количество и качество, выражают собой диалектическое единство неразрывно связанных друг с другом противоположностей. Подобные пары категорий называются соотносительными.

В данной главе анализируются такие соотносительные категории диалектики, которые не были рассмотрены ранее: единичное, особенное и общее, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, содержание и форма, сущность и явление. Эти категории выступают прежде всего как конкретизация закона единства и борьбы противоположностей — ядра (сути)

диалектики — и раскрывают определенные стороны действия этого закона. Вместе с тем они неразрывно, органически связаны и с другими основными законами — законом перехода количественных изменений в качественные и законом отрицания отрицания.

Глубокое понимание законов диалектики невозможно без знания и использования категорий диалектики. Вместе с тем эти категории, их взаимосвязи и взаимопереходы могут быть наиболее полно раскрыты только на основе знания основных законов диалектики. Парные соотносительные категории сами выступают в качестве неосновных законов диалектики, а потому имеют важнейшее значение для раскрытия диалектики объективного мира и использования научных знаний в преобразовании действительности.

1. ЕДИНИЧНОЕ, ОСОБЕННОЕ, ОБЩЕЕ

Содержание категорий единичного, особенного и общего. Марксистское учение о материальном единстве мира не исключает, а напротив, предполагает многообразие его конкретных проявлений. Материальный мир существует в виде различных предметов, явлений, процессов, наделенных своими индивидуальными, единичными признаками и свойствами. Существование отдельных предметов и явлений, относительно отграниченных друг от друга в пространстве и во времени и обладающих определенной самостоятельностью, целостностью, индивидуальностью, выражается в такой категории материалистической диалектики, как единичное, или отдельное.

Каждый предмет, событие всегда единичны. Однако понятие единичного не обязательно содержит в себе знание только об одном предмете, оно может отражать материальное образование, состоящее из многих или нескольких предметов, образующих неразрывное целое по своей структуре, функциям, происхождению. В этом смысле под понятие единичного подпадают, например, Солнечная система, а также Галактика, отграниченные в первом случае от других входящих в нашу Галактику систем, во втором — от других галактик. Однако отделенность предметов и явлений друг от друга всегда носит лишь относительный характер, так как предметы и явления действительности связаны между собой общими

сторонами, свойствами и признаками. Эти общие свойства, признаки, черты являются объективными и могут объясняться единым, общим источником их происхождения, общими функциями, способностью удовлетворять какую-либо человеческую потребность, одинаковой ролью в процессе исторического развития.

Эти общие стороны, свойства и отношения определенной группы, класса предметов имеют объективный характер и являются содержанием категории «общее». Но поскольку признаки и свойства не существуют отдельно от предметов и явлений, то категория общего отражает также группу или класс предметов с одинаковыми, повторяющимися существенными признаками и свойствами. Общие свойства и признаки могут принадлежать разным по объему классам предметов или, иначе говоря, общности бывают разного порядка и часто могут быть сопоставимыми. Сопоставимость различных по объему понятий можно проследить на примере связи таких понятий, как «Великая Октябрьская социалистическая революция», «социалистическая революция», «революция», «общественное явление». И если первое понятие является единичным, то каждое последующее из этих понятий является более широким по объему и, следовательно, более общим по отношению к предыдущему, так как охватывает собой больший круг явлений. Следовательно, общее, отражающее существенные, повторяющиеся признаки отдельных однородных явлений, может быть более или менее обширным. При этом в каждой области общее имеет свои границы. Предельно широкое общее, которое уже не может быть включено в другое более широкое общее, называется всеобщим. Примерами всеобщего могут служить такие категории, как материя, сознание, пространство, время. Всеобщими являются и рассматриваемые в данной главе категории материалистической диалектики.

Категории общего и единичного неразрывно связаны между собой. Общего без единичного быть не может, как не может быть и единичного без общего. В любой вещи содержится и общее и единичное. Вместе с тем каждая вещь выступает как нечто особенное. Категория особенного выражает диалектическую взаимосвязь общего и единичного и является своеобразным промежуточным звеном между ними. А это значит, что особенное само относительно, выступая как общее по отношению к единичному и как менее общее по отношению к более общему.

Категория особенного отражает различные стороны и формы проявления общих закономерностей в отдельных явлениях. Эти различные стороны и формы проявления определяются специфичностью свойств данного явления. Познание общих закономерностей, которыми определяются особенности проявления общего в отдельном, имеет громадное значение для практической деятельности, что неоднократно подчеркивалось В. И. Лениным в ряде работ, посвященных раскрытию творческого и действенного характера марксистской теории.

Ленинская теория империализма дает ключ к пониманию тех конкретных особенностей, которые присущи империализму на современном этапе. На международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. отмечалось, что империализм вынужден теперь приспосабливаться к новым условиям борьбы двух систем, идти на известные уступки трудящимся в социальной сфере и т. д., но это не изменяет природы капитализма, не смягчает его противоречий, не превращает его в другой общественный строй.

Важнейшим положением марксистско-ленинской теории является вывод, сделанный марксистскими партиями в современных условиях, об общих закономерностях перехода от капитализма к социализму и строительства социализма. Это означает, что социалистические преобразования в целом в каждой отдельной стране определяются и решаются не национальными и другими особенностями данной страны, а общими для всех таких стран закономерностями. Учет исторических условий данной страны определяет форму проявления общих закономерностей, специфику, темпы и сроки конкретных социалистических преобразований.

Особенности отдельных социалистических стран не отдаляют эти страны друг от друга. Правильный учет этих особенностей ведет ко все большему сближению и единству стран социалистической системы. Чем больше и лучше учитываются особенности страны на пути социалистического строительства, тем больше развиваются ее производительные силы, тем больший вклад делает эта страна в развитие социалистической системы в целом.

В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду партии говорится: «Теперь мы знаем не только теоретически, но убедились и практически, что путь к социализму, его главные черты определяются

общими закономерностями, которые присущи развитию всех социалистических стран. Знаем мы также и то, что действие общих закономерностей проявляется в различных формах, отвечающих конкретным историческим условиям, национальным особенностям. Не базируясь на общих закономерностях, не учитывая конкретно-исторической специфики каждой страны, невозможно строить социализм. Без учета обоих этих факторов невозможно и правильно развивать отношения между социалистическими государствами» [1].

Важной теоретической проблемой, имеющей большое значение для практики, является проблема соотношения общего в действительности, т. е. объективно-общего и общего в мышлении, т. е. логической категории. Общее в действительности — это реально существующие признаки, свойства, отношения, связывающие предметы объективного мира и обусловливающие подчинение их одним и тем же законам развития. Общее в действительности существует независимо от познающего субъекта, от степени развития его абстрактного мышления. Для возникновения общего в мышлении требуется уже определенная степень развития абстрактного мышления, умение выделять в предметах существенно-общее. Например, понятие стоимости абстрагировано от конкретных видов труда и фиксирует то общее, существенное, что содержится в любом отдельном товаре, а именно определенное количество общественно необходимого труда. Общее в логическом мышлении выражается в научных понятиях, категориях, законах.

В научное понятие невозможно включить все признаки, свойства индивидуальных предметов или явлений, но, давая определение того или иного понятия, нужно уметь выделить среди множества индивидуальных признаков главные и определяющие сущность предмета. В своей работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» В. И. Ленин говорил о негодной попытке критиков Маркса создать, как они говорили, «реальное определение капитализма» путем включения в это определение всех частных, несущественных признаков капитализма. В. И. Ленин писал: «В результате, конечно, эта бессмысленная попытка внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений, или, наоборот, «избегнуть столкновения с крайним разно-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 6.

образием явлений», — попытка, свидетельствующая просто об элементарном непонимании того, что такое наука, — приводит «теоретика» к тому, что за деревьями он не видит леса» [1]. В этой же работе В. И. Ленин резко выступил против отрыва общих понятий от реальных явлений, указывая, что такой отрыв есть проявление идеализма и схоластики.

Диалектика единичного (отдельного) и общего. Самостоятельность бытия отдельного предполагает вместе с тем его неразрывную связь с общим, так как отдельное не абсолютно, а лишь относительно отграничено от других отдельных вещей и явлений и не может существовать без общих черт, признаков, свойств, присущих этим многим отдельным предметам и явлениям. Отдельное богаче общего, ибо каждый отдельный, единичный предмет имеет помимо общих признаков и свойств свои индивидуальные (особые) признаки. Зато общее глубже отдельного, так как является его главной стороной, сущностью. Общее раскрывает в каждом отдельном внутренние, устойчивые, существенные связи.

Наличие в отдельном общего в качестве одной из его главных сторон показывает, что отдельное в известном смысле и отношении есть общее. Раскрывая сущность диалектики на самых простых примерах — «Иван есть человек»; «Жучка есть собака» и т. п., — В. И. Ленин подчеркивал, что «уже здесь... есть *диалектика*: отдельное **есть** *общее*...» [2]. В этой же связи он писал: «Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы» [3]. Действительно, например, такое общее, как человек, существует лишь в отдельных людях, эта человеческая сущность характерна для любого человека, хотя и не исчерпывает собой всех признаков конкретного реального человека. Таким образом, каждый отдельный человек содержит в себе общечеловеческое как свою основную сущность, но имеет в каждом конкретном случае еще свои индивидуальные признаки.

Общее и отдельное являются ступенями объективного процесса развития. Новое обычно возникает не сразу, а в форме единичных явлений. Но оно неодолимо умножается,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 142.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.
[3] Там же.

расширяется, усиливается, совершенствуется, превращаясь тем самым из единичного в общее и всеобщее. Известно, например, что ростки нового отношения к труду проявились в первом коммунистическом субботнике. На всю важность этого явления для победы коммунизма, на необходимость поддержки этого нового в борьбе со старым указывал В. И. Ленин в своей статье «Великий почин»: «Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни... Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные» [1].

С построением коммунизма новое, коммунистическое отношение к труду станет принципом, нормой поведения людей.

В противоположном направлении изменяется старое. В процессе развития значение старого уменьшается, оно проявляется во все меньшем круге явлений и становится в конце концов единичным, а затем и вовсе гибнет.

Идеологи империализма и их пособники в своей борьбе против коммунизма часто прибегают к извращению категорий общего и отдельного. Это извращение сводится главным образом к отрыву общего от отдельного и к абсолютизации, одностороннему преувеличению одной из этих категорий. Метафизический подход к категориям общего, особенного и отдельного допускают правые и «левые» ревизионисты, что приводит их к серьезным ошибкам в теоретической, практической и политической деятельности.

И если правые на первый план выпячивают национальные особенности, отрицают определяющую роль общих закономерностей строительства социализма, а «левые» догматически толкуют общие принципы марксизма без учета конкретных особенностей современной эпохи, прикрываются ультрареволюционной фразой, толкают массу на авантюристические действия, а партию на сектантский путь, то, как указывал в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. Л. И. Брежнев, общим для всех ревизионистов становятся уступки национализму, а иногда и прямой переход на националистические позиции.

Марксистско-ленинское понимание диалектики общего и отдельного является одним из принципов диалектико-

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 20.

материалистической теории познания. Марксистская философия раскрыла диалектику процесса познания как отражение в человеческой голове диалектики объективного мира. Вопрос о диалектике отдельного (единичного) и общего в познании есть вопрос о соотношении конкретно-чувственной и абстрактно-логической форм познания.

Познание мира идет от единичного, отдельного ко всеобщему. Ф. Энгельс проследил этот процесс на истории открытия закона сохранения и превращения энергии. На первых ступенях общественного производства люди получали огонь посредством трения. Эти единичные действия отразились и в соответствующем суждении — суждении единичности «трение есть источник тепла». В результате длительного развития науки и практики люди пришли к выводу, что «всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту» (суждение особенности). В этом суждении устанавливаются связь и отличие одной отдельной формы движения (механической) от другой отдельной формы движения (теплоты). В дальнейшем обобщение открытых наукой и практикой фактов превращения различных форм движения в другие привело к выводу, что «*любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превращаться, прямо или косвенно, в любую другую форму движения*»[1] (суждение всеобщности).

Таким образом, Ф. Энгельс подчеркивал большое значение диалектики общего и отдельного в познании. Он отмечал, что «всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем»[2].

Но вместе с тем, раскрывая диалектику процесса познания, классики марксизма-ленинизма прослеживали и движение мысли от общего к единичному. Они показывали, что знание общего позволяет глубже понять отдельное. В этой связи В. И. Ленин писал: «Значение *общего* противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно... но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 539.
[2] Там же, стр. 548.

ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте» [1].

2. ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

Понятия причины и следствия. Причинно-следственная связь является одной из форм проявления всеобщей, универсальной связи. Причиной диалектический материализм называет явление, которое при определенных условиях с необходимостью вызывает, обусловливает другое явление или предопределяет в нем изменения. Следствием называется явление, которое вызывается (порождается) или изменяется под действием соответствующей причины.

Связь между причиной и следствием носит закономерный характер. Это значит, что данная причина в соответствующих условиях всякий раз вызывает определенное следствие. Знание закономерностей причинно-следственной связи составляет основу научного предвидения.

Диалектический материализм учит, что в мире нет беспричинных явлений, что все в природе и в обществе обусловлено определенными причинами. Так, вращение Земли вокруг своей оси является причиной смены дня и ночи, трение есть причина теплоты, наличие частной собственности на средства производства является причиной существования антагонистических классов и классовой борьбы, существование двух форм социалистической собственности — общенародной и кооперативно-колхозной — обусловливает существование в СССР двух дружественных классов: рабочих и колхозного крестьянства.

Действие причины, характер вызванного ею следствия зависят от определенных условий. Например, причиной появления ростка является имеющийся в зерне полноценный зародыш. Но для того чтобы эта причина действовала, т. е. зерно проросло, необходимы соответствующие условия: наличие почвы, определенной температуры, влажности и т. п. Следовательно, причины и условия взаимосвязаны, но причины нельзя отождествлять с совокупностью условий и обстоятельств, в которых появляется следствие.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 252.

Диалектический материализм не отождествляет причину и условие и в то же время не преуменьшает значения условий в действии причины. Диалектическое требование конкретно-исторического подхода к каждому явлению означает учет условий при выявлении породившей его причины.

Следует иметь в виду, что связь причины и следствия, как правило, не однозначна. Она сложна и многогранна, так как следствие может быть вызвано как одной, так и несколькими причинами, причина может вызывать сразу несколько следствий. На международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. Л. И. Брежнев дал подробный анализ основных причин, вызвавших трудности в международном коммунистическом движении. Эти причины следующие:

во-первых, усиление сопротивления буржуазии под натиском социализма и других антиимпериалистических сил, использование ею всех экономических и политических возможностей государственно-монополистического капитализма;

во-вторых, втягивание в активную политическую деятельность миллионов людей из различных социальных слоев, многие из которых не имеют определенных представлений о путях и средствах решения волнующих их проблем;

в-третьих, влияние правого и «левого» ревизионизма.

Только анализ всех этих причин и конкретные действия коммунистических и рабочих партий по их устранению помогут преодолеть трудности в коммунистическом движении и еще сильнее сплотить его на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

По своему характеру причинные связи могут быть весьма разнообразными. Следует различать, например, внутренние и внешние причинные связи. Внутренняя причина — это взаимодействие внутренних сторон, частей, тенденций данного целого материального образования, внешняя причина — это воздействие одного материального образования на другое.

Для того чтобы понять то или иное явление, необходимо прежде всего вскрыть его внутренние причины, так как они, как правило, имеют решающее значение для появления следствия. В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» приводит как правильное положение И. Дицгена о том, что «естествознание ищет причин не

вне явлений, не позади них, а в них или посредством их» [1]. Это относится и к анализу явлений общественной жизни, важнейших закономерностей развития общества. Известно, например, что классовая борьба в развитых капиталистических странах вызывается внутренними причинами. Поэтому Программа КПСС, документы международного коммунистического движения, материалы XXIV съезда КПСС, показывая несостоятельность тезиса о возможности экспорта социалистической революции, подчеркивают определяющую роль внутренних причин в развитии классовой борьбы. В современных условиях все острее выступает внутреннее противоречие, подтачивающее капитализм: противоречие между трудом и капиталом. Выражением этого противоречия является обострение и активизация классовых боев пролетариата, которые, как указывалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, могут привести к фундаментальным общественным преобразованиям, к установлению власти рабочего класса в союзе с другими слоями трудящихся.

Однако и внешние причины тоже оказывают на процессы, протекающие в данном обществе, определенное и часто очень сильное воздействие. Такой, например, фактор, как существование мировой социалистической системы, развитие национально-освободительного движения, оказывает огромное влияние на характер классовой борьбы в капиталистических странах.

Причины делятся также на главные и неглавные. Главная причина определяет весь процесс в целом, она лежит в самой сущности явлений, а неглавная имеет лишь вспомогательное значение, ускоряя или замедляя течение процесса. Диалектический материализм вскрыл главную причину развития всего материального мира — внутренние противоречия как источник его самодвижения. Главная причина общественного развития заключается, как известно, в способе производства материальных благ. Но на развитие общества влияют и другие как объективные, так и субъективные причины: географическая среда, рост народонаселения, наличие передовой партии, вооруженной научной теорией, осознание трудящимися своих классовых интересов и т. д.

Среди неглавных причин, непосредственно предшествующих следствию, нужно различать повод. Под поводом

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 162.

марксистская диалектика понимает неглавную причину, которая непосредственно предшествует следствию и форсирует или замедляет действие главной причины. Повод сам не порождает следствия, а лишь «развязывает» уже подготовленный процесс появления следствия. Повод не определяет собой существенных свойств следствия, в лучшем случае им могут определяться какие-либо несущественные его свойства или признаки. Так, поводом для начала первой мировой войны явилось убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола; причины же войны были более глубокими и скрывались в самой сущности империализма. Империалистическим державам нужен был предлог (повод) для развязывания войны, и если бы не было данного повода, то был бы найден какой-либо другой.

Буржуазные политики всегда стараются скрыть от народа действительные причины своей реакционной деятельности. Для наступления на рабочий класс и коммунистические партии они используют различные поводы. Известно, что это не новая тактика, в свое время Гитлер в качестве повода для наступления на Коммунистическую партию Германии использовал спровоцированный фашистами поджог рейхстага. Точно так же и в некоторых современных буржуазных странах для запрета деятельности коммунистических партий используются различные поводы.

Диалектический материализм требует за поводом находить действительную причину, тогда как идеализм и метафизика как философские основы буржуазной идеологии и политики реакционных классов направлены на затушевывание сущности общественных процессов. При анализе их буржуазные идеологи всегда стараются действительные причины прикрыть различными поводами.

Материалистическое и идеалистическое решение вопроса о причинности. Материалистическое решение вопроса о причинности означает признание объективного характера причинных связей, вытекающее из признания объективного существования внешнего мира, вне и независимо от нашего сознания и отражаемого нашим сознанием. Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления на материалистическое и идеалистическое, говорил В. И. Ленин, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания

причинных связей, а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы или свойства нашего ума [1].

В противоположность материализму идеализм выводит причинность из сознания. Объективные идеалисты видят причины всех явлений в развитии «мировой идеи» и в конечном итоге в боге. Наиболее полно вопрос о причинности с позиций объективного идеализма разработал Гегель. Ему принадлежит много глубоких высказываний о взаимодействии причины и следствия. Но причина и следствие у Гегеля — это лишь понятия, выражающие определенные стадии в развитии «абсолютной идеи».

Субъективные идеалисты сводят понятие причины к понятию метки или знака, которыми человек по своему произволу обозначает свои ощущения, называя одни причиной, другие — следствием. Так, например, субъективный идеалист Д. Юм утверждал, что, кроме логической причинности, т. е. такой, которая выводится нашим сознанием из наших же ощущений, никакой другой причинности не существует. Под причинностью Юм понимал определенную последовательную связь наших ощущений. Ощущения же он выводил из идеалистически истолкованного опыта. Юм заявлял, что люди пришли к выводу о существовании причинности из привычки воспринимать в прошлом опыте одно ощущение за другим. Но прошлый опыт, говорил он, может не распространиться на будущее. Отсюда Юм делал заключение о субъективном характере причинности.

Отрицание объективного характера причинности присуще и позитивизму. Основатель позитивизма О. Конт утверждал, что наука может лишь описывать факты, но никогда не сможет ответить на вопрос: почему? Махизм как разновидность позитивизма продолжает линию отрицания объективного характера причинности. Эрнст Мах утверждал, что в природе нет причины и следствия, что они лишь продукт нашего сознания. Современный позитивизм тоже, как правило, отвергает наличие какой-либо объективной причинной связи в мире, считая, что причинность не свойственна самим вещам, а является лишь способом описания мира. Так, неопозитивист Л. Витгенштейн писал: «События будущего *не могут* выводиться из событий настоящего.

---

[1] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 164.

Вера в причинную связь есть *предрассудок»* [1].

В современных условиях, в период научно-технической революции, буржуазные ученые, спекулируя на трудностях развития познания, вновь пытаются поставить под сомнение всеобщий характер причинности. Многие из них ограничивают причинность механическим детерминизмом и говорят о явлениях, необъяснимых с этих позиций, как доказательстве несостоятельности диалектико-материалистического понимания детерминизма. Как известно, механический детерминизм, разработанный учеными прошлого на основе соответствующего уровня развития науки, ограничивался лишь признанием механических причинных связей. Свое завершение он нашел в сочинении французского ученого Пьера Симона Лапласа «Аналитическая теория вероятностей» (1812 г.) и в предпосланном ему затем введении «Опыт философии теории вероятностей» (1814 г.). Согласно разработанному им принципу механического детерминизма, имеется возможность однозначного предсказания всех последующих состояний материальной системы на основе знаний ее исходных условий. Эта точка зрения жесткого детерминизма хотя и играла положительную роль в борьбе с индетерминизмом и религией, но сама в конечном итоге вела к признанию предопределенности в природе, так как исключала случайность и предполагала, что настоящее содержалось уже в прошлом как бы в готовом виде. Причем этот принцип считался годным для объяснения всех явлений, и в том числе физиологических, психологических и социальных.

Диалектический материализм не игнорирует принципа механического детерминизма, но указывает на ограниченность его применения, на бесконечное богатство и многообразие форм причинных связей. Причинные связи в микромире, например, иные, чем в макромире, что объясняется, в частности, противоречивой, двойственной корпускулярно-волновой природой микрочастиц. Из факта невозможности одновременного однозначного определения координат и скорости микрочастицы некоторые современные ученые, стоящие на метафизических позициях, делают идеалистические и агностические выводы о «свободе воли» электрона, «неконтролируемом взаимодействии» элементарных частиц и измерительного прибора.

---

[1] *Людвиг Витгенштейн*. Логико-философский трактат. М., 1958, стр. 64.

В действительности же поведение микрочастиц строго детерминировано их внутренними свойствами и внешними воздействиями, но определяется оно статистическими закономерностями. Эти закономерности вскрываются статистическими методами, которые определяют вероятность появления следствия, ибо раскрывают закономерности внутри большого числа явлений, подверженных многим случайностям. Вероятностный характер выводов из статистических закономерностей не исключает, а предполагает причинную зависимость, только эта зависимость иного характера.

Одним из видов идеалистического понимания принципа причинности является подмена его принципом целесообразности. Закономерное причинно-следственное развитие объективного мира привело к определенной гармонии, видимой целесообразности его строения, обеспечивающей удовлетворение различных потребностей животных и человека. Эта видимая целесообразность проявляется в приспособленности животных к окружающей среде. На этом основании многие идеалисты утверждают, что в природе все совершается сообразно заранее поставленной цели. Такой взгляд получил название телеологии. Это учение в конечном счете ведет к признанию божественного творца, устанавливающего цели в природе. Характеризуя плоскую телеологию, Энгельс говорил, что с этой точки зрения «кошки были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа, чтобы доказывать мудрость творца» [1].

Диалектический материализм доказал всеобщий характер причинности и нетождественность ее с целесообразностью. Целесообразность имеет относительный характер, определенные границы. В природе в результате действия объективных законов естественного отбора и приспособления животных к условиям жизни наблюдается определенный порядок, видимая целесообразность. Но эта целесообразность не является результатом сознательной постановки цели — целеполагания в природе. Целеполагание есть идеальный процесс, свойственный лишь человеку как разумному общественному существу, который в начале, в идеальной форме предвидит конечный результат деятельности. Постановка цели всегда детерминирована, и, как указывал В. И. Ленин, «цели человека порождены

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 350.

объективным миром и предполагают его,— находят его как данное, наличное» [1].

Активную борьбу против идеализма, и в частности против индетерминизма, т. е. учения, отрицающего необходимую закономерную — причинную связь явлений, абсолютизирующего случайность и беспричинность, вели и ведут многие передовые ученые. Они раскрывают реакционный, антинаучный характер таких воззрений. Например, видный французский физик П. Ланжевен в одной из своих работ писал: «Те, кто старается изобразить эволюцию нашего познания детерминизма как банкротство причинности, напрасно ссылаются на новейшие достижения современной науки. Их идеи взяты совсем не оттуда; они извлечены из старой философии, враждебной научному познанию; ее-то они и хотят снова протащить в науку» [2].

Буржуазные философы и социологи говорят об индетерминизме и в общественных явлениях, т. е. отрицают объективный характер причинности в обществе или возрождают теории, отождествляющие причинность в обществе с причинностью в природе. Последнее характерно для так называемого социального дарвинизма, представители которого стирают качественное различие между закономерностями животного мира и человеческого общества. Причины социальных явлений они ищут в биологических особенностях человека, а причины классового деления общества видят в естественном отборе, в результате которого наиболее приспособленные и одаренные особи образуют господствующий класс. Данная концепция лежит в основе широко распространенной буржуазной теории элиты как якобы носителе общественного прогресса. Культуру общества они тоже выводят из «биологической основы». Бедность и невежество, например, объявляются ими результатом дурной наследственности. В этом вопросе они прямо смыкаются с расистами, проповедующими расовую неполноценность отдельных народов.

Критикуя извращенное понимание буржуазными социологами проблемы причинности, марксизм-ленинизм учит, что общественная жизнь развивается по объективным законам и что причины развития общества лежат в конечном счете в нем самом, в способе производства материальных благ и не могут быть сведены ни к биологическим, ни к

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 171.
[2] *П. Ланжевен.* Избр. произв. М., 1949, стр. 398.

физическим, ни к химическим причинам, так как общество представляет собой качественно особую высшую ступень развития материального мира.

Диалектика причины и следствия. Как уже было сказано, причинно-следственная связь составляет одну из форм универсальной всеобщей связи предметов и явлений объективного мира. Поэтому, чтобы установить причинную связь изучаемых явлений, необходимо выделить ее из многообразных связей, существующих в действительности. Такое выделение, естественно, «всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса» [1]. Но без такого искусственного выделения изучаемых явлений из всеобщей связи нельзя найти причину данного следствия. Выделив же два явления и установив между ними отношение причины и следствия, можно учесть и взаимодействие этих явлений с другими явлениями. Это позволяет понять диалектику причины и следствия.

Диалектическое взаимодействие между причиной и следствием состоит прежде всего в том, что следствие не пассивно по отношению к своей причине. Причина порождает следствие, но в свою очередь испытывает обратное воздействие со стороны своего следствия. Влияние следствия на причину имеет место и в природе, и в общественной жизни. Известно, например, что причиной существующих в обществе в данное время определенных производственных отношений является соответствующий уровень развития производительных сил. Однако производственные отношения, будучи следствием развития производительных сил, оказывают влияние на породившую их причину, т. е. на развитие производительных сил. Диалектико-материалистический подход к познанию причинно-следственных связей требует вскрывать как зависимость следствия от причины, так и обратное его влияние на причину.

Причина выступает иногда в форме взаимного воздействия предметов и явлений друг на друга, в результате которого происходит изменение их свойств. Например, в химии часто неприменимо представление о причине как одностороннем воздействии одного тела на другое, так как здесь взаимодействующие химические вещества теряют свои свойства и превращаются в вещества с новыми

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 160.

свойствами. Понимание причины как определенного взаимного воздействия предметов или явлений особенно необходимо при анализе взаимопревращений элементарных частиц в микромире.

Однако понятие причинности нельзя отождествлять с понятием взаимодействия, так как последнее шире по объему. Так, между планетами Солнечной системы существуют самые различные взаимодействия, но они не могут быть сведены только к причинно-следственным связям. В обществе тоже существуют самые разнообразные взаимодействия, выходящие за рамки причинно-следственных. Таковы, например, многие взаимодействия между двумя общественно-политическими системами — социалистической и капиталистической.

Марксизм-ленинизм учит во всяком взаимодействии находить главное, определяющее, выделять причинную связь как важнейшую форму взаимодействия. «Только исходя из этого универсального взаимодействия, — писал Ф. Энгельс, — мы приходим к действительному каузальному отношению» [1].

Диалектическое взаимодействие причины и следствия состоит также и в том, что они могут меняться местами, образуя причинно-следственную цепь. То, что в одной связи является причиной, в другой может быть следствием, и наоборот. Так, механическое движение, выступая в одной связи как причина электрического движения, в другой может стать его следствием.

Причинно-следственная цепь существует и в общественной жизни. Например, производственные отношения, совокупность которых составляет базис данного общества, определяют собой надстройку этого общества, служат ее причиной. В то же время эти же производственные отношения являются следствием определенного развития производительных сил. Таким образом, производственные отношения, представляя собой в одной связи причину, в другой связи выступают как следствие.

Таким образом, причинно-следственная цепь — это последовательный ряд, в котором всякое явление по отношению к предыдущему является следствием, а по отношению к последующему причиной. Эта цепь практически бесконечна и ее бесконечность вытекает из бесконечности развития материального мира, в котором каждое явление

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 546.

причинно обусловлено и находится в связи с другими явлениями. Поэтому явления нельзя делить на причины и следствия. В общей цепи «причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот» [1],— указывал Энгельс.

Вместе с тем следует отметить, что если существуют два явления, одно из которых представляет собой причину, а другое — следствие, то они не могут поменяться местами по отношению друг к другу, т. е. в этом смысле причина и следствие необратимы. Так, если капитализм порождает экономические кризисы, является причиной кризисов, то кризисы не являются причиной капитализма, хотя в причинно-следственной цепи они становятся причиной других явлений, вызывают такие, например, следствия, как усиление безработицы и т. д.

При исследовании диалектики причинной связи необходимо учитывать, что причина всегда предшествует во времени своему следствию, а следствие следует за причиной. Причина, породив следствие, или прекращает свое существование, или сохраняется и продолжает оказывать дальнейшее воздействие на уже возникшее следствие, изменяя его дальше. Но и в последнем случае причина предшествует дальнейшему изменению следствия. Обычно между причиной и следствием существует четко выраженный временной интервал. Иногда же причина и следствие как бы совпадают по времени, что наблюдается, например, при взаимодействии элементарных частиц и их превращении в новые частицы. Но и здесь причина предшествует следствию, хотя во времени это измеряется ничтожными долями секунды. Отрицание временнóй зависимости между причиной и следствием может привести к мистическому выводу о возможности людей влиять на прошлое.

Хотя причина всегда предшествует во времени своему следствию, однако не всякое явление, предшествующее другому, обязательно является его причиной. Простого

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 22.

наблюдения последовательности явлений во времени недостаточно для установления причинно-следственной связи, так как в этом случае за причину может быть принято явление, которое просто предшествует другому, но не связано с ним причинной связью. Следование одного явления за другим есть лишь один, но не единственный признак причинной связи.

Абсолютизация временно́й последовательности и превращение ее в единственный и решающий признак причинной связи часто приводят к тому, что за причину принимается одно из случайно предшествующих данному следствию явлений. Такая логическая ошибка носит название post hoc, ergo propter hoc (после этого, следовательно, по причине этого). Рассматривая эту проблему, Ф. Энгельс подчеркивал, что не все, что «после этого», совершается «по причине этого». Критерием истинности познания причинности служит не простое наблюдение чередования явлений, а многогранная человеческая практическая деятельность. Энгельс писал: «...деятельность человека *производит проверку* насчет причинности» [1].

3. НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ

Понятие необходимости и случайности. Категории необходимости и случайности отражают качественно особые связи объективного мира, которые не охватываются другими категориями. Под необходимостью диалектический материализм понимает то, что закономерно вытекает из внутренних, существенных связей и отношений, что обусловлено всем предшествующим развитием и в силу этого обязательно наступает или должно наступить. Под случайностью диалектический материализм понимает явления, которые непосредственно вытекают не из сущности, не из внутреннего закономерного развития данного процесса, а из его внешних связей и отношений.

Необходимость определяется самой сущностью процесса, случайность же непосредственно не определяется сущностью процесса, а является для него чем-то побочным, нетипичным, следовательно, необязательным. Так, например, экономические кризисы заложены в самой природе капитализма, в его сущности, которая исключает возможность эффективного планирования в масштабе всего

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 545.

общества. Поэтому в условиях капитализма необходимы, неизбежны кризисы. Для социализма характерно, типично, необходимо планомерное развитие народного хозяйства, вытекающее из сущности социалистических производственных отношений.

Важнейшей чертой необходимости является ее всеобщий характер. В. И. Ленин писал, что «необходимость *неотделима* от всеобщего» [1]. Это означает, что необходимость связана с действием основных законов диалектики, определяет порядок развития взаимно связанных между собой явлений и царит во всех областях природы и общественной жизни. В природе, например, необходимостью являются определенная смена времен года, смена дня и ночи, определенное протекание в соответствующих условиях химических реакций. Для живых организмов необходим обмен веществ. В общественной жизни необходимостью для антагонистических формаций является классовая борьба, ведущая к социальным революциям.

Необходимое явление как выражение всеобщего определяется существенными сторонами действительности. Необходимость раскрывается через внутренние закономерные связи явлений. Случайное как непосредственное выражение внешних, несущественных, необязательных связей между явлениями не носит всеобщего характера, и в этом смысле случайность противоположна необходимости. Однако следует учитывать, что внешнее и внутреннее находятся в диалектическом единстве, их нельзя разрывать, так как одно и то же явление в одной связи может выступать как внешнее, в другой как внутреннее. Поэтому в *конечном счете* случайность опосредованно связана также и с внутренним, но, как указывал Ф. Энгельс, эта «внутренняя связь... настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует...» [2].

Случайные связи неустойчивы и характеризуют не процесс как таковой, а лишь его конкретное, единичное проявление. Случайность есть выражение единичного, несущественного для процесса как такового и поэтому не определяет тенденцию развития. Она возникает, как правило, в результате перекрещивания различных по своей

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 72.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 395.

природе процессов. В одних и тех же или в очень схожих условиях каждое случайное явление может проявиться так или иначе, а может и вовсе не наступить. Природу случайности и ее отличие от необходимости можно показать на примере прорастания зерен. Известно, что процесс прорастания в благоприятных для зерен условиях является необходимым, закономерным. Если же какое-то определенное полноценное зерно по тем или иным причинам, не имеющим отношения к природе самого зерна, не смогло прорасти, то этот факт по отношению к данной необходимости будет случайностью.

Рассматривая общественные явления, В. И. Ленин часто подчеркивал связь необходимости с общим, типичным, а случайности с исключительным, единичным. Так, в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», анализируя типичные для капитализма явления, Ленин писал: «Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организмах, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является *общей*, а не исключительной, не единичной, не случайной»[1]. Понимание необходимости как общего, а случайности как единичного ярко выступает и в ленинском анализе сущности империалистических войн. В. И. Ленин показал, что в эпоху империализма война «порождена всеми условиями империалистической эпохи, т. е. явилась не случайно, не исключением, не отступлением от общего и типичного...»[2].

Подобно тому как нельзя односторонне абсолютизировать связь необходимости только с внутренним, а случайности только с внешним, не следует этого делать и при рассмотрении взаимосвязей этих категорий с общим и единичным. Нужно иметь в виду, что случайное явление заключает в себе какие-то определенные черты общего, хотя типичным для него является то, что оно есть единичное, имеет, как говорил Г. В. Плеханов, «свою индивидуальную физиономию». Случайное в каких-то пределах может повторяться, но это повторение не носит, как у необходимого явления, регулярного характера.

Из сказанного видно, что случайности присущи всем сферам действительности, а не отдельным ограниченным

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 458 (разрядка наша.— *Авт.*).
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 80.

ее областям и являются выражением определенных связей и конкретной, единичной формой проявления общего. Поэтому категория «случайность» является такой же предельно общей, как и «необходимость».

Необходимость прямо связана с закономерностью. Поэтому понятия необходимости и закономерности являются однопорядковыми. Необходимость вытекает из закономерности, вследствие чего порядок развития необходимых процессов в данных условиях строго определен. Законы в свою очередь действуют с необходимостью, т. е. имеют обязательный характер во всех сферах объективной, реальности. Как уже говорилось, закон есть внутренняя и необходимая связь между явлениями. Необходимость, следовательно, выступает как один из важнейших признаков закона.

Необходимость, проявляясь в действии закона, обязательно пробивает себе дорогу и в конечном итоге осуществляется, несмотря ни на какие временные препятствия. Капитализм, например, в силу присущих ему внутренних закономерностей с необходимостью должен смениться социализмом. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что необходимость тесно связана с закономерностью. Так, анализируя неизбежность революционного подъема 1912 г., он писал: «Ход событий за последние полтора года показывает с очевидностью, что в этом подъеме нет ничего случайного, что наступление его совершенно закономерно и с неизбежностью обусловлено всем предыдущим развитием России» [1]. Из этого высказывания видно также, что В. И. Ленин противопоставлял закономерные явления случайным, ибо случайные явления не вытекают из определяющей тенденции данного процесса, а следовательно, не являются закономерными, обязательными.

Необходимость и случайность причинно обусловлены, но различным образом. Необходимость вызывается внутренними, основными и существенными причинами, которые всякий раз при соответствующих условиях порождают данное следствие, являющееся поэтому необходимым. Случайное же явление вызывается различными побочными причинами или есть результат перекрещивания нескольких внешних причин, причем характер и порядок этого перекрещивания не являются обязательными. Например, цена товара определяется его стоимостью. Причиной су-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 340.

ществования цены является стоимость товара Это типично и необходимо. Практически же цена никогда точно не совпадает со стоимостью. Иными словами, каждый раз отклонение цены от стоимости обусловлено внешними, побочными причинами. Цена товара в определенный день на капиталистическом рынке в зависимости от спроса и предложения может быть выше или ниже стоимости товара, что зависит от совпадения различных причин, которые могли бы быть и другими.

В целом можно сказать, что если необходимым является определенное следствие, вызванное действием определенной или определенных, обязательных для данных условий причин, то случайным оказывается следствие, вызванное причиной или рядом причин, которых могло в данном случае и не быть.

Чаще всего случайность возникает при одновременном действии многих причин, лежащих в различных плоскостях. Так, определенные удобрения, внесенные в почву, необходимо способствуют высокому урожаю посеянной культуры, но в данном конкретном случае могут иметь место еще какие-либо причины (заморозки, засуха и т. п.), которые помешают появлению необходимого следствия. Низкий урожай по отношению к данному процессу агротехники случаен, но не беспричинен. Он вызван различными факторами, которых в данных условиях могло бы и и не быть.

Критика метафизического и идеалистического понимания необходимости и случайности. Ф. Энгельс указывал, что противоположность случайности и необходимости является как раз той противоположностью, в которой запутались метафизики. Поскольку они мыслят по схеме «да — да», «нет — нет», то каждое явление считают либо необходимым, либо случайным. Многие из них признают объективный характер необходимости, но отрицают объективный характер случайности, связывая существование этой категории с ограниченностью нашего познания. В природе и обществе, говорят они, все совершается только по необходимости, а случайным мы называем явление лишь потому, что не знаем его причины. Так, французский материалист XVIII в. П. Гольбах писал, что «все наблюдаемое нами *необходимо*, т. е. не может быть иным, чем оно есть...» [1].

---

[1] *П. А. Гольбах*. Избр. произв., т. 1, стр. 99.

Такое понимание необходимости по существу ведет к фатализму. Это признавал и сам Гольбах: « ...необходимость, управляющая движениями физического мира, управляет также всеми движениями мира духовного, в котором, следовательно, все подчинено фатальности» [1].

Фатальное понимание необходимости приводит не только к отрицанию случайности, но и к тому, что сама необходимость низводится до степени случайности. Механический детерминизм, говорил Ф. Энгельс, отрицает случайность в общем, а на деле признает ее в каждом отдельном случае.

В конечном счете фатализм в объяснении природы ведет к телеологическому взгляду на мир, предполагающему сознательную цель в природе, целесообразность, зависящую ст силы, стоящей над природой и являющейся более могущественной, чем природа. Критика телеологии давалась уже в связи с анализом категорий причины и следствия, Попытка подменить причинность сознательно поставленной целью по существу есть признание того, что эти цели могут выдвигаться совершенно случайно в каждом отдельном случае, в целом же все предопределено высшим могущественным началом. Отстаивая диалектико-материалистический взгляд на соотношение необходимости и случайности, Энгельс подчеркивал, что в природе нигде нет сознательной, желаемой цели, что окончательные результаты развития подтверждают наличие закономерности внутри случайностей [2].

Понимание необходимости в смысле фатальной предопределенности в области истории общества приводит к реакционным и пессимистическим выводам о том, что люди не могут активно влиять на ход развития общественной жизни. В отличие от этого диалектический материализм учит, что историческая необходимость не исключает, а предполагает активную сознательную деятельность людей, так как сама эта необходимость выступает лишь в форме определенной человеческой деятельности.

Одностороннее понимание необходимости лежало и в основе ревизионистских взглядов К. Каутского, из высказываний которого вытекало, что социализм якобы наступит автоматически как следствие роста производительных сил, а не в результате классовой борьбы и пролетарской революции. Ненаучное понимание необходимости и све-

[1] *П. А. Гольбах.* Избр. произв., т. 1, стр. 237.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 305—306.

дение ее к фатализму присущи и сторонникам оппортунистических теорий «самотека» и мирного врастания капитализма в социализм. Современный правый ревизионизм также недооценивает роль субъективного фактора в истории, отрицает необходимость руководящей роли коммунистической партии в революционной борьбе и в строительстве социализма.

Марксизм-ленинизм и практика революционной борьбы пролетариата доказали вред этой теории для рабочего класса и его партии в борьбе за коммунизм.

Другой метафизической крайностью в понимании взаимоотношения случайности и необходимости является признание только случайности и полное отрицание необходимости, закономерности. Эта концепция лишь внешне противоположна вышеизложенной и присуща субъективному идеализму вообще и субъективно идеалистической социологии в особенности.

Для домарксовской социологии, которая была идеалистической, типичным был взгляд на историю общества как на хаос случайностей и результат произвола людей. Многие социологи-идеалисты эту произвольную деятельность называли свободой. Н. К. Михайловский и другие либеральные народники пытались найти в марксизме конфликт между идеей исторической необходимости и одновременным признанием роли личности в истории. Практика революционной борьбы пролетариата и роль ее идеологов в этой борьбе опровергли подобные измышления представителей субъективной социологии. Однако, несмотря на это, современные буржуазные социологи рассматривают общество так же идеалистически, как и социологи до Маркса. Они пытаются доказать, например, что социализм не является исторической необходимостью для всех стран и что он возник в некоторых странах в результате стечения случайных обстоятельств. Успехи социализма и превращение мировой социалистической системы в решающую силу современности опровергают домыслы буржуазных идеологов. XXIV съезд КПСС, проанализировав успехи системы социализма, развертывание мирового революционного процесса, пришел к выводу, что открылись новые перспективы для торжества социализма во всем мире и еще более очевидной становится историческая бесперспективность империализма.

Изгнав идеализм и метафизику из области объяснения общественных явлений, марксистская философия раскрыла

истинную роль необходимости и случайности в истории. Классики марксизма-ленинизма обосновали идею исторической необходимости и вместе с тем показали, что история имела бы мистический вид, если бы случайности не играли в ней никакой роли.

Диалектика необходимости и случайности. Как уже говорилось, противопоставление необходимости и случайности крайне относительно и условно. Случайность и необходимость находятся в диалектическом единстве и составляют два полюса в общей цепи связей, существующих в природе и в обществе. Ф. Энгельс писал, что «случайность — это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью» [1].

Диалектика необходимости и случайности проявляется прежде всего в том, что при определенных условиях случайность и необходимость могут меняться местами, так что случайность становится необходимостью, а необходимость — случайностью. В живой природе, например, имеют место такие факты, когда какое-либо изменение, случайно появившееся в организме, в связи с изменившимися условиями может закрепиться наследственностью и стать необходимым, закономерным. В обществе, как и в природе, случайное в одних условиях может стать необходимым в других условиях. Примером служит превращение случайного использования военнопленных в качестве рабов в условиях разложения первобытнообщинного строя в необходимость для развития рабовладельческого способа производства.

В мире имеют место не только превращение случайности в необходимость, но и обратные процессы — переход необходимости в случайность, совершающийся в силу изменяющихся условий. Известны, например, процессы, когда растительные и животные виды теряют свои прежде необходимые признаки, которые стали для них в новых условиях бесполезными и случайными.

Диалектика необходимости и случайности состоит также в том, что случайность выступает как дополнение и форма проявления необходимости, а необходимость прокладывает себе путь через массу случайностей. Это происходит как в природе, так и в общественной жизни. И хотя в обществе действуют люди, ставящие себе определенные сознательные цели, но и здесь необходимость как объективная

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 174.

тенденция развития пробивает себе путь через случайности. Развитие человеческого общества является убедительным тому доказательством. Так, переход от каменных орудий к железным, от ветряной и водяной мельницы к пару и электричеству, использование внутриатомной энергии и т. д. есть историческая необходимость развития производства. Однако эта необходимость всегда проявляется в связи со случайностями, обусловленными конкретным развитием того или иного общества, открытиями и усовершенствованиями в науке и технике. Часто крупные открытия делались тем или иным ученым как бы случайно, когда он работал над решением совсем другой проблемы.

Конечно, на пути многих открытий и усовершенствований всегда имеется много случайностей, но, как доказал марксизм, необходимость обязательно и неумолимо пробивает себе дорогу во всех сферах природы и человеческой жизни.

Случайность может иногда способствовать развитию объективной необходимости, но чаще приводит к замедлению поступательного общественного развития. Различные случайности могут иметь место и на пути завоевания социализма и строительства коммунистического общества, замедляя этот необходимый процесс. Такими случайностями могут быть неурожаи, стихийные бедствия, навязанные извне войны и т. п. Случайностью по отношению к исторической необходимости может стать неправильная, субъективистская деятельность руководителей, непонимание ими исторических задач, отход от основных принципов марксизма-ленинизма. Все это не может повернуть историю вспять, однако может создать определенные трудности в развитии общества, замедлить процесс его поступательного развития.

Отношение науки к случайности. Раскрытие необходимости того или иного процесса является сложным и трудным делом. Для этого нужно изучить массу отдельных случайных явлений, имеющих свои особые, индивидуальные черты, сравнить их и выделить общее, устойчивое, повторяющееся, определить тенденцию развития. К. Маркс писал, что «внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через... случайности и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах...» [1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 396.

Наука вскрывает необходимость, но она исследует и различные случайности. Если, например, селекционер выводит новый сорт, пригодный для определенных климатических условий, он должен учитывать возможные случайности: засуху, мороз и т. п. Когда инженер строит мост через реку, он должен учитывать и такие возможные случаи, как крупные наводнения, большие ледоходы, землетрясения и т. д.

Среди случайностей могут быть и такие, которые полезны человеку. Задача науки заключается тогда в том, чтобы использовать эти случайности, открыть причины их появления и создать условия для их закрепления, превращения в необходимость. Так, какой-либо полезный признак, случайно появившийся у того или иного вида растений или животных, изучается наукой и сознательно закрепляется, превращается в необходимость путем создания соответствующих условий.

Задача науки состоит в том, чтобы за случайностями вскрыть необходимость и ограничить сферу действия нежелательных случайностей. Познание законов природы и общества позволяет людям предотвратить действие нежелательных случайностей и использовать эти законы в интересах человека. Таким образом, диалектико-материалистическое понимание соотношения случайности и необходимости имеет не только теоретическое, но и практическое значение, является действенным средством познания и преобразования мира.

4. ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Понятие возможности и действительности. Развитие, как было выяснено раньше, есть постоянное обновление, отмирание старого, отжившего и возникновение качественно нового. Становление нового представляет собой сложный диалектический процесс: Вначале новое существует в недрах старого как нечто еще не сложившееся, как возможность возникновения и развития соответствующего предмета, процесса, явления. Только при определенных условиях новое побеждает и становится действительностью. Оно всегда возникает в борьбе со старым, а последнее до определенного времени может быть более сильным, чем новое, и потому оставаться действи-

тельностью даже вопреки развивающейся новой тенденции.

Из сказанного следует, что под возможностью в марксистской философии понимается определенная предпосылка нового, тенденция в развитии предметов, процессов, явлений — все то, что вызревает в самой объективной реальности и при соответствующих условиях становится действительностью. Под действительностью понимается уже реализованная, или осуществленная, возможность. Объективная реальность всегда многокачественна, и поэтому в ней содержится много различных возможностей. Каждая возможность — это потенциальный момент развивающейся действительности.

Процесс развития протекает таким образом, что возможность становится действительностью, а эта действительность в силу различных причин порождает новые возможности, которые при соответствующих условиях тоже осуществляются, становятся действительностью. Этот процесс превращения возможности в действительность и порождение действительностью новых возможностей бесконечен, как бесконечно развитие материального мира.

Возможность содержится в самой действительности, а не вносится в нее нашим сознанием. Она имеет объективный характер. В связи с этим диалектический материализм требует отличать реальную возможность от формальной. Реальная возможность — это такая возможность, которая подготовлена всем ходом развития вещей, которая сложилась, выросла в самой действительности и для которой в самой действительности есть условия для ее реализации. Формальная же возможность может быть абстракцией, созданной сознанием людей, часто без учета действия объективных законов, без глубокого их анализа, на основе искаженного отражения действительности.

Как правило, формальная (абстрактная) возможность — это пустая абстракция, фантазия, не опирающаяся на объективную реальность. Она равнозначна невозможности. Апелляция к таким беспочвенным, формальным возможностям всегда была характерна для идеологов реакционных, отживающих классов. В настоящее время буржуазные социологи говорят о таких возможностях, как бесконечное процветание капитализма, предотвращение кризисов и безработицы, гармония классовых интересов и т. п. Но это либо сознательный обман, либо пустые несбыточные мечты, иллюзии.

Говоря о формальной возможности, следует иметь в виду и другое значение этого понятия, где формальная (абстрактная) возможность не равна невозможности. Она связана с научным предвидением, но еще остается формальной, так как не имеет объективных условий в данное время для превращения в действительность, хотя такие условия могут возникнуть в будущем, поскольку это не противоречит объективным законам.

Таким образом, не следует смешивать беспочвенную, вредную, маниловскую фантазию с научной, полезной фантазией, опирающейся на уже достигнутые знания и позволяющей заглянуть в будущее. Так, великий русский ученый К. Э. Циолковский мечтал о межпланетных перелетах, хотя в то время они были возможны лишь в абстракции. Однако К. Э. Циолковский опирался на научное предвидение, и теперь абстрактная возможность межпланетных путешествий стала не только реальной возможностью, но на наших глазах превращается в действительность. Из этих примеров видно, что диалектический материализм требует строго отличать формальные возможности как пустые абстракции от формальных абстрактных возможностей, связанных с научным предвидением, исследованием тенденции развития.

Диалектика возможности и действительности. Между возможностью и действительностью существуют диалектическая взаимосвязь и взаимозависимость. Возможность и действительность, как уже отмечалось, переходят друг в друга, так что возможность превращается в действительность, а действительность порождает все новые возможности.

Диалектика учит, что нельзя разрывать возможность и действительность, так как всякая действительность подготавливается возможностью. Однако их нельзя и отождествлять, потому что не всякая возможность превращается в действительность. Сложность взаимоотношений возможности и действительности определяется сложностью и многообразием развития объективного мира.

Метафизика, отрицая качественные скачки в развитии, не может научно решить вопрос о взаимоотношении возможности и действительности. Для нее в действительности совершается лишь количественный рост, развертывание извечно существующих возможностей. Действительность с точки зрения метафизики не включает в себя ничего нового по сравнению с возможностью. Решая вопрос о

соотношении возможности и действительности, метафизики опирались на принципы механического детерминизма, сформулированные Лапласом, из которых следовало, что если бы удалось во всеобъемлющей формуле выразить все соотношения причин и следствий, то можно было бы исходя из предшествующего состояния вывести все последующие возможности на сколь угодно отдаленное время. Такой взгляд приводил к фатализму, т. е. к ложной концепции извечной предопределенности всех явлений и событий будущего.

Процесс развития объективного мира таков, что в нем всегда есть новое и старое, причем их борьба и является источником развития. Поэтому в одной и той же действительности одновременно может быть несколько различных возможностей. В. И. Ленин указывал, например, на два возможных исхода революции 1905 г.: 1) решительная победа революции над царизмом и установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства; 2) сделка царя с буржуазией и принятие куцей конституции. Первая возможность вытекала из объективного поступательного развития, а вторая — из того, что старое не уступает место новому без борьбы. Взаимоисключающие возможности всегда порождаются противоречиями объективной действительности, а за их осуществление в классовом обществе всегда борются противоположные классы.

В борьбе различных возможностей, возникающих в самой действительности, в каждом конкретном случае проявляется закон единства и борьбы противоположностей. Вместе с тем в процессе этой борьбы и превращения возможности в действительность действуют и другие законы диалектики. Такое превращение есть не просто количественное, но и качественное изменение, в результате которого новая действительность отрицает старые возможности и старую действительность, но отрицает не метафизически, а диалектически, удерживая все положительное, прогрессивное.

Соотношение возможности и действительности находит свое количественное выражение в категории вероятности, характеризующей степень возможности, ее близость к действительности. Всякая реальная возможность имеет какую-то хотя бы минимальную вероятность превращения в действительность. Если эта вероятность равна нулю, то возможность тождественна невозможности, а при

вероятности, равной единице, возможность становится действительностью. Для того чтобы определить вероятность в ее числовом выражении, нужны определенные статистические данные, т. е. учет превращения определенных возможностей в действительность при соответствующих условиях. Чем больше наблюдается случаев превращения данных возможностей в действительность, тем больше степень вероятности их охвата статистической закономерностью. Однако степень вероятности определяется не только частотой и множественностью повторений подобных возможностей.

Вероятность превращения возможности в действительность зависит от того, связана ли данная возможность с закономерностью, с тенденцией развития, с сущностью процесса или явления или со случайностью, от того, в какой стадии развития — зарождения, расцвета или отмирания — находится данное явление. Вероятность превращения возможности большого числа случайных явлений в действительность подчиняется статистическим законам и измеряется статистическими методами.

Всякую возможность нужно рассматривать в ее возникновении, развитии и в связи с теми условиями, при которых она может превратиться в действительность. Так, лишь при определенном уровне развития человеческого общества появляется возможность и возрастает вероятность возникновения товарного производства. Возможность пролетарской революции различна на разных стадиях развития капиталистического общества. Она возрастает по мере обострения противоречий капитализма и становится наибольшей при империализме.

Особенно много возможностей для прогрессивного развития общества возникает в условиях социализма и строительства коммунизма. В. И. Ленин, характеризуя социализм, писал: «...человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития» [1]. В условиях мировой системы социализма благодаря международному разделению труда, его специализации и кооперированию создаются дополнительные возможности для роста производства во всем социалистическом лагере и в каждой социалистической стране в отдельности. «Социалистический мир вступил теперь в такую полосу развития, когда появляется возможность значи-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 402.

тельно полнее использовать могучие резервы, заложенные в новом строе»[1].

Конкретные условия определяют собой характер, быстроту и способы превращения возможности в действительность. Известно, что в определенных условиях одни возможности неизбежно превращаются в действительность, а другие в действительность могут и не превратиться. Все возможности зарождаются в объективной реальности, но не каждая из них становится действительностью. Возможность, которая является результатом необходимого, закономерного развития объективного мира, обязательно при определенных условиях превращается в действительность. Такова, например, историческая необходимость смены одной общественно-экономической формации другой формацией. В каждой докоммунистической общественной формации содержится в виде возможности зарождение новой, более прогрессивной формации, а действительностью она становится при соответствующих исторических условиях, на определенной ступени зрелости этой формации. Этот процесс неотвратим, обязателен. Такую обязательность превращения возможности в действительность диалектический материализм называет естественноисторическим процессом.

Но бывают такие возможности, которые не вытекают из необходимости, и поэтому их превращение в действительность не обязательно. Так, в общественной жизни содержится возможность не только прогрессивного развития, но и временных попятных движений. Однако последняя возможность не является необходимостью объективного развития и поэтому лишь в редких случаях становится действительностью. Задача науки во многом и состоит в том, чтобы из всех существующих возможностей выявить те, которые вытекают из необходимости, и помочь людям опереться на эти возможности в своей практической деятельности, своевременно превратить их в действительность.

О роли субъективного фактора в превращении возможности в действительность. Превращение возможности в действительность совершается неодинаково в природе и в обществе. В природе многие возможности превращаются в действительность автоматически, независимо от чело-

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, стр. 302.

века (в данном случае мы отвлекаемся от процессов преобразования природы посредством человеческой деятельности). В обществе возможности всегда превращаются в действительность в результате деятельности людей, ставящих себе определенные цели. Как и в природе, возможности в обществе возникают объективно, но в отличие от природных они не могут превратиться в действительность самопроизвольно, автоматически, вне деятельности людей. Все возможности в обществе реализуются в человеческой деятельности. От деятельности же людей зависит также ускорение превращения возможности в действительность или, наоборот, создание таких условий, при которых данная возможность не может стать действительностью.

Превращение возможности в действительность в обществе осуществляется при взаимодействии объективных условий и субъективного фактора, т. е. сознательной, целенаправленной деятельности классов, партий, государства, личностей. Недостаточная зрелость субъективного фактора может явиться причиной того, что некоторые прогрессивные исторические возможности не превратятся в действительность. Так, в эпоху домонополистического капитализма была возможность победы социалистической революции одновременно во всех или в большинстве капиталистических стран. Но эта возможность в силу ряда причин объективного и субъективного характера не превратилась в действительность.

В эпоху империализма в силу изменившихся условий возможность одновременной победы социалистической революции во всех развитых странах исчезла. В этих условиях появляется новая возможность — возможность победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой, стране. Эта возможность превратилась в действительность в России в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В современных условиях в революционном рабочем движении в капиталистических странах наряду с возможностью завоевания власти рабочим классом через вооруженное восстание и гражданскую войну существует также возможность мирного протекания социалистической революции. Реализация этой второй возможности будет зависеть от объективных и субъективных условий каждой отдельной страны. Но в обоих случаях это может быть только революционным переходом от капитализма к социализму,

при котором марксистско-ленинская партия пролетариата должна осуществлять свою руководящую роль, опираясь на большинство народа и давая решительный отпор всем открытым и скрытым врагам пролетариата. Поэтому в Основном документе Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. указывается: «Используя все имеющиеся возможности парламентской деятельности, коммунисты подчеркивают, что решающим в борьбе за демократию и социализм является развертывание массового движения рабочего класса, всех трудящихся» [1].

Субъективный фактор может играть решающую роль в превращении возможности в действительность только при наличии определенных объективных условий. Дело в том, что общественное развитие совершается как естественноисторический процесс, причем деятельность людей может соответствовать ему или не соответствовать, способствуя или препятствуя развитию. Ускорить развитие общества может только такая деятельность, которая опирается на объективные законы общественного развития, на созревшие реальные возможности. Роль субъективного фактора небывало возрастает в период социальных революций, и особенно в период социалистической революции. В. И. Ленин писал: «Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса...»[2]

Особенно возрастает роль субъективного фактора при социализме. Социалистические преобразования, строительство нового общества являются сложным и длительным процессом, и, как подчеркнуто в Основном документе Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., «в первую очередь от коммунистических и рабочих партий, стоящих у руководства, от их способности по-марксистско-ленински решать проблемы социалистического развития зависит использование огромных возможностей, открываемых новым строем» [3].

Игнорирование объективных законов, нежелание считаться с реальными возможностями, как правило, приводят к субъективистским ошибкам, задерживают поступа-

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», стр. 310.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 103.

[3] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», стр. 303.

тельное развитие общества. Особенно опасна в этом смысле «деятельность» правого и «левого» ревизионизма, которые хотя и по-разному, но игнорируют роль субъективного фактора в превращении новых, появившихся при социализме, возможностей в действительность. Если ревизионизм «левого» толка, прикрываясь левой, ультрареволюционной фразой, толкает массы на авантюристические действия, а партию на сектантский путь, то правый ревизионизм сползает на ликвидаторские, соглашательские позиции, отрицает руководящую роль коммунистической партии.

В условиях социализма и строительства коммунизма происходит дальнейшее повышение значения субъективного фактора, которое проявляется в возрастании роли Коммунистической партии, социалистического государства во всех областях жизни общества, в повышении роли общественных организаций. Важнейшим условием усиления роли субъективного фактора в превращении возможности в действительность при социализме является вооружение людей знаниями законов общественного развития, убежденность их в правоте идей марксизма-ленинизма.

5. СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

Определение категорий содержания и формы. Любой предмет, явление, процесс действительности представляет собой диалектическое единство содержания и формы. Отражением этих объективных сторон и их соотношений являются соответствующие категории диалектики.

Содержание включает в себя всю совокупность сторон, признаков и процессов определенного класса, группы предметов и явлений действительности. Мысль о содержании как цельности, совокупности всех моментов данного предмета или явления была подчеркнута В. И. Лениным в его конспекте книги Гегеля «Наука логики» [1]. В эту цельность, совокупность не входят лишь те признаки, которые характеризуют форму предмета, явления.

Форма есть способ существования, способ развития, выражения содержания. Она неразрывно связана с содержанием. Содержание имеет определенную конкретную организацию, структуру. Категория формы и есть выраже-

[1] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 141.

ние соответствующей организации, строения, структуры содержания. Например, производительные силы выступают как содержание способа производства, а производственные отношения — как его форма.

В ходе разработки научного определения содержания часто необходимо брать не все содержание, а только его главную, основную часть, как это было сделано, например, при определении содержания современной эпохи в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран в 1957 г.: «Основным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России» [1]. Историческая практика подтвердила правильность этого определения содержания нашей эпохи, что и отмечено в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. Аналогичным образом нужно подходить и к определению формы, беря ту ее часть, которая имеет особо важное значение для определенного процесса развития на данном этапе.

Категории содержания и формы связаны с категориями целого и части.

Категория целого обозначает различные формы связей частей в определенное качественное единство. Части целого могут не только количественно, но и качественно отличаться от целого. Так, если вода как определенное качество может иметь различный объем (количество), то уже молекула воды от составляющих ее молекул кислорода и водорода отличается и количественно и качественно. Поэтому неправильно ограничивать целое, как это делают метафизики, суммой частей и сводить все к тривиальной истине, что целое больше части. Целое может быть различно по форме связей его частей. Эти формы связей можно свести к трем основным: 1) целое как простая сумма составляющих ее частей. Прибавление или убавление таких частей или их перестановка еще не ведут к качественному изменению целого; 2) целое как такая форма организации частей, при которой оно качественно от них отличается. Убавление или прибавление таких частей, равно как и

[1] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г. М., 1964, стр. 4.

изменение их места в системе целого, ведут к качественным преобразованиям. Это очень ярко показал Энгельс на примерах из химии, назвав ее наукой о качественном изменении тел; 3) целое как организм — биологический или общественный. Здесь форма связи частей определяет не только целое как определенное качество, но и функции этого целого. В таком целом часть утрачивает свою относительную самостоятельность. Организм — это не сумма органов, а орган не функционирует вне целого; общество — это не простая сумма людей, а человек немыслим вне общества.

Диалектика содержания и формы. Говоря о диалектике содержания и формы, следует прежде всего отметить, что они противоположны и одновременно тесно связаны и взаимообусловлены. Содержание определяет форму, а форма является содержательной. Форма выражает определенное содержание, а содержание всегда оформлено. Ф. Энгельс писал о живой природе: «Вся органическая природа является одним сплошным доказательством тождества или неразрывности формы и содержания» [1].

Диалектика содержания и формы состоит не только в их взаимной обусловленности, но и в их переходах друг в друга. Что в одних условиях и отношениях является содержанием, то в других условиях может быть формой, и наоборот. Производственные отношения, например, выступают как форма развития производительных сил, но те же производственные отношения представляют собой содержание по отношению к надстройке, которая выступает при этом как форма.

Положение о ведущей, определяющей роли содержания по отношению к форме вовсе не означает, что форма имеет пассивный характер. Форма активно воздействует на содержание, ускоряя или замедляя его развитие. Эту закономерность В. И. Ленин считал одним из элементов диалектики, выразив ее следующим образом: «...борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания» [2].

Связь содержания и формы бывает различной по своему характеру, вследствие чего и процесс развития протекает по-разному. Новое содержание может быть облечено в новую, соответствующую ему форму, и тогда процесс разви-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 619.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

тия происходит быстро, ускоренно, по восходящей линии, так как форма в этом случае не только дает полный простор развитию содержания, но и активно способствует его развитию. Однако содержание в своем развитии часто опережает форму. В этом случае форма на определенном этапе приходит в конфликт с содержанием и не только не способствует его развитию, но тормозит, сковывает это развитие.

Основоположники марксизма-ленинизма всегда уделяли огромное внимание не только содержанию, но и форме, от которой зависит развитие содержания. Особенно большое значение это имеет в общественно-политической деятельности. В. И. Ленин обосновывал необходимость четких и прочных организационных форм рабочего класса в его борьбе с эксплуататорами. Препятствием в этой борьбе пролетариата и его партии, говорил он, являются не только старые, отжившие, но также и неразвитые, непрочные формы: «Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил...» [1]

Диалектическая взаимосвязь формы и содержания, смена старых форм, не соответствующих новому содержанию, подтверждаются всем ходом общественного развития. В истории общества рано или поздно, но неотвратимо гибнут старые формы, мешающие его прогрессивному движению, и закономерно побеждают новые формы. Как в свое время феодальные производственные отношения были заменены более прогрессивными капиталистическими производственными отношениями, так и в современную эпоху в ходе социалистических революций осуществляется смена старых, отживших капиталистических производственных отношений новыми, социалистическими производственными отношениями, которые соответствуют современному уровню развития производительных сил.

Те же диалектические закономерности взаимодействия формы и содержания присущи и социалистическому обществу, но при социализме они действуют по-другому. В социалистическом обществе развитие производительных сил (содержания) несколько опережает развитие производственных отношений (формы). Вследствие этого и в условиях социализма имеют место противоречия между

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 378.

развивающимися производительными силами и отдельными отстающими сторонами производственных отношений. Однако при социализме, где общественному характеру производства соответствует общественная собственность на средства производства, эти противоречия носят принципиально иной, неантагонистический характер.

В условиях общественной собственности на средства производства и планового социалистического хозяйства имеются реальные возможности для своевременного вскрытия и преодоления противоречий, возникающих между содержанием и формой. Важную роль в этом отношении играет субъективный фактор; она состоит в умении найти объективный критерий, помогающий раскрыть степень противоречия между содержанием и формой, своевременно и правильно определить момент, когда форма из движущей силы начинает превращаться в силу тормозящую. Здесь особенно важен научный подход, исключающий субъективизм и игнорирование достижений науки и революционной практики.

Необоснованная, поспешная смена форм в политической и хозяйственной деятельности неминуемо ведет к субъективистским ошибкам. Именно от такой субъективистской деятельности предостерегал В. И. Ленин: «У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал» [1].

Теоретической основой творческого подхода к проблеме разрешения противоречий между формой и содержанием при социализме, роли субъективного фактора является марксизм-ленинизм. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии указывается на необходимость «непрерывно совершенствовать формы и методы партийного руководства, проявлять творческий марксистско-ленинский подход к решению назревших проблем развития социализма» [2].

Использование формы в борьбе между новым и старым содержанием. Одним из важных вопросов диалектики содержания и формы является вопрос об использовании новым содержанием некоторых, еще в основном отвечающих ему, старых форм. В. И. Ленин указывал, что в определенных исторических условиях новое, неодолимо раз-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 326.
[2] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 12.

вивающееся содержание не только ломает и отбрасывает старые формы и облекается в новые, но и использует некоторые старые формы и перерабатывая их, заставляет служить новому содержанию. Анализируя содержание и форму коммунистического движения, он писал: «У нас есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за Советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может *и должно* проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые,— не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма» [1].

Как показал опыт социалистического строительства, использование определенных старых форм в качестве средства развития нового содержания в ряде случаев является целесообразным и необходимым. Об этом свидетельствует использование некоторых старых национальных форм культуры народов СССР, являющейся социалистической по своему содержанию.

Марксизм-ленинизм учит гибкому, диалектическому подходу к решению вопроса о выборе формы, требует строжайшего анализа конкретной ситуации, особенно в общественной жизни. В. И. Ленин, предвидя возможность разнообразия политических форм при переходе от капитализма к социализму, писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата...» [2] Вместе с тем он подчеркивал, что при всем разнообразии политических форм перехода от капитализма к социализму классовая сущность власти будет одна — диктатура пролетариата. Исторический опыт полностью подтвердил предвидение Ленина. Вслед за политической формой диктатуры пролетариата в форме Советской власти в ряде стран мира утвердилась такая форма диктатуры пролетариата, как народная демократия.

Использование новым содержанием различных, в том числе и некоторых старых, форм осуществляется прогрес-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 88—89.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 123.

сивными силами общества в целях поступательного развития. Напротив, реакционные силы, стремясь не допустить победу прогрессивного, пытаются использовать некоторые новые, заслужившие доверие народа формы для предотвращения гибели старого, исторически изжившего себя содержания. Так, например, из истории известно, что, стремясь обмануть народные массы, твердо стоявшие за Советскую власть, контрреволюционеры выдвинули лозунг: «Советы без коммунистов!» Но Советы без коммунистов — это политическая форма, лишенная своего революционного содержания. Осуществление этого лозунга привело бы к ликвидации Советской власти и восстановлению диктатуры буржуазии.

В современных условиях обострения всех противоречий капитализма и роста революционной активности масс политики и идеологи буржуазии изыскивают новые формы и методы для сохранения реакционного содержания капиталистического строя. С этой целью придумываются различные теории, такие, как «трансформация» капитализма, «народный капитализм» и др. Буржуазная идеология во всех ее формах служит этому старому содержанию. «Виды и формы буржуазной идеологии, методы и средства обмана трудящихся многообразны. Но суть их одна — защита отживающего капиталистического строя» [1].

Империализм в борьбе против рабочего движения не отказывается от старых форм открытого насилия, жестоких методов полицейских преследований, антирабочего законодательства, но, как указывается в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., «в то же время он использует демагогию, буржуазный реформизм, оппортунистическую идеологию и политику, постоянно изыскивает новые методы для того, чтобы подорвать рабочее движение изнутри, попытаться «интегрировать» его в систему капитализма» [2].

В борьбе против нового реакционные силы часто используют отрыв формы от содержания. Примером этого может служить формализм в литературе и искусстве. Формализм в искусстве, защищающий, как правило, все отжившее под видом так называемого абстракционизма, при-

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». Принята XXII съездом КПСС. М., 1962, стр. 53.

[2] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», стр. 287.

нял ныне в капиталистических странах самые крайние формы. Марксизм-ленинизм противопоставляет формализму и его разновидностям метод социалистического реализма, утверждающий диалектическое единство содержания и формы в искусстве. Этот метод включает в себя принцип коммунистической партийности и народности, согласно которому литература и искусство должны быть составной частью великого дела строительства коммунизма.

В наших условиях формализм может проявляться в виде бюрократизма, мешающего делу строительства коммунистического общества. Вред бюрократизма состоит прежде всего в том, что он игнорирует главное в работе — ее содержание — и все внимание обращает на форму. Бюрократизм неизбежно сковывает творческую активность масс и препятствует развертыванию критики и самокритики — этого важного метода вскрытия и преодоления недостатков. Борьбу против администрирования и канцелярско-бюрократических методов в работе, за развертывание критики и самокритики, за усиление активности масс во всех областях жизни страны КПСС считает одной из важнейших задач коммунистического строительства. Применяя на практике и дальше развивая марксистско-ленинскую теорию, партия вырабатывает новые формы и методы руководства народным хозяйством и идеологической жизнью социалистического общества.

Коммунистическая партия вскрывает также недостатки, связанные с разрывом формы и содержания в области идеологической работы. Формализм в пропагандистской и агитационно-массовой работе, догматизм, начетничество, отрыв теории от практики ведут к выхолащиванию из марксистско-ленинской теории ее революционного содержания.

6. СУЩНОСТЬ И ЯВЛЕНИЕ

Категории сущности и явления. Общественная практика и история развития наук убедительно показывают, что предметы, явления и процессы объективного мира имеют как внешнюю сторону, доступную нашему непосредственному восприятию, так и сторону внутреннюю, скрытую от непосредственного наблюдения. Эти стороны находятся в неразрывном единстве и не существуют одна без другой.

Внутренняя сторона предметов и процессов действительности определяет собой внешнюю, является ее основой, а внешняя так или иначе выражает внутреннюю.

Существование этих различных и вместе с тем взаимосвязанных сторон предмета, явления, процесса создало необходимость различать в них определяющее, главное — сущность и внешнее, зависимое от нее — явление. Внутренняя сторона всегда так или иначе обнаруживается во внешних свойствах вещей и процессов, или, говоря иначе, внутреннее проявляется во внешнем. Внешняя сторона может быть отражена непосредственно при помощи органов чувств, а к пониманию проявляющейся во внешнем внутренней стороны, внутренней основы предметов и явлений действительности люди приходят в результате переработки материала человеческой практики, при помощи абстрактного мышления. Иллюстрируя различие в познании сущности и явления, В. И. Ленин писал, что при помощи простого восприятия человек не может схватить движения со скоростью 300 тыс. *км* в секунду, а мышление его схватывает и должно схватить.

Как явствует из сказанного, сущность есть категория материалистической диалектики для обозначения внутренней, относительно скрытой и устойчивой стороны предметов и процессов, которая определяет их развитие. Явление — это внешняя, менее устойчивая, чем сущность, сторона предметов, процессов действительности. Явление есть обнаружение, проявление сущности. Явления могут быть восприняты непосредственно органами чувств, а также косвенно, с помощью различных приборов — телескопов, микроскопов, сложных физических приборов, дополняющих и усиливающих наши органы чувств.

Категория сущности вскрывает внутреннюю основу не одного отдельного явления природы или общества, но общую основу многих явлений. При этом сущность выражает не всякое общее в явлениях, а только такое общее, которое определяет природу и развитие данных явлений. Например, труд, говорил К. Маркс, излагая мысли представителя английской классической политэкономии Д. Рикардо и соглашаясь с ними, есть то, в чем одинаковы различные товары, единое в них, их субстанция, внутренняя основа их стоимости [1]. Таким образом, Маркс понимал сущность как внутреннюю основу явлений. В данном примере труд

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 140.

как внутренняя основа представляет собой то определяющее общее, что принадлежит каждому товару и характеризует единство всех многообразных, различных товаров. Эта внутренняя основа, или сущность (труд), неразрывно связана с явлениями (товарами и их обменом), обнаруживается только в явлениях, но тем не менее отлична от них.

Категория сущности очень близка к категории содержания, но в отличие от нее, как это видно из приведенного примера относительно сущности товара, выделяет главное, определяющее внутреннюю основу явлений. Сущность — это главное в содержании. Так, характеризуя закон единства и борьбы противоположностей как главное содержание процесса развития, классики марксизма-ленинизма подчеркивали именно сущность процесса развития, ибо этот процесс в целом, его содержание определяются не одним, а всеми законами диалектики и поэтому не могут быть целиком сведены только к одному закону единства и борьбы противоположностей.

Категория сущности близка не только к категории содержания, но и к категории закона. В определенных границах сущность и закон непосредственно совпадают. «...*Закон* и *сущность*,— писал В. И. Ленин,— понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира...» [1] Поскольку закон отражает внутренние, существенные связи, постольку он совпадает с сущностью. В. И. Ленин отмечал, что «закон есть существенное явление... Закон есть отражение существенного в движении универсума...» [2]. В этом смысле закон того или иного процесса развития можно назвать его сущностью.

Категории сущности и явления отражают одну и ту же реальность, но отражают ее с различной глубиной и полнотой, а поэтому сущность и явление непосредственно не совпадают. К. Маркс, специально подчеркивая особую связь внутреннего и внешнего, сущности и формы ее проявления и вытекающие отсюда задачи для научного исследования, писал, что «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...» [3].

Кажимость, видимость. Особой формой выражения сущности предметов и процессов материального мира

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 136.
[2] Там же, стр. 137.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 384.

является кажимость, видимость. «Кажущееся,— писал В. И. Ленин в «Философских тетрадях»,— есть сущность в *одном* ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов» [1].

Категория кажимости, видимости выражает преимущественно те случаи, когда резко обнаруживается несовпадение сущности с формой ее проявления. Маркс неоднократно отмечал, что такое несовпадение нередко принимает характер резкой противоположности. В этих случаях возникают большие трудности в нахождении за кажущимся действительной сущности. Например, известно, что в течение многих веков люди, ограничиваясь непосредственно воспринимаемыми явлениями, были уверены, что Солнце движется по отношению к неподвижной Земле. В астрономии на этом была основана птолемеевская геоцентрическая система. Однако в дальнейшем осмысливание накопленных астрономической наукой наблюдений привело к выводу, что движение Солнца вокруг Земли является лишь кажущимся, что действительное, скрытое от непосредственного наблюдения движение состоит во вращении Земли вокруг своей оси. Но этого действительного движения нельзя было бы раскрыть, если бы перед человеком не было движения кажущегося как момента проявления сущности.

Кажущееся, видимое становится понятным при более глубоком раскрытии сущности. Так, непосредственно наблюдая отношения между капиталистами и рабочими, можно прийти к ошибочному выводу, будто капиталисты покупают у рабочих их труд и полностью его оплачивают. Но в подобном выводе не дана, а скрыта, извращена действительная сущность отношений между капиталистами и рабочими, состоящая в присвоении капиталистами прибавочной стоимости, в эксплуатации рабочих. Эта сущность была раскрыта Марксом при помощи глубокого теоретического анализа. Такой анализ возможен, в частности, потому, что и в кажущихся внешних отношениях между капиталистами и рабочими обнаруживается часть истины. Мы правильно воспринимаем, например, что работает пролетарий, а не капиталист, что фабрики и заводы принадлежат капиталистам, а не рабочим, что нанимает и увольняет, наказывает штрафами, хозяйничает капиталист, а не рабочий. За всеми этими фактами и лежит раскрытая Марксом сущность — наемное рабство.

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 119.

Восприятие кажущегося, внешнего, поверхности явлений и раскрытие их сущности неразрывно связаны между собой. Например, конкуренция в капиталистическом мире представляет собой внешнее, непосредственно воспринимаемое отношение между капиталистами. Но для правильного уяснения этого отношения необходимо познание его сущности. «Во всяком случае,— писал Маркс,— ясно одно: научный анализ конкуренции становится возможным лишь после того, как познана внутренняя природа капитала,— совершенно так же, как видимое движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное, но чувственно не воспринимаемое движение» [1].

Итак, сущность выражается не только в тех случаях, когда она более или менее совпадает с явлениями, но и тогда, когда имеет место противоречие между сущностью и формой ее проявления, т. е. кажимость, видимость. Оба случая представляют собой разные стороны внешнего, поверхностного, без которого нельзя раскрыть внутреннее, сущность.

Диалектическое взаимоотношение сущности и явления. Рассматривая диалектику сущности и явления, необходимо прежде всего отметить, что эти категории неотделимы друг от друга и вместе с тем могут переходить друг в друга. В. И. Ленин по этому поводу в «Философских тетрадях» писал: «Тут тоже мы видим переход, перелив одного в другого: сущность является. Явление существенно» [2]. Явление существенно в том смысле, что оно не бывает без сущности и всегда так или иначе обнаруживает, выражает ее.

Взаимопроникновение, взаимопереходы сущности и явления свидетельствуют о подвижности, изменяемости этих категорий, отражающих изменяемость, подвижность определенных сторон объективной действительности. Хотя явления более подвижны, чем сущности, но и последние не остаются неизменными. В. И. Ленин писал, что «не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей также» [3]. Следовательно, сущность вещей и процессов нельзя представлять застывшей, неизменной. Это был бы метафизический взгляд на сущность.

Диалектика сущности и явления такова, что изменение или исчезновение сущности вызывает изменение или исчезновение явлений. Так, например, капиталистический спо-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 326—327.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 227.
[3] Там же.

соб производства, составляя внутреннюю основу, сущность всех явлений буржуазного общества, обусловливает экономические кризисы, безработицу, войны и т. д. При переходе капитализма в монополистическую стадию производственные отношения пришли в конфликт с производительными силами, превратились в их оковы, что представляет собой экономическую основу неизбежной революционной замены капитализма социализмом.

Переход капитализма в его высшую стадию — империализм обусловил и изменения ряда его явлений. Экономические кризисы стали всеобщими, затяжными и чрезвычайно разрушительными; безработица приняла особо острый характер; войны превратились во всеобщие, мировые, истребительные. Но подобные изменения произошли в пределах одной и той же, капиталистической формации. Поэтому совершенно ясно, что исчезновение названных явлений, приносящих неисчислимые бедствия трудящимся, может быть только следствием ликвидации капиталистического способа производства, т. е. сущности капитализма.

Диалектика явления и сущности состоит также в том, что сущность лишь приблизительно охватывает отдельные многообразные явления, а последние, следовательно, неполно входят в сущность. Все это позволяет сказать, что сущность беднее явлений, ибо она не включает в себя всего бесконечного многообразия их сторон и оттенков. Вместе с тем при всем богатстве этих сторон и оттенков, многогранности и разнообразия явлений действительности сущность выступает как их общая основа. Отдельные товары, например, выступают как явления с самыми разнообразными индивидуальными особенностями. Но при этом они содержат в себе стоимость как свою сущность.

Различные соотношения сущности и явления, характер их диалектического взаимодействия зависят от конкретных условий. При капитализме, например, большинство общественных явлений выступает как видимость, кажимость, причем господствующие классы стремятся скрыть от трудящихся масс подлинную сущность явлений общественной жизни. В условиях социализма нет классов или каких-либо групп, заинтересованных в затушевывании сущности общественных явлений под маской видимости, кажимости. Социалистические общественные отношения открывают простор для познания сущности социальных явлений и для использования результатов этого познания в интересах прогрессивного развития общества.

Критика идеалистического понимания сущности и явления. Идеализм выводит категории сущности и явления из сознания и тем самым отрицает их объективное содержание. В резко выраженной форме отрицание объективного характера сущности, а также возможности ее познания содержится в классических субъективно-идеалистических философских учениях Беркли и Юма.

Своеобразную субъективно-идеалистическую трактовку явлений дал немецкий философ И. Кант. Для Канта явления представляют собой лишь категории сознания, совершенно не выражающие сущности реальных вещей внешнего мира. Согласно взглядам Канта, явления есть результат субъективной человеческой деятельности, результат применения человеком априорных форм к «материалу» чувственного познания. Человеческий рассудок, по Канту, является законодателем по отношению к природе, он диктует ей свои законы. Критикуя Канта, В. И. Ленин говорил, что такое понимание ощущений не связывает человека с внешним миром, а отгораживает от него.

Субъективно-идеалистическая трактовка сущности и явления свойственна также и различным течениям современной буржуазной философии: неопозитивизму, экзистенциализму, прагматизму. В частности, экзистенциализм противопоставляет сущность существованию, объявляя первичным существование творческого *Я* как потока различных переживаний индивида.

Объективный идеализм, виднейшим представителем которого был Гегель, формально признавая существование явления и сущности вне человека, считает их, как и мир в целом, проявлением идеи, мирового разума. Такое понимание мира по существу полностью совпадает с главной догмой религии, объявляющей бога творцом действительности. Близость объективного идеализма к религии в понимании сущности и явления особенно ясно проявляется в философии неотомизма — современной идеалистической философии католицизма. Категория сущности и явления неотомисты трактуют в соответствии с религиозными догмами. В основе всего существующего, утверждают они, лежит вечная, неизменная божественная сущность.

Только диалектико-материалистическое понимание категорий, в том числе и категорий сущности и явления, дает людям теоретическое оружие для правильного и глубокого познания объективной действительности и ее революционного преобразования.

ГЛАВА IX

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Теория познания, иначе именуемая гносеологией, представляет собой учение о возможности познания человеком и человечеством объективного мира, об источниках, путях и методах познавательной деятельности людей, о формах, в которых совершается познавательный процесс, а также о социальной функции результатов познания мира.

Теория познания — неотъемлемая часть любой философии, в том числе и марксистско-ленинской. Вокруг теоретико-познавательных проблем всегда шла острейшая борьба между материализмом и идеализмом. В постоянной борьбе против идеализма, метафизики формировалась и совершенствовалась материалистическая теория познания, возникла и развилась единственно научная марксистско-ленинская теория отражения. Спекулируя на трудностях познавательного процесса, реакционные буржуазные философы и в настоящее время широко используют идеалистическую теорию познания, для того чтобы попытаться в замаскированном виде проповедовать свое реакционное мировоззрение.

Познание действительности имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение. Оно вооружает людей могучим средством сознательного воздействия на мир, на события общественной жизни, помогает подчинять силы природы интересам человечества. Для эффективного познания действительности важно понимание самого существа процесса познания, его форм и методов.

Теория познания диалектического материализма исходит из материалистического решения основного вопроса философии, из принципа познаваемости мира и признания

диалектичности процесса познания и, наконец, из того, что основой познания и критерием его истинности является общественная практика.

1. ПОЗНАНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО МИРА В СОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Исходным принципом теории познания диалектического материализма является принцип активного отражения. Отражение — это деятельность мозга человека, взаимодействующего с внешним миром. Источником отражения является объективно существующий материальный мир. Характеризуя сущность процесса познания, В. И. Ленин писал: «Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверяя и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине» [1]. Отражение возникает тогда, когда в мозгу возникают ощущения, восприятия, представления, понятия, а отраженный в них раздражитель выступает в качестве объекта. Именно с этим связан переход от материального к идеальному, от предмета к мысли о нем.

Суть теории отражения можно кратко выразить так: предметы, их свойства и отношения существуют независимо от познающего субъекта; с помощью ощущений, восприятий и мыслей мы познаем сами предметы, их свойства и отношения. Ощущения, восприятия и мысли — это не сами предметы, а лишь их субъективные образы. Они не могут ни возникать, ни существовать безотносительно к предмету. Наши ощущения, восприятия и мысли носят предметно отнесенный характер.

Долгий и тернистый путь прошло человечество в познании окружающего мира. Это постепенное, но неуклонное движение мысли от примитивного, поверхностного, элементарного ко все более широкому, глубокому и полному постижению мира.

Над тайной познания мира люди начали задумываться еще в глубокой древности. И с тех пор вокруг вопроса о сущности и возможностях познания никогда не смолкали горячие споры.

Некоторые философы отрицают принципиальную возможность познания объективного мира, отрицают

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 183.

абсолютную истину, ограничивают роль науки фиксацией и систематизацией явлений, считая невозможным объективное постижение сущности вещей, их закономерных отношений, тенденций развития. Такая позиция в философии называется *агностицизмом.* С точки зрения агностицизма вопрос о том, как вещь является нам, т. е. отражается нами, принципиально отличается от того, как она существует сама по себе. Наиболее известными сторонниками агностицизма в домарксистской философии были Д. Юм и И. Кант. Юм исходил из того, что нам доступны лишь наши ощущения, упорядочивать и систематизировать которые и призвана наука. Человек будто бы не в силах выйти за пределы своих ощущений. А на вопрос о том, что стоит за нашими ощущениями, что их вызывает, Юм отвечал уклончиво: «Не знаю». Систематическое обоснование агностицизма дано Кантом. Он различал явления вещей и самые вещи в себе. Мы познаем мир не таким, каков он есть на самом деле, а только таким, каким он нам кажется. Нашему знанию доступны только явления вещей, феномены, составляющие содержание нашего опыта. В результате воздействия объективно существующих «вещей в себе» на органы чувств возникает хаос ощущений. Приводим мы этот хаос в единство и порядок силами нашего разума. То, что мы считаем законами природы, на самом деле есть связь, вносимая разумом в мир явлений, т. е. наш разум предписывает законы природе. Но миру явлений соответствует независимая от человеческого сознания сущность вещей — «вещи в себе». Познание их для нас недоступно. Они для нас только ноумены, т. е. умопостигаемая, но не данная в опыте сущность мира. Кант боролся против тех, кто исходил из безграничной веры в силы человеческого разума; он называл эту веру догматизмом. В этом суть агностицизма Канта.

Агностицизм находится в тесной связи с религиозным мировоззрением, утверждающим, что «пути господни неисповедимы» и что человек не способен постичь тайны мироздания. Не случайно Кант признавался в том, что он стремился ограничить знание, чтобы освободить место вере.

В эпоху империализма агностицизм получил особенно широкое распространение. Это и понятно. Идеологи класса, обреченного историей, страшатся будущего. Они объявляют историю непознаваемым царством хаоса и случайностей. Попытки доказательства бессилия разума и установ-

ления границ познания — характерная черта современной буржуазной идеологии.

Жизнь, история науки и практики неуклонно поднимается от одного уровня познания к другому, все более высокому и совершенному. История науки показывает, как природа постепенно раскрывает одну за другой свои тайны. Астрономия проникла в головокружительные дали космоса и вскрыла закономерности возникновения, развития, строения многих звездных образований. Физика вскрыла строение атома, микротел. Кибернетика позволила обнаружить закономерности сложных информационных процессов. Биология анализирует глубинные механизмы наследственности. А общественные науки раскрыли пути движения человечества к коммунизму. Вся современная наука, весь практический опыт человечества дают неопровержимые доказательства того, что в мире много еще непознанного, но принципиально непостижимого нет ничего.

Исследуя вопросы познания и подытоживая их, В. И. Ленин сделал три важных гносеологических вывода:

«1) Существуют вещи независимо от нашего сознания, независимо от нашего ощущения, вне нас...

2) Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится «по ту сторону» явлений (Кант) . . . все это пустой вздор... выверт, выдумка.

3) В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [1].

2. ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА КАК ОСНОВА И ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ

Понятие практики. Одним из коренных принципов теории познания является верное понимание сущности человеческой практики, ее места и роли в познавательном процессе. Люди покоряют силы природы, создают матери-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 102.

альные и духовные ценности, изменяют общественные отношения. Все это составляет деятельность людей. Она носит осознанный, целенаправленный характер. В сознательных действиях человека отчетливо выражена их устремленность к достижению конечного результата. Способность ставить цели и намечать определенные планы отличает деятельность человека от поведения животного. Человек не только изменяет то, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель.

Деятельность человека, на какие бы виды она ни подразделялась, в конечном счете сводится к производству либо материальных, либо духовных ценностей. Эти сферы деятельности отличны друг от друга и по способу их осуществления, и по результатам, и по общественному назначению. Материальная деятельность людей составляет практику. Практика — это прежде всего чувственно-предметная деятельность, направленная на преобразование вещей и явлений с целью придания им формы и содержания, призванных удовлетворять человеческие потребности.

Правильное понимание взаимоотношения теории и практики, места и значения практики для познания — кардинальная проблема теории познания, которая так или иначе решалась на протяжении всей истории философии. Однако в ее домарксистский период она не получила последовательно научного решения. Идеалисты трактовали практику как преимущественно духовную деятельность. А метафизические материалисты рассматривали практику крайне ограниченно, главным образом как опыты ученого в лаборатории, как научное наблюдение и эксперимент.

Роль общественной практики в познании оказалось возможным понять научно лишь в связи с разработкой материалистического понимания истории, что составляет великую заслугу основоположников марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что люди начинают свою историю не с теоретического отношения к действительности, а с практического воздействия на нее и что, стало быть, теоретическая деятельность производна от практической. Став отправным пунктом материалистического понимания истории, общественная практика превратилась в исходный пункт теории познания марксизма. Марксизм истолковал общественную практику как отправной пункт не только теории, но и истории познания и показал, что в ходе изме-

нения предметов в процессе общественного труда формировался сам субъект познания — человек. Марксизм тем самым истолковывает процесс познания как изначально общественный и исторически развивающийся. Он впервые обосновал и осуществил сознательное соединение теории и практики. Выводя теорию из практики, он подчинил ее интересам революционного преобразования мира. Таков смысл знаменитого одиннадцатого тезиса Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [1]. Изменение мира предполагает предвидение объективных тенденций его развития, познание его закономерностей.

Таким образом, в отличие от прежнего материализма марксизм включает общественную практику в теорию познания.

Основным, исходным видом общественной практики является материальная, производственная деятельность людей. Из всего того, чем когда-либо занимались и занимаются люди, материальное производство — первейшее и самое необходимое. Оно поглощает основную долю активного времени общества, привлекает к себе подавляющее большинство людей. Это и понятно. Чтобы жить, люди должны иметь средства к существованию, а чтобы иметь их, они должны трудиться. Жизнь общества невозможна без труда. Человек не может довольствоваться тем, что природа дает ему в готовом виде. Соединяя свой труд с веществом природы, используя ее законы, люди изготовляют такие вещи, которых нет в природе.

Весьма важным видом практики является революционная деятельность народных масс, направленная к изменению общественных отношений. Наконец, к практике относится научный эксперимент.

Практика — движущая сила развития познания. Движущей силой познавательного процесса является общественная практика. Она ставит перед познанием определенные проблемы и требует их решения.

Из настоятельных нужд общественной практики выросли все науки. Например, астрономия зародилась как ответ на потребности земледелия и мореплавания. «Необходимость вычислять периоды подъема и спада воды в Ниле,— писал Маркс,— создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руково-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 4.

дителей земледелия» [1]. Однако астрономия могла развиваться лишь с помощью математики, которая также складывалась под воздействием хозяйственных и военных нужд. Из потребностей строительства различных сооружений, развивающихся ремесел и земледелия родилась механика. Потребности в лечении болезней человека вызвали к жизни медицину, анатомию, физиологию.

Великое учение марксизма возникло в связи с неодолимой потребностью пролетариата осмыслить объективные закономерности общественного развития, осознать свою историческую роль и научно обосновать пути революционного преобразования общества.

Таким образом, история убедительно доказывает, что нужды общественной практики играют решающую роль в развитии познания. Отрицать решающее воздействие практики на развитие научного познания — значит не понимать пути и перспективы познавательной деятельности людей, что может нанести серьезный ущерб развитию теории и практики, а следовательно, и интересам общества.

Общественная практика играет роль основы и движущей силы познания и в том смысле, что она указывает на явления, изучение которых имеет особенно важное значение для общества: изменяя в процессе труда предметы действительности, человек тем самым выявляет в них их новые, ранее неизвестные ему свойства и делает их предметом изучения.

Общественная практика, и прежде всего производственная деятельность людей, предоставляет в распоряжение людей необходимые средства исследования, техническую аппаратуру, во много раз умножающую силу наших органов чувств. Современное научное познание немыслимо без электронного микроскопа, радиотелескопа, вычислительных машин и т. д.

3. УЧЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА ОБ ИСТИНЕ

Понятие истины. В основе марксистско-ленинской теории познания лежит признание реального существования материального мира и его отражения в сознании человека. Познание есть процесс проникновения мысли в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 522.

объект, а познавательной целью этого процесса является постижение истины.

Что такое истина? Это правильное, выверенное практикой отражение действительности в сознании человека, воспроизведение познаваемого предмета таким, как он существует вне и независимо от нашего сознания.

Проблема истины — одна из центральных проблем теории познания диалектического материализма. Это и понятно. Научная теория не имела бы никакой практической ценности, если бы она не давала истинного знания о действительности.

В идеалистической философии истина трактуется или как согласие мысли с самой собой, или как некая вечная идея, существующая помимо сознания человека в «царстве чистой мысли», или как форма психического состояния человека (например, как соответствие мышления ощущениям). Иногда под истиной понимается результат произвольного соглашения (конвенции) — истинно то, что признается таковым определенной группой людей.

Марксистско-ленинская теория познания отвергает все эти воззрения как научно несостоятельные.

Познание есть отражение действительности в сознании человека. Это отражение может быть объективно верным, а также извращенным, фантастическим. Неверное отражение действительности в сознании человека образует различные формы лжи, заблуждения, галлюцинации, иллюзии, бред больной фантазии и т. д.

Прогресс общества, разумная ориентировка человека в окружающем мире и особенно эффективное преобразование действительности осуществляются не благодаря, а вопреки заблуждению, в силу верного, истинного отражения вещей, их свойств и отношений.

Объективность истины. Истина характеризует содержание человеческого знания, его соответствие или несоответствие предмету познания.

Последовательное проведение материализма в теории познания предполагает признание объективного смысла всех умственных построений, всех результатов познания, умение в любом исследовании четко отделять объективное от субъективного, правду от вымысла.

В. И. Ленин характеризует объективную истину как такое содержание человеческих представлений, которое «не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от

человечества...» [1]. Это ленинское положение следует понимать не в том смысле, будто бы истины, как таковые, ведут какое-то самостоятельное, независимое от сознания человека существование. В объективном мире существуют не истины, а предметы, их свойства и отношения, которые отражаются нами в истинных, верных ощущениях, восприятиях, представлениях и понятиях.

Независимость содержания наших знаний от человека и человечества означает объективность этого содержания, его независимость от произвола людей, их пристрастий и интересов. Разве, например, зависит от человека, если он, обладая нормальным строением органов чувств и мозга, воспринимает чистый снег как нечто белое? Конечно, не зависит.

Всякое знание, если оно верно отражает действительность, есть объективно истинное. Объективность — это неотъемлемое свойство любой истины. Необъективных истин не бывает. Если знание необъективно, то это уже не истина, а ложь, вымысел, иллюзия, обман или заблуждение, ошибка.

В истории науки нередко бывало так, что люди принимали за истину такое знание, которое не соответствовало действительности. Например, долгое время утверждали, что движущей силой развития человеческого общества являются идеи, воля, эмоции великих исторических личностей. Но этот взгляд был ошибочным. Учение марксизма-ленинизма о том, что общество развивается под решающим влиянием процесса производства материальных благ, что народ есть творец истории, представляет собой объективную истину, которая верно отражает действительные закономерности общественного развития.

Абсолютная и относительная истина. В процессе познания человек не может сразу целиком и полностью воспроизвести и исчерпать содержание объекта.

Ленин считал важным для теории познания выяснить, «могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно?» [2]. Это вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины. «Человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 123.
[2] Там же.

цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира...» [1] В отличие от метафизического материализма диалектический материализм рассматривает истину как исторически обусловленный процесс. Всякая теория обусловлена исторически и потому заключает в себе не полную, а относительную истину. Знания людей не есть нечто окостеневшее, застывшее. Они отличаются известной неполнотой, незавершенностью. Изменяющаяся действительность может быть верно познана лишь с помощью изменяющихся представлений и понятий.

Движение действительности отражается в движущихся, развивающихся понятиях. «...Человеческие понятия,— указывает В. И. Ленин,— не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» [2].

Относительная истина — это неполная, незавершенная, неокончательная истина. Исторический прогресс в познании истины заключается в том, что неполные, односторонние знания заменяются более полными, многосторонними, глубокими и точными. «Мысль человека,— отмечал Ленин,— бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*» [3].

Познание есть развитие истины, а последняя выступает как результативное выражение исторически определенной ступени нескончаемого процесса познания, состоящего из отдельных звеньев. Истина есть процесс бесконечного накопления знаний, который последовательно проходит в своем развитии определенные ступени.

Противоречивость исторического процесса познания действительности выражается в том, что истинное знание нередко переплетается с заблуждением, одностороннее знание объекта выдается за его полное знание. Примеров подобного рода немало в истории науки. Материалистическая диалектика, по словам Ленина, «признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» [4]. По мере развития познания люди все больше и больше

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 164.
[2] Там же, стр. 226—227.
[3] Там же, стр. 227.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 139.

преодолевают относительность истины, прибавляя к познанию моменты абсолютного знания.

Абсолютная истина представляет собой исчерпывающее знание о предмете, о тех или иных его свойствах и отношениях. Если знание не может быть опровергнуто при дальнейшем прогрессе научного исследования, то мы имеем дело с абсолютной истиной.

Абсолютная истина представляет собой либо результат познания отдельных сторон изучаемых предметов и явлений (например, констатацию существования фактов), либо окончательное постижение каких-либо общих свойств материи (например, того, что материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях). К абсолютному относится то содержание относительной истины, которое сохраняется как нечто исчерпывающее, устойчивое в процессе изменяющегося, прогрессирующего человеческого знания.

Понятие абсолютной истины употребляется и в смысле исчерпывающего «всеведения», к которому человечество стремится, полностью никогда не достигая его. Восхождение к абсолютному познанию мира идет через ступеньки относительных истин. Абсолютная истина, писал Ленин, «складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [1].

Конкретность истины. Абстрактной истины нет. Истина всегда конкретна. Что это значит? Любая истина связана с теми условиями, в которых находится предмет познания. Объективно истинное отражение предполагает учет всех существенных свойств и отношений предмета исследования.

Признать этот научный принцип — значит подходить к истине не отвлеченно, не в отрыве от жизни, но в связи с конкретными условиями, исторически. Принцип конкретности истины требует подходить к фактам не с общими формулами и схемами, а с учетом реальных условий взаимосвязи явлений. В. И. Ленин постоянно критиковал догматический подход к истине. «...Всякая абстрактная истина становится фразой, если применять ее к *любому* конкретному положению» [2]. В догматизме слепая верность

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 137.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 396.

какой-либо идее, уже переставшей соответствовать жизни, превращается в ревизию, измену самому духу теории. Живая душа марксизма — в конкретном анализе конкретной ситуации.

Замечательным образцом конкретной истины в социальном познании являются следующие ленинские положения. В предисловии ко второму изданию работы «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал, что положение о буржуазном характере предстоявшей тогда в России революции было истиной. «Это положение марксизма совершенно непреоборимо. Его никогда нельзя забывать...

Но его надо уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла... т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом. Про таких людей, которые выводят, напр., руководящую роль «буржуазии» в революции или необходимость поддержки либералов социалистами из общей истины о характере этой революции, Маркс повторил бы, вероятно, приведенную им однажды цитату из Гейне: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»» [1].

Мастерски применяя общие истины марксизма к изменившимся историческим условиям, Ленин сделал замечательный вывод о том, что гегемоном в предстоящей революции будет не буржуазия, как утверждали меньшевики, а пролетариат.

Всякую истину, говорил Ленин, можно превратить в абсурд, если ее распространить за пределы ее действительной применимости. Ставить, например, вопрос о формах борьбы пролетариата вне исторически конкретной обстановки — значит не понимать азбуку диалектического материализма, нарушать принцип конкретности истины.

Критика релятивизма и догматизма. Марксистско-ленинское понимание истины несовместимо как с абсолютизацией достигнутых научных истин, т. е. с догматизмом, так и с субъективистским, скептическим их умалением.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 14.

Догматизм и релятивизм представляют собой разновидности метафизического способа мышления. Догматики возводят в абсолют момент устойчивости в содержании знания, а релятивисты — момент изменчивости, текучести. Догматики рассматривают вещи и их отражения в нашем сознании в статическом состоянии, в отрыве от вечно изменяющейся действительности. Они склонны оперировать раз установленными положениями в любом конкретном случае без учета того, что обстановка изменилась и требует иного подхода, корректировки теоретических положений, приближения их к новым условиям. Нарушая принцип конкретности истины, догматики превращают знания, истинные в одних условиях, в универсальную схему, которая будто бы подходит к любым условиям, а на деле искажает действительность.

Диалектический материализм несовместим с догматизмом, это вечно живое, творческое учение. Марксисты-ленинцы руководствуются этим учением, однако они не смотрят на марксизм как на нечто законченное и неприкосновенное. Это учение необходимо развивать и обогащать новыми достижениями науки и практики, с тем чтобы оно не превратилось в догму, оторванную от жизни.

Блестящие образцы творческого подхода к марксизму дал в своих трудах В. И. Ленин. К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что социалистическая революция произойдет одновременно во всех или большинстве цивилизованных стран. Они исходили из того, что в эпоху домонополистического капитализма последний не успел еще полностью освоить внутренние рынки, тогда еще не было острых и длительных конфликтов на почве передела и раздела мира. В силу этого капиталистические страны могли бы легко объединиться и задушить даже в зародыше социалистическую революцию в какой-либо стране. В этих условиях лишь объединенные усилия пролетариев многих развитых капиталистических стран могли бы привести к победе над капиталом. Этим и руководствовались марксисты всех стран.

В конце XIX и начале XX в. капитализм превратился в империализм. Исследование изменений в характере проявления закона неравномерности развития капитализма на его империалистической стадии дало В. И. Ленину основание прийти к выводу о невозможности одновременной победы революции во всех странах и о возможности победы социализма первоначально в немногих

или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране.

Догматизм представляет собой опасную форму отрыва теории от практики. Некоторые догматики под личиной своей верности принципам марксизма-ленинизма извращают эти принципы, наносят серьезный ущерб международному коммунистическому движению.

Диалектический подход к истине несовместим и с релятивизмом. Релятивисты исходят из принципа: раз все в мире преходяще, то научная истина отражает лишь данный момент; поэтому то, что вчера было истиной, сегодня оказывается заблуждением.

Если в жизни нет ничего устойчивого и мысли не на чем остановиться, то признание объективной истины есть химера, а познание вообще невозможно. Релятивизм, следовательно, подрывает веру в силу научного познания. Критикуя релятивизм, В. И. Ленин подчеркивал: «Диалектика,— как разъяснял еще Гегель,— *включает в себя* момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но *не сводится* к релятивизму» [1].

Исходя из принципа относительности знаний в смысле исторической условности пределов приближения к полному знанию, диалектический материализм отвергает крайние выводы релятивизма, согласно которым характер человеческого знания исключает признание объективной истины.

Практика как критерий истины. В истории развития теории познания проблема критерия истины всегда занимала и поныне занимает одно из центральных мест. Определяя путь и источник своей познавательной деятельности, люди всегда задумывались над тем, каким образом отделить истинные мысли от ложных и как достичь достоверного знания. Идеалисты, выводя содержание знания из глубин человеческого духа, ограничиваясь сверкой одних идей и теорий с другими, обрекают себя на бесплодное вращение в замкнутом кругу разума. Но не только идеалисты, а и домарксовские материалисты оказались не в состоянии научно решить вопрос о критерии истины. Они либо игнорировали роль практики как критерия истины, либо сводили ее лишь к эксперименту, наблюдениям или к индивидуальной деятельности отдельных людей.

Диалектический материализм исходит из того, что единственно научным критерием истинности наших знаний

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 139.

о действительности является общественная практика — материальное производство, революционная деятельность масс, научный эксперимент. «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,— писал Маркс,— вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [1].

Критерий истины не может быть обнаружен ни в самом объекте познания, ни в сознании субъекта. Истина как верное отражение действительности в сознании человека предполагает определенное взаимоотношение субъекта и объекта. А основой этого познавательного взаимоотношения является практическая, предметно-чувственная деятельность людей, направленная на преобразование мира природного и социального.

Говоря о практике как «верховном судье» достоверности человеческих знаний, диалектический материализм имеет в виду предметно-чувственную деятельность не отдельного человека, не единичные случаи воздействия людей на окружающий мир, а опыт всего человечества в его историческом развитии.

Марксистско-ленинская теория познания диалектически подходит к самой практике, вскрывая ее исторический характер и тем самым различную возможность в удостоверении истинности человеческих знаний. Одно дело — опыт первобытных людей, вооруженных каменными орудиями, и совсем другое — опыт современных людей, вооруженных новейшими достижениями науки и техники.

Диалектический характер практики состоит и в том, что она выступает как единство абсолютного и относительного. Практика абсолютна как процесс, но она относительна как отдельный акт. Абсолютность практики как критерия истины заключается в том, что все доказанное практикой является объективной истиной. Но практика не может на каждом данном этапе полностью подтвердить или опровергнуть все теоретические положения, и в этом смысле она относительна.

Непрерывное развитие практики не позволяет нашим знаниям превратиться в абсолют. В то же самое время аб-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 1—2.

солютность практики как критерия истины дает возможность отличать объективно истинные знания от вымысла, заблуждений. «Этот критерий,— писал В. И. Ленин о практике,— тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [1].

В ходе развития науки постоянно нарастает сила абстрагирующей мысли. Знания приобретают все более отвлеченный характер. Особенно это характерно для таких наук, как математика, теоретическая физика, кибернетика и т. п. Поэтому результаты познания получают все более опосредованную форму, что осложняет их проверку практикой. Вместе с тем в связи с бурным техническим прогрессом все больше сокращаются сроки внедрения научных достижений в производство, а стало быть, и проверка истинности результатов научных исследований.

Формы практической проверки истинности знаний многочисленны. Это и лабораторный эксперимент, подтверждающий или отвергающий ту или иную гипотезу ученого. Это астрономическое наблюдение с помощью телескопа и искусственных спутников. Это промышленное и сельскохозяйственное производство, дающее путевку в жизнь научным достижениям. Проверка результатов социального познания осуществляется всей общественной жизнью. Так, верность, научная истинность марксизма-ленинизма получила свое воплощение и подтверждение в таких событиях всемирно-исторического значения, как Великая Октябрьская социалистическая революция, построение социализма и строительство коммунизма в нашей стране, образование мировой системы социализма, классовая борьба в капиталистических странах, национально-освободительное движение угнетенных народов.

Диалектико-материалистическому пониманию критерия истины противостоят ошибочные идеалистические воззрения.

Например, с точки зрения прагматизма истинны те мысли, которые полезны, ведут к успеху, лучше «работают» на нас. Прагматизм субъективно-идеалистически понимает практику. Он отождествляет ее с ощущениями человека, отрицает достоверность наших знаний о мире.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 146.

Согласно прагматизму, человек действует в полном неведении о законах мира; мир — это будто бы хаос ощущений и переживаний, лишенный внутреннего единства и не поддающийся разумному познанию. Прагматисты говорят: быть может, мы находимся в мире так же, как собаки и кошки в наших библиотеках; хотя они видят книги и слышат разговор, но во всем этом для них не заключено никакого смысла.

Согласно прагматизму, человек руководствуется в своем поведении не знаниями, а слепой религиозной верой. Прагматизм считает религиозные представления весьма полезными, а потому и истинными. Мир с точки зрения прагматизма есть то, что из него делает человек, который создает его по своему произволу. Прагматизм насквозь субъективен.

Реакционный характер прагматизма в политическом отношении заключается в оправдании авантюризма в политике, агрессивных тенденций и устремлений империалистической буржуазии.

Ошибочность субъективистского подхода к критерию истины заключается в том, что он истину ставит в зависимость от субъективных интересов и стремлений людей. Марксизм же исходит из того, что критерий истины не лежит в познающем субъекте, а истина не может отождествляться с пользой. Истинность знания определяется не его пользой, а тем, что оно верно отражает действительность. Конечно, знание есть сила, но принести пользу обществу знание может только тогда, когда оно истинно. «Для материалиста,— учил В. И. Ленин,— «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем»[1].

4. ЧУВСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ И ЕГО ФОРМЫ

Чувственные образы и их объективное содержание. Познание в конечном счете всегда начинается с непосредственного живого созерцания. Характеризуя путь познания человеком действительности, В. И. Ленин писал: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *исти-*

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 142.

ны, познания объективной реальности» [1]. Живое созерцание — это активное чувственное познание. Начальной формой и источником знаний являются ощущения и восприятия. Предметы и явления природы действуют прежде всего на органы чувств человека. Ощущения возникают под влиянием процессов, исходящих из внешней по отношению к человеку среды и действующих как раздражители на наши органы чувств. Иначе как через ощущения мы ни о каких свойствах, ни о каких формах движения материи ничего узнать не можем. Внешними раздражителями являются, например, механическое давление, звуковые и световые волны, запахи, вкусовые, температурные воздействия. Они воспринимаются пятью органами чувств человека: зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания. А этим органам чувств соответствуют пять видов ощущений: зрительные (световые и цветовые), слуховые, вкусовые, обонятельные и осязательные (тактильные).

Ощущения возникают также под влиянием процессов, происходящих внутри организма, например пищеварения, сокращения мускулов, выделений.

Какой бы предмет человек ни наблюдал, он обязательно отражает прежде всего его внешние, доступные органам чувств признаки: цвет, форму, звук, твердость, мягкость, запах и др.

Каждый орган чувств имеет нервные окончания, которые принимают воздействия из внешней среды. Нервные окончания, когда они принимают определенные воздействия или сигналы, приходят в состояние возбуждения, которое по соответствующим нервам передается в кору головного мозга. Там-то и возникают ощущения, например, цвета, звука, запаха, вкуса, прикосновения.

Ощущения являются образами, отражениями, копиями или своего рода снимками отдельных свойств предметов или явлений объективного мира.

В. И. Ленин рассматривал ощущения и представления как субъективные образы объективного мира. Это значит, что, будучи отражением действительности, образ не существует и не может существовать вне конкретно-исторической личности со всеми индивидуальными особенностями ее анатомо-физиологической организации, психического склада, опыта, интересов и склонностей, накладывающих свой отпечаток и на ощущение. Ощущения определенным

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

образом зависят от развития нервной системы и мозга, от состояния организма в целом, от богатства или бедности практического опыта людей, от уровня исторического развития знаний человечества. Субъективность образов означает, что они не тождественны вещам, их свойствам и отношениям, ибо они есть идеальная форма их воспроизведения, отражения в нашей голове, в сознании.

Когда мы говорим о субъективности образа, то имеем в виду не искажение действительности, а то, что этот образ есть нечто идеальное, т. е., как указывал Маркс, материальное, пересаженное в человеческую голову и переработанное в ней. Субъективность образа, за исключением случаев патологии, не является свидетельством слабости человеческого познания. Именно это обеспечивает возможность познания человеком объективного мира. Познание всегда есть деятельность субъекта по отражению действительности.

Когда же мы говорим о том, что содержание наших ощущений и восприятий объективно, то мы имеем в виду тот факт, что содержание наших ощущений более или менее верно отражает предметы, явления, их свойства и отношения.

Ощущения человека содержат в себе в идеальной форме то, что реально находится вне ощущения, в окружающем мире. Ленин показал, что ощущаются не ощущения, а свойства реальных вещей. Ощущений вообще не существует безотносительно к предметному миру. В этом состоит сущность материалистического подхода к трактовке ощущений.

Критика теории иероглифов. Рассмотрение ощущений как субъективных образов объективного мира, как копий, снимков с действительности несовместимо с трактовкой их как каких-то знаков, символов, иероглифов. Представителем теории иероглифов был немецкий ученый Г. Гельмгольц. Он исходил из того, что ощущения — это только символы, иероглифы, вызываемые внешними воздействиями, но не имеющие с ними сходства. Гельмгольц говорил, что ощущения сходны с внешними предметами не больше, чем имя человека с ним самим. Иероглифический подход к ощущениям связан с идеями «физиологического» идеализма, восходящего, к немецкому физиологу И. Мюллеру, полагавшему, будто каждый орган чувств представляет замкнутую в себе систему, обладающую внутренне присущей ей «специфической энергией». Мюллер исходил из

того бесспорного факта, что один и тот же раздражитель, например электрический ток, при воздействии на орган зрения вызывает зрительные впечатления, при воздействии на орган слуха — слуховые, при воздействии на орган вкуса — вкусовые и т. д. Когда же разные раздражители воздействуют на один и тот же орган чувств, то они вызывают один и тот же эффект. Отсюда он сделал вывод, что ощущения не отражают свойств вещей, а выражают состояния органов чувств, обусловленные их специфической энергией. Показывая полную несостоятельность взглядов Мюллера, Ленин писал: «Идеализм этого физиолога состоял в том, что, исследуя значение механизма наших органов чувств в их отношении к ощущениям, указывая, например, что ощущение света получается при различного рода воздействии на глаз, он склонен был выводить отсюда отрицание того, что наши ощущения суть образы объективной реальности» [1].

Коренной порок концепции И. Мюллера состоит в том, что он считал, будто органы чувств производят ощущения сами по себе. Мюллер рассматривал органы чувств в полном отрыве от внешней среды, под воздействием которой и в единстве с которой они на деле формировались и развивались. Так, орган слуха развивался в направлении все более адекватного отражения звуковых явлений, которые играют важную роль в жизни организма. А это возможно лишь в том случае, если ощущения выступают как субъективные образы вещей, их свойств и отношений. Специфичность наших органов чувств не только не препятствует познанию действительности, но, напротив, обеспечивает наиболее точное отражение объективных свойств предметов внешнего мира.

Процесс правильного отражения внешнего мира обеспечивается также тем, что различные органы чувств действуют не изолированно друг от друга, не сами по себе, а в тесной взаимосвязи.

Восприятие и представление и их познавательное значение. Отражение различных сторон предмета данным органом чувств и одновременная взаимосогласованная работа различных органов чувств приводят к тому, что человек отражает не отдельные, изолированные свойства предметов, а весь предмет в целом. Любой предмет обладает множеством самых разнообразных свойств и отношений.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 322.

Рассмотрим, например, комок снега. Он белый, имеет определенную форму, объем, вес и т. д. Все эти свойства объединены в одном предмете. И человек воспринимает и осмысливает их не порознь, а как единое целое.

Образ предмета в целом, воздействующего на органы чувств, называется восприятием.

Сообразно тем ощущениям, которые лежат в основе восприятий, последние делятся на зрительные, слуховые, осязательные и т. д. Чаще всего в основе восприятий лежат сочетания различных видов ощущений. Например, восприятие предмета, который человек держит в руке, основывается на сочетании осязательных, мускульных, а также и зрительных ощущений.

Ощущения и восприятия человека развились на основе общественной трудовой деятельности. Создавая все новые и новые предметы, человек тем самым увеличивал количество предметов восприятия. С изменением объектов восприятия, с развитием практики изменялись и сами восприятия. Отсюда понятны слова Маркса, что человеческий глаз видит иначе, чем грубый, нечеловеческий глаз, что человеческое ухо слышит иначе, чем грубое ухо.

Восприятия человека более развиты и совершенны, чем восприятия у животных. Человек не ограничивается показаниями своих органов чувств. Он присоединяет к ним самые разнообразные приборы и тем самым усиливает мощность восприятий.

Ощущения и восприятия представляют собой источник всех наших знаний о действительности, то живое созерцание, с которого начинается диалектический путь познания реальности. Но процесс познания не ограничивается ими. На основе ощущений и восприятий в мозгу человека возникают представления.

Предметы и явления внешнего мира воздействуют на органы чувств человека определенное время. Потом это воздействие прекращается. Но впечатление о воздействии не исчезает сразу же бесследно. След воздействия запечатлевается и сохраняется в памяти. Мозг обладает способностью воспроизводить в сознании образы предметов, не воздействующих в данный момент на человека.

Способность мозга запечатлевать, сохранять воздействия внешней среды и в нужный момент воспроизводить их называется памятью. Память имеет огромное значение в жизни человека. Без этой способности человек каждый раз воспринимал бы предметы как совершенно незнакомые.

Он не узнавал бы их. А без этого невозможно было бы никакое познание и, следовательно, никакое целенаправленное воздействие человека на внешний мир.

Образы тех предметов, которые когда-то воздействовали на органы чувств человека, а потом восстанавливаются по сохранившимся в мозгу следам и при отсутствии самих этих предметов, называются представлениями. Представления — это высшая форма чувственной ступени познания действительности.

То, что в обыденной жизни называется элементарным знанием, является в сущности наличием в мозгу человека соответствующих обобщенных представлений, которые как бы лежат в большом количестве в глубине сознания и всплывают на его поверхность по мере надобности. Человек может представить себе виденное или слышанное и сделать соответствующее описание того, что он воспринимал раньше. Из имеющихся представлений человек может создавать различные комбинации, строить новые представления, т. е. образы таких предметов, которых он, быть может, никогда сам не видел.

Такой процесс соединения и преобразования различных представлений в целую картину новых образов называется воображением.

Воображение сложилось и развилось у человека в процессе трудовой деятельности. Оно имеет огромное значение в искусстве, технике, науке и вообще везде, где требуется творчество, а не простое копирование существующего в жизни.

Воображение является более сложной формой деятельности мозга человека, чем ощущения и восприятия. Но познание и творчество не останавливаются и на этом. Они идут дальше и глубже. А это достигается с помощью абстрактного мышления.

5. ЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И ЕГО ФОРМЫ

Мышление как опосредованное и обобщенное отражение действительности. Жизнь человека, потребности трудовой деятельности очень сложны и многообразны. Они ставят перед человеком задачу проникнуть в суть вещей, чего нельзя достичь лишь с помощью ощущений, восприятий, представлений. Ответить на чрезвычайно сложные запросы жизни человек в состоянии с помощью мышления. Так,

например, при изучении экономических форм мы, по словам Маркса, не можем пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами, их должна заменить сила абстракции, сила нашего разума, мышления.

Мышление — это опосредованное и обобщенное отражение в мозгу человека существенных свойств, причинных отношений и закономерных связей вещей. Мышление представляет собой активный творческий процесс, направленный на решение практических и теоретических задач, на получение новых результатов.

Мышление было бы совершенно излишне, если бы познание причинных отношений вещей и законов жизни давалось человеку без труда и если бы было достаточно взглянуть на вещи, чтобы проникнуть в их сущность. Дело в том, что сущность вещей, их причинные отношения и закономерные связи скрыты от взора человека. Они постигаются только с помощью абстрактного мышления.

Восприятия внешнего мира доставляют мышлению необходимый материал, который оно перерабатывает в более сложные формы познания, отражающие наиболее глубокие свойства и связи вещей.

Исходя из того, что содержится в ощущениях и восприятиях, мышление проникает в то, что не дано и не может быть дано в чувственном познании. Основываясь на непосредственных впечатлениях и накопленном личном и общественном опыте, человек поднимается в процессе познания на более высокий уровень проникновения в действительность. Он переходит от поверхностных связей вещей к глубоким связям, т. е. от явлений — к сущности, от менее глубокой сущности — ко все более глубокой сущности. Человек решает те или иные практические и научные проблемы, выдвигает гипотезы, проникает в причины возникновения явлений.

Историческое развитие человеческого мышления идет в направлении все более полного и глубокого постижения закономерностей развития природы, общества и сознания.

Процесс абстрактного мышления, всегда включающий в себя в той или иной мере наглядные образы, осуществляется как процесс построения понятий, суждений, систем суждений и целых теорий.

Современные понятия, суждения и теории суть результат истории познания. Они подверглись предварительной обработке предшествующими поколениями людей и являются продуктом длительного развития мышления чело-

вечества. Они усваиваются каждым человеком в ходе его индивидуального развития в готовом виде, в той или иной мере критически перерабатываются и уточняются. Используя усвоенные знания, люди в результате своих исследований приходят к образованию новых понятий, суждений и теорий, проникают в сложные явления природы, общества и самого мышления. При этом познавательная деятельность каждого человека осуществляется в неразрывной связи с другими людьми, так что результаты мышления каждого отдельного человека являются в конечном счете общественным продуктом.

В отличие от чувственной формы познания, которая носит непосредственный характер, мышление есть опосредованная форма познания мира. Опосредованный характер мышления заключается в том, что человек через доступные органам чувств свойства, связи и отношения предметов проникает в скрытые свойства, связи и отношения предметов мира.

Человек воспринимает, например, гром и молнию. Он может вспомнить о них в любое время, т. е. у него могут всегда возникнуть представления об этих явлениях. Они знакомы ему. Но человек не удовлетворяется одним лишь внешним впечатлением, получаемым от них. Он стремится узнать, что скрывается за этими явлениями природы, чем они вызываются, какова их причина. Путем научного исследования, различных опытов, наблюдений и сложных расчетов установлено, что молния и гром возникают в результате электрического разряда между облаками или между облаком и землей. Осмыслив это явление, человек понял причину возникновения молнии и грома.

Опосредованный характер мышления заключается, далее, в том, что человек познает действительность не только в результате своего личного опыта, но и косвенным путем, усваивая в процессе общения знания других людей.

Кроме того, человек может приходить к установлению научной истины путем логического рассуждения, т. е. посредством умозаключений, исходя из анализа и сопоставления уже известных ему, проверенных практикой положений. Мышление всегда есть решение какого-либо вопроса, которое основывается на достигнутом уже знании.

Необходимым и очень важным приемом мышления является обобщение. Мышление — это обобщенное отражение мира.

Обобщение есть процесс мышления, в котором человек от мыслей об отдельных предметах или группах предметов переходит к мыслям, относящимся к более широкому кругу предметов. Обобщение происходит в результате сравнения сходных в том или ином отношении предметов. Так, например, сравнивая между собой различные деревья, человек находит сходство между определенными деревьями по форме, цвету, строению и образует общие понятия: «дуб», «береза», «клен». Отвлекаясь от видовых особенностей дуба, березы, клена, человек находит общие признаки между этими видами деревьев и образует понятие дерева вообще. Так же образуются общие понятия «животное», «камень» и т. д.

Процесс обобщения играет огромную роль в познании закономерных связей вещей. Наблюдая последовательность происходящих перед ним событий, человек замечает, что одно и то же явление систематически следует за другим, что эти явления связаны между собой и что эти связи постоянно повторяются. Люди, например, много раз подмечали, что в результате трения одного предмета о другой возникает тепло и что эта последовательность причины и следствия все время повторяется. На основе этих наблюдений и их обобщения был открыт закон, который гласит, что всякое механическое движение превращается в тепло.

Так постепенно человек открывал в явлениях природы все новые и новые законы, т. е. существенные, повторяющиеся, устойчивые связи.

Знание законов имеет исключительно важное значение в жизни человека. Познав законы и опираясь на них, человек приобрел огромную силу воздействия на природу и общественную жизнь.

Связь мышления с языком. Люди живут в обществе и трудятся не в одиночку, а сообща.

Обмен мыслями является постоянной, изо дня в день возобновляющейся жизненной потребностью человека. Обмен мыслями осуществляется с помощью языка и обеспечивает организованные совместные действия людей при производстве материальных благ, в борьбе с силами природы и перестройке общественной жизни в интересах трудящихся. Посредством языка мысли отдельных людей превращаются из их личного достояния в общественное достояние, в духовное богатство всего общества. Мысль не имела бы общественного значения, если бы она остава-

лась в голове одного человека и не становилась достоянием других людей.

В качестве средства общения, обмена мыслями исключительную роль играет письменная речь. Фиксируя мысль в письменной форме, человек делает ее достоянием не только своих современников, но и последующих поколений. Именно благодаря письменной речи мысли, идеи и знания каждого поколения людей не умирают вместе с ним.

Письменная речь помогает изучать настоящее, а также далекое и близкое прошлое народов. Она предоставляет нам поистине неограниченную возможность запечатлеть и сохранить огромную массу знаний, приобретенных народом. Без письменной речи человек был бы не в состоянии физически удержать в своей памяти знания, которыми располагает человечество на данном уровне его исторического развития.

В истории общества каждое данное поколение посредством языка овладевает опытом предыдущих поколений, обогащает этот опыт и передает его опять-таки с помощью языка последующим поколениям. Люди освобождаются, таким образом, от необходимости вновь и вновь повторять тот путь исканий и заблуждений, который проходили предшествующие им поколения.

Язык — это универсальное средство выражения мысли. Самые высокие достижения человеческой мысли, глубокие знания и пламенные чувства останутся неизвестными для людей, если они не будут ясно и точно оформлены в словах.

Выраженная в устной или письменной речи, т. е. заключенная в определенную материальную оболочку, которая воспринимается органами чувств, мысль оказывается доступной для понимания ее человеком. С помощью языка мысль не только формулируется, но и формируется. Сама по себе мысль нематериальна. Ее нельзя ни увидеть, ни услышать, ни осязать, ни попробовать на вкус. Мысль невозможно воспринять органами чувств.

В процессе взаимного общения, обмена мыслями непосредственно на органы чувств и мозг слушающего или читающего воздействуют не мысли, а колебания частиц воздуха или графическое изображение слов на бумаге. Процесс общения осуществляется в форме взаимного воздействия словами. Но за внешним обменом словами реально скрывается обмен мыслями. Слушающий ощущает и воспринимает материальный облик слов в их связи, а осознает

то, что ими выражается,— мысли. Взаимный обмен мыслями представляет собой процесс не передачи мысли, а вызывания соответствующих мыслей у слушающего.

Язык служит средством понимания не только чужих мыслей, но и своих собственных. Выражая свои мысли, человек тем самым отчетливее уясняет их сам.

Будучи условием возникновения мышления, язык вместе с тем является необходимым орудием мышления и для слушающего, и для говорящего.

Мышление и язык находятся не в механическом взаимодействии, а в неразрывной органической связи. Их нельзя отделить друг от друга, не разрушая того и другого. Не только язык не существует вне мышления, но и мысли, идеи не существуют оторванно от языка.

Процесс мышления не предшествует и не может предшествовать во времени процессу словесного выражения мышления. Мышление совершается не до облачения его в формы языка, а на основе языка. Мышление и формулирование мысли в словах — это не два каких-то последовательных во времени процесса: сначала процесс мышления, а затем речевой процесс выражения мышления,— а одновременный, единый процесс словесного мышления и осмысленной речи.

Процесс словесного мышления может и должен предшествовать процессу внешней речи, процессу внешнего речевого выражения мышления. Поэтому оказывается возможным сначала думать «про себя», не высказывая своих мыслей, а потом говорить, т. е. выражать, сообщать свою мысль другим. Но это не значит, что предварительное размышление «про себя» происходит в виде движения мыслей в чистом, оголенном виде. И до того как человек говорит, он думает посредством языка, на основе языка.

Общение людей в обществе происходит не только с помощью обычного, естественного языка, но и посредством искусственных языков, представляющих собой систему специально выработанных знаков. Примером искусственного языка являются математическая символика, химические формулы, различные схемы, световые, звуковые сигналы и т. п. Что такое знак? Это какое-либо явление, которое обозначает или представляет другое явление. Например, красный свет светофора означает: «Переходить дорогу нельзя». Специфика знака заключается в том, что его собственное содержание не имеет, как правило, никакого сходства с обозначаемым предметом.

Искусственные языки возникают только на основе естественных языков, они дополняют их, и поэтому их нельзя отрывать от естественных языков. Развитие познания происходит не путем замены естественных языков искусственными, а путем совершенствования естественных языков и возникновения новых искусственных языков. Искусственные языки играют большую роль в научном познании: они делают изложение содержания более строгим, сжатым; с помощью искусственных языков можно достичь высокой точности знания.

Основные формы логического отражения действительности — понятия, суждения, умозаключения. Посредством мышления образуются понятия и суждения, на основе которых развивается способность к умозаключению. Понятия, суждения и умозаключения являются основными формами мышления.

Понятие — это мысль, отражающая предметы в их общих и существенных признаках. Если, например, в восприятии мы отражаем внешний облик данного Ивана или Павла, а в представлении — типичный облик человека вообще с характерными для него внешними признаками (прямой походкой, руками, ногами, головой и т. п.), то в понятии о человеке мы не ограничиваемся отражением этих признаков, а раскрываем его более глубокие, существенные признаки. Содержанием понятия «человек» охватываются его существенные признаки: общественное существо, способное производить орудия труда, использовать их в своем воздействии на окружающий мир и обладающее сложно организованным мозгом, сознанием и членораздельной речью.

Понятия как форма мышления, схватывающие (понять — буквально значит «схватить», «объять», «поймать») отдельные группы сходных предметов, крайне разнообразны по своей глубине. Различают научные и житейские понятия. Примером первых могут служить такие понятия, как «масса», «энергия», «дифференциал», «химический элемент» и т. п. К числу вторых относятся понятия о предметах, с которыми человек имеет дело в повседневной жизни (например, «стол», «окно», «дом» и т. п.). Понятия отличаются от ощущений, восприятий и представлений по способу образования и выражения, а также по своим возможностям. С помощью понятий человек проникает в то, что недоступно ощущениям, восприятиям и представлениям. Человек не может, например, воспринимать скорость

света, строение атома, работу мозга, но он может отразить все эти явления с помощью понятий. Будучи не в состоянии воспринять эти явления, он может понять их.

Понятия не существуют в голове человека изолированно друг от друга. Чтобы отразить взаимную связь и взаимозависимость явлений, понятия вступают в определенные связи между собой. «Каждое понятие,— писал В. И. Ленин,— находится в известном **отношении**, в известной связи со *всеми* остальными» [1]. Они возникают и существуют лишь в определенной связи, в виде суждений. Мыслить — это значит судить о чем-либо, выявлять определенные связи и отношения между различными сторонами предмета или между предметами.

Суждение — это такая форма мысли, в которой посредством связи понятий утверждается или отрицается что-либо о чем-либо. В речи суждение выражается в виде предложения.

По отношению к действительности суждения оцениваются как истинные или как ложные, т. е. как соответствующие или не соответствующие ей. Как истинность, так и ложность мыслей человека в конечном счете обосновываются и проверяются практикой.

К тому или иному суждению человек может прийти или путем непосредственного наблюдения какого-либо факта, или опосредованным путем — с помощью умозаключения. В умозаключении проявляется опосредованный, творческий характер человеческого мышления.

Умозаключение — это процесс мышления, в результате которого из двух или нескольких суждений выводится новое суждение. Например, зная, что все металлы проводят электричество и что медь есть металл, человек делает вывод, что медь проводит электричество. Здесь из суждений «все металлы проводят электричество» и «медь — металл» выводится новое суждение — «медь проводит электричество». Отдельные суждения в умозаключении можно ставить в определенную логическую связь потому, что во внешнем мире, который определяет процесс рассуждения, предметы и явления, зафиксированные в суждениях, находятся между собой в определенной взаимозависимости.

В научном познании действительности существенное значение имеет *гипотеза*. Она включает в себя вероятные суждения, умозаключения, предположения, догадки, ос-

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 179.

нованные на наблюдении, обобщении фактов, на совокупном знании, но еще не доказанные.

Практика в конечном итоге или подтверждает гипотезу, превращая ее в теорию, или опровергает. О роли гипотез в открытии законов природы Ф. Энгельс писал: «Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающаяся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов *в чистом виде* для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона» [1].

В процессе мышления возникают идеи. *Идея* есть единство отражения действительности и целевого устремления. Например, говорят: «Возникла идея написать книгу». Идея есть необходимая ступень перехода от мысли к действию, от идеального к реальному. Идея находится в тесной связи с другими формами мышления. Она есть понятие, суждение или умозаключение, несущее своего рода заряд действия или схватывающее суть, принцип чего-либо.

В идее с особой силой выражается конструктивно-творческий характер человеческого мышления. Характеризуя идею, В. И. Ленин писал: «Идея есть *познание* и стремление (хотение) [человека]... Процесс (преходящего, конечного, ограниченного) познания и действия превращает абстрактные понятия в *законченную объективность*» [2].

Верно отражая действительность, закономерности общественного развития, прогрессивные общественные идеи мобилизуют массы на революционные действия. Ярким примером этого являются великие идеи марксизма-ленинизма.

Человеческое мышление обладает относительной самостоятельностью. Это значит, что человек имеет возможность логически связывать и развивать в своем сознании мысли таким образом, что они оказываются не только копией вос-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 555.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 177.

принимаемых предметов и их связей, а творчески преобразованным отражением, в котором мысль предвосхищает естественный ход событий. И в этом смысле сознание может отрываться от непосредственного отражения действительности. Такое отражение, если оно соответствует закономерностям реального мира, является субъективной предпосылкой преобразующей практической деятельности человека. С помощью мышления человек осуществляет научное предвидение, которое основывается на распространении вскрытых законов на область еще не известных или еще не существующих в наличии явлений. Замечательными образцами силы научного предвидения являются выводы классиков марксизма-ленинизма о путях развития человечества, о социалистической революции, о социализме и коммунизме.

Единство чувственного и рационального в познании. Начинаясь с ощущений и восприятий и поднимаясь на уровень логического мышления, познание представляет собой единый процесс. Объективной основой единства и различия чувственного восприятия и мышления являются реальное единство и различие внешних и внутренних сторон в вещах. Но единство рационального и чувственного предполагает не только их различие, но и противоречие между ними. Некритическое отношение к показаниям органов чувств может привести к различного рода заблуждениям. Например, восприятие временно́й последовательности событий иногда принимается за причинную связь, видимое движение Солнца вокруг Земли — за действительное и т. д.

Ссылаясь на ошибки органов чувств, рационалисты пришли к выводу, что чувственное познание — это недостоверная форма знания. Они умаляют роль чувственного познания, преувеличивают значение мышления, разума как будто бы единственного источника достоверного знания. Эмпирики же, ссылаясь на заблуждения, проистекающие из отвлеченного мышления, отрывающегося от действительности, умаляют роль разумного познания и абсолютизируют значение чувственного познания.

Диалектический материализм отвергает обе эти точки зрения как метафизические. Единство чувственного и рационального моментов в познании выражается в том, что и исторически, и в ходе индивидуального развития чувственное познание служит исходным пунктом, первой ступенью познавательной деятельности. Нет ничего в мыш-

лении, что бы не прошло через органы чувств. Человек даже на уровне логического мышления продолжает опираться на чувственно воспринимаемый материал в виде наглядных образов, различных схем, символов, на чувственную форму языка.

Интуиция. Критика иррационализма и интуитивизма современной буржуазной философии. В постижении человеком действительности существенное место занимает интуиция, т. е. непосредственное проникновение в суть вещи, явления без обоснования с помощью доказательства. Так, опытный врач почти мгновенно, по одному лишь виду человека, страдающего душевным расстройством, порой может уразуметь суть болезни. Сущность интуиции состоит в том, что человек может приходить к выводам, опуская промежуточные звенья аргументации, не осознавая всю ту совокупность связей, на основании которых делается вывод. Могущество интуиции вырастает, как правило, лишь на основании большого опыта, культуры теоретического и практического мышления.

Диалектико-материалистическое понимание интуиции как формы познания, в которой слиты в единый «сплав» мысль и чувства, не имеет ничего общего со взглядами на интуицию различного рода мистиков и идеалистов. Если, с точки зрения интуитивистов, интуиция есть особое мистическое состояние человека, особый экстаз, религиозное напряжение, в процессе которого человеку открывается истина без всяких познавательных предпосылок, то для диалектического материализма интуиция представляет собой как бы свернутую, сконцентрированную логику мысли, отражающую логику объективной действительности.

Диалектико-материалистическое понимание интуиции несовместимо с антинаучными рассуждениями иррационалистов, умаляющих познавательные способности человеческого разума и выдвигающих на первый план слепую веру, инстинкт, ложно истолкованную интуицию. Это реакционное течение, получившее особенно широкое распространение в современной буржуазной философии, ставит своей целью доказать бессмысленность стремления науки постичь прежде всего законы и тенденции развития человеческого общества.

6. МЕТОДЫ И ФОРМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Наряду с общей методологией — материалистической диалектикой, определяющей общее направление научных поисков, в каждой конкретной области знания применяются специальные методы и методики, с помощью которых достигаются определенные результаты.

Современная наука представляет собой разветвленную систему знаний. Соответственно с этим она имеет и огромный арсенал методов исследования; многообразие их обусловлено богатством самой действительности, требующей различного подхода к разным явлениям. Так, методы, используемые при исследовании общественных явлений, определяются спецификой социальной формы движения материи, ее закономерностями и сущностью; точно так же биологические методы должны сообразовываться с сущностью биологических форм движения материи. Статистическая закономерность, которая существует объективно в массе случайных явлений и которая характеризуется специфическим взаимоотношением между случайным и необходимым, единичным и общим, целым и его частями, составляет объективную основу статистического метода познания. По мере углубления научного познания количество методов, применяемых наукой, непрерывно возрастает.

Однако, несмотря на большое разнообразие методов, их можно разделить на две категории. Первую и самую многочисленную группу составляют так называемые *конкретнонаучные, или специальные, методы*. Все они применяются либо в более узкой, либо в более широкой предметной области соответственно их степени общности. Специальные методы, используемые, например, в археологии или в географии, могут не выходить за пределы этих наук. А скажем, физические и химические методы применяются не только в физике и химии, но и в астрономии, биологии, археологии, истории, искусствоведении. В настоящее время исключительно широкое распространение во всех науках получили математические методы. И это вполне естественно. Математика изучает количественные и пространственные отношения предметов и явлений, а эти отношения свойственны всем вещам, предметам и явлениям объективного мира. Но, несмотря на широкое применение, математические методы носят узкоспециальный характер, поскольку они имеют дело лишь с одной стороной действительности,

Применение метода одной науки в других областях знания осуществляется в силу того, что их объекты подчиняются законам этой науки. Например, физические и химические методы применяются в биологии на том основании, что объекты биологического исследования в той или иной мере включают в себя физические и химические формы движения материи. При этом метод, характерный для одной области знания, действует в других областях уже как подчиненный.

Разработка и теоретическое обоснование специальных методов осуществляются в лоне конкретных областей знания.

Вторую, менее многочисленную категорию приемов изучения действительности составляют *общенаучные методы*. Их иногда называют также философскими. Они в той или иной степени применяются во всех науках, и это является их отличительной особенностью. По сравнению с конкретно-научными приемами функции этих методов менее специфичны, а сфера приложения шире. Их принципы отражают более общие стороны действительности и благодаря этому в более обширных границах регулируют познавательный процесс.

К общенаучным методам относятся наблюдение и эксперимент, анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и гипотеза, логическое и историческое, абстрагирование и идеализация, обобщение и ограничение, восхождение от конкретного к абстрактному, сравнение, моделирование и др. Эти методы составляют необходимое звено логики научного познания и широко используются в творческом познавательном процессе.

Имея более высокую степень общности, общенаучные методы оперируют тем конкретно-научным материалом, который добывается посредством практики и конкретно-научных методов познания. Многие из них, как, например, индукция и дедукция, анализ и синтез, логическое и историческое, абстрагирование и идеализация, играют большую роль в дальнейшем обобщении результатов познания, их систематизации, получении новых выводов из накопленного запаса знаний.

Общенаучные методы не подменяют конкретно-научных приемов исследования, напротив, они преломляются в последних и находятся с ними в глубоком диалектическом единстве. Вместе с ними они выполняют общую задачу — отражение объективного мира в голове человека.

Общенаучные методы значительно углубляют познание, позволяют вскрывать более общие свойства и закономерности действительности.

Наблюдение и эксперимент. К методам научного познания, широко применяемым в исследовательской деятельности, особенно в области естествознания, относятся наблюдение и эксперимент. Под наблюдением имеют в виду восприятие, живое созерцание, направляемое определенной задачей. Наблюдая, например, за развитием растения, ботаник выявляет его особенности, приходит к постижению закономерностей его жизни.

Существенными условиями научного наблюдения являются выдвижение той или иной гипотезы, идеи, предварительное изучение истории данной проблемы, знание того, что человек предполагает увидеть. Наблюдение зачастую осуществляется с помощью соответствующих приборов (микроскопа, телескопа и т. п.).

Важным методом научного исследования является эксперимент, т. е. такое изучение объекта, когда исследователь активно воздействует на него путем создания искусственных условий, необходимых для выявления соответствующих свойств, или же путем изменения хода процесса в заданном направлении.

Активный эксперимент, воспроизводящий исследуемый процесс в относительно чистом виде, применим не везде. Он широко распространен в физике, химии, биологии, физиологии и других науках о природе. Возможности эксперимента в астрономии появились лишь в самое последнее время в связи с созданием искусственных спутников. Эксперимент приобретает все большее значение в социальных исследованиях.

Анализ и синтез. Познавательная деятельность человека, направленная на раскрытие существенных свойств, отношений и связей предметов, прежде всего выделяет из совокупности наблюдаемых фактов те, которые вовлекаются в его практическую сферу. Человек мысленно как бы рассекает, расчленяет предмет на составляющие его стороны, свойства, части. Изучая, например, дерево, человек может выделить в нем разные части и стороны: ствол, корни, ветви, листья, цвет, форму, размеры и т. п.

Анализ как прием мышления представляет собой мысленное разложение предмета на составляющие его части или стороны.

Анализ дает человеку возможность отделить предметы или какие-либо их стороны от тех случайных и привходящих связей, в которых они даны ему в восприятии. Без анализа невозможно никакое познание.

Будучи необходимым приемом мышления, анализ является лишь одним из моментов познавательной деятельности человека. Анализ не производится в отрыве от других приемов мышления. Невозможно вполне познать суть предмета, только разлагая его на те элементы, из которых он состоит. Добиваясь путем анализа, расчленения частей целого и познания их особенностей, человек еще не выявляет их связи. Последняя устанавливается путем синтеза.

Синтез представляет собой мысленное объединение расчленяемых анализом элементов.

Человек разлагает мыслью предмет на составные части для того, чтобы сначала обнаружить сами эти части, чтобы узнать, из чего состоит целое, а затем рассматривает его как составленный из этих частей, но уже обследованных по отдельности.

Анализ и синтез берут свое начало в практической деятельности человека, в его труде. Человек научился мысленно анализировать и синтезировать лишь на основе практического расчленения, рассечения, разрубания, разламывания, соединения, составления предметов при изготовлении орудий, одежды, жилищ и т. п.

Лишь постепенно осмысливая то, что происходит с предметами при выполнении практических действий с ними, человек стал мысленно анализировать и синтезировать вещи. Анализ и синтез являются основными приемами мышления, потому что процессы соединения и разъединения, созидания и разрушения составляют основу всех процессов мира и практической деятельности человека.

В мире происходят непрекращающиеся процессы разрушения и созидания, разложения и соединения. Тела отталкиваются и притягиваются, химические элементы вступают в связь и разъединяются. Живой организм непрерывно образуется путем ассимиляции и разлагается путем диссимиляции.

Воздействуя на природу согласно ее же законам, человек не творит из ничего, а лишь преобразует существующее. Непосредственное физическое соединение и разложение, осуществляемые человеком в ходе его практической деятельности, и получили свое отражение в соответствующих приемах мышления.

Индукция и дедукция. В качестве метода исследования индукцию можно определить как процесс выведения общего положения из наблюдения ряда единичных фактов. Наоборот, дедукция — это процесс аналитического рассуждения от общего к частному или менее общему. «Индукция и дедукция,— писал Ф. Энгельс,— связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ... Вместо того чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга» [1].

Индуктивный метод познания, требующий идти от фактов к законам, диктуется самой природой познаваемого объекта: в нем общее существует в единстве с единичным, частным. Поэтому для постижения общего, закономерного нужно исследовать единичные вещи, процессы. Индукция играет огромную роль в открытии законов, в выдвижении гипотез. Объективным условием индуктивного познания является повторяемость того или иного явления.

В. И. Ленин отмечал, что «самая простая истина, самым простым, индуктивным путем полученная, **всегда** неполна, ибо опыт всегда незакончен» [2].

Индукция является лишь моментом движения мысли. Она тесно связана с дедукцией. Любой единичный объект может быть осмыслен, лишь будучи включенным в систему уже имеющихся в нашем сознании понятий.

Диалектика абстрактного и конкретного в познании. Под абстрагированием имеется в виду процесс отвлечения, мысленного отбрасывания тех предметов, свойств и отношений, которые затрудняют рассмотрение объекта исследования в «чистом» виде, необходимое на данном этапе изучения. Чтобы мысленно воспроизвести предмет исследования в «чистом» виде, «надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа» [3].

Вопрос о том, что́ в объекте исследования выделяется нашей мыслью и от чего она отвлекается, решается в конечном счете практикой, теми задачами, которые ставит перед собой человек. Так, например, исследуя закономер-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 542—543.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 384.

ности смены общественно-экономических формаций в истории человечества, ученый отвлекается от конкретных особенностей жизни тех или иных стран, народов и берет то общее, что характерно для данного способа производства, скажем феодализма или капитализма.

Посредством абстрагирующей работы мышления возникли все понятия, категории науки: «материя», «движение», «пространство», «время», «товар», «деньги», «биологический вид» и т. п.

Абстрагирование — это лишь промежуточный момент движения мысли в глубь предмета. От отдельных абстракций мышление движется к конкретному как единству отдельных абстракций, представляющему собой более богатое по содержанию знание. Понятие конкретного употребляется и в смысле чувственно воспринимаемого, и в более глубоком смысле — многостороннего знания в форме связи понятий в целостную научную теорию. Такое движение мысли от отдельных абстракций к синтетическому их единству в теории именуется методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Исторический и логический методы познания. Объективным основанием этих методов являются реальная история развития познаваемого объекта во всем ее конкретном многообразии и основная, ведущая тенденция, закономерность этого развития. Так, всемирная история развития человечества представляет собой динамику жизни всех народов нашей планеты. Каждый из них имеет свою неповторимую (в полном смысле этого слова) «биографию», свои особенности, получившие выражение в быте, нравах, психологии, языке, культуре и т. п. Всемирная история — это бесконечно пестрая картина жизни человечества различных эпох и стран. Тут и необходимое, и случайное, и существенное, и второстепенное, и уникальное, и сходное, и единичное, и общее. Но, несмотря на бесконечное многообразие жизненных путей различных народов, в их истории есть нечто общее. Все народы, как правило, прошли через одни и те же общественно-экономические формации. Общность жизни человечества проявляется во всех областях: и в хозяйственной, и в социальной, и в духовной. Вот эта общность и выражает объективную «логику истории». Исторический метод предполагает исследование конкретного процесса развития, а логический метод — исследование общих закономерностей движения объекта познания.

Характеризуя суть и различие этих методов, Энгельс писал: «С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [1].

Между историческим и логическим методами существует единство, поскольку и тем и другим методом исследуется предмет в его развитии. Но история, по словам Энгельса, идет скачками и зигзагами, и если следовать за ней повсюду, то пришлось бы не только принимать во внимание обширный эмпирический материал со всеми его незначительными подробностями, но и часто прерывать ход мыслей. Специфика логического метода как раз и состоит в том, что он свободен от этого. Но в сущности логический метод является не чем иным, как тем же историческим способом, только освобожденным от его исторической формы и от нарушающих его случайностей.

Исторический и логический методы являются выражением объективной диалектики бытия, закономерного развития явлений природы, общества и мышления. Эти методы составляют неотъемлемую часть диалектического материализма и имеют важное познавательное значение. Любой предмет может быть верно понят и объективно оценен лишь при том условии, что он рассматривается в конкретных исторических условиях, в исторических связях с другими явлениями, в процессе его последовательного изменения во времени. Весь дух марксизма, говорил В. И. Ленин, вся его система требуют, чтобы каждое положение рассматривать лишь исторически, лишь в связи с другими, лишь в связи с конкретным опытом истории. Замечательными образцами мастерского применения исторического и логического методов в научном исследовании являются труды классиков марксизма-ленинизма. Марксизм-ленинизм рассматривает весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 497.

Роль приборов в познании. Непрерывное и последовательно прогрессирующее развитие техники и науки сделало возможным постоянное расширение границ нашего познания. Аналогично тому как человек в своем практическом взаимодействии с природой не ограничился своими естественными органами, а стал создавать всевозможные орудия труда, так и в своей познавательной деятельности он вышел далеко за пределы естественных возможностей своих органов чувств. Он как бы продолжил и усилил их различными приборами, без которых немыслима современная наука, особенно естествознание. С помощью приборов человек стал проникать в такие области мира, которые недоступны невооруженному глазу, уху или каким-либо другим анализаторам.

Так, например, современный электронный микроскоп, увеличивающий предметы в тысячи раз, дает возможность видеть микробы, которых никак нельзя увидеть невооруженным глазом.

Роль моделей и моделирования в познании. В современной науке и технике все большее распространение получает метод моделирования. Сущность этого метода заключается в воспроизведении свойств объекта познания на специально устроенном его аналоге, модели. Что такое модель? Это условный образ или образец какого-либо предмета, процесса, например модель самолета, парохода и т. п. Между оригиналом и его моделью должно быть подобие, сходство в каком-либо отношении.

Если модель и оригинал имеют одинаковую физическую природу, то это пример физического моделирования. Если же модель имеет иную природу, но ее функционирование описывается системой уравнений, тождественных той, которая описывает изучаемые стороны оригинала, то мы имеем дело с математическим моделированием.

Хотя всякое моделирование огрубляет и упрощает объект познания, оно служит важным вспомогательным средством исследования. Оно дает возможность осуществлять исследование процессов, характерных для оригинала, в отсутствие самого оригинала, что часто бывает необходимо из-за неудобства или невозможности исследования самого объекта.

Наиболее широкое распространение в настоящее время получили электронные моделирующие устройства. Моделью в данном случае являются происходящие в таком устройстве электрические процессы (задаваемые состав-

ленной человеком программой работы устройства), которые воспроизводят реальный процесс. Принцип моделирования составляет основу кибернетики. Моделирование применяется в расчетах траекторий баллистических ракет, в изучении режима работы машин, целых предприятий и т. д.

Формализация и ее значение для познания. Любой процесс познавательной деятельности так или иначе связан с определенной формализацией, т. е. с некоторым отвлечением от конкретного содержания рассматриваемого круга явлений и рассмотрения явлений в более или менее общем виде, со стороны их структуры и логики движения. Весь наш язык, все наше понятийное мышление в той мере, в какой в них отраженное бытие представлено в обобщенном виде, представляют собой какой-то уровень формализации.

Наиболее явственно формализация представлена в таких областях науки, как математика и математическая логика, и вообще в тех науках, в которых широко применяются символика, формулы, различные схемы и т. п.

Возрастание роли математических методов исследования в современной науке. Все современное научное познание развивается по пути постепенного отхода от описательных методов ко все большему использованию точных математических методов. Принципиальная применимость математических методов во всех областях научного познания действительности имеет свое объективное основание в единстве количественной и качественной определенности вещей, процессов реального мира.

Без учета количественных отношений в изучаемом объекте немыслимо вполне адекватно познать закономерности действительности. Вот почему Маркс утверждал, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой.

Количественная и качественная сложность и взаимосвязь изучаемых объектов требуют учета колоссального числа факторов. Это делает необходимым все более широкое применение в научных исследованиях электроники, математики, кибернетики.

Одной из тенденций современного научного познания является нарастание абстрактности знания. Некоторые разделы современной науки поднимаются до таких высот, где уже некоторые положения не могут быть представлены наглядно. Все большую роль играют абстрактные логико-математические и знаковые модели.

Но применение математических методов исследования определяется мерой допустимости абстрагирования количества от качества. И эта мера имеет свои пределы. Чем сложнее явление, тем труднее его подвергать изучению с помощью количественных методов. В социальном исследовании количественные отношения могут продуктивно изучаться лишь через призму их социального смысла, в единстве с качественным, содержательным подходом.

Возрастание роли научного познания в коммунистическом строительстве. Научное познание законов природы и общества имеет огромное практическое значение. Оно дает возможность предвидеть события и управлять ими.

Роль научного познания действительности особенно сильно возрастает в ходе социалистического и коммунистического строительства. Это связано с тем, что коммунистическая формация — первый общественный строй, который развивается в результате осознанной реализации объективных законов истории: случайность и стихийность все больше уступают место сознательному и целенаправленному творчеству народных масс, руководимых марксистско-ленинской партией.

ГЛАВА X

КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

1. ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА В БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Закономерным выражением общего кризиса капиталистической системы является идеологический кризис буржуазного общества. Традиционные буржуазные идеи, идеалы, лозунги потеряли кредит. И хотя в странах капитала буржуазная идеология держит в своих оковах сотни миллионов людей, она уже не воодушевляет их, не может внушить им веры в капитализм. «Все больше людей в капиталистических странах порывают с буржуазным мировоззрением. Буржуазная идеология переживает глубокий кризис» [1].

В наше время идеологи буржуазии уже не могут утверждать, что капитализм является единственно возможной, абсолютной формой общественного производства. Капиталистическому миру противостоит мировая социалистическая система, достижения которой очевидны и для ее врагов. В капиталистических странах все шире развертывается борьба рабочего класса и всех трудящихся за коренные социальные преобразования, которые подрывают основы капиталистического строя. Рухнула колониальная империя мирового империализма. Бывшие колонии встали в своем большинстве на путь антиимпериалистической борьбы, избирают некапиталистический путь развития. Как подчеркивал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, продолжает «крепнуть и углубляться великий союз трех основных революционных сил современности — социализма, международного рабочего движения и национально-освободительной борьбы народов» [2].

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 51.

[2] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 4.

Современный буржуазный идеолог обычно уже не отрицает наличия кризиса капиталистического строя. Он признает этот факт, если не прямо, то косвенно. Но у этого идеолога, разумеется, полностью отсутствует научное представление о причинах, экономической основе общего кризиса капитализма. Он ничего, конечно, не говорит о том, что частная собственность на средства производства стала оковами для дальнейшего развития производительных сил и социального прогресса вообще. Кризис капиталистического строя в изображении буржуазных философов и социологов оказывается лишь кризисом сознания, нравственности, «технической цивилизации», религии, утратой надежд и иллюзий, которые были свойственны идеологии эпохи Просвещения, наконец, кризисом самого человеческого существования. При таком истолковании современного этапа развития капитализма это признание одной лишь духовной драмы, переживаемой буржуазным обществом, нередко становится явным и преднамеренным затушевыванием действительной сущности общего кризиса капитализма. Так, католические философы объявляют причиной кризиса «дехристианизацию», т. е. распространение иррелигиозности и атеизма в массах. Такая постановка вопроса уводит трудящиеся массы с пути борьбы против капитализма.

Буржуазный идеолог отождествляет исторические судьбы капитализма с историческими судьбами всего человечества. Нетрудно понять, что такое отождествление означает смазывание коренной противоположности между капитализмом и социализмом. Если раньше апологеты капитализма всячески подчеркивали эту противоположность и рассуждали о «преимуществах» капитализма, то теперь они проявляют явную склонность к тому, чтобы объединять и капитализм и социализм в понятии «единого индустриального общества». Эта идеологическая переориентация говорит о том, что защитники капитализма уже не смеют прямо утверждать, какой общественный строй они защищают, за что борются.

Буржуазная идеология XIX — начала XX в. прямо провозглашала, что капитализм «вечен», а частная собственность — «естественное» условие человеческого существования. Конечно, и в наши дни еще не перевелись подобного рода апологеты капитализма. Однако наиболее видные его защитники ныне предпочитают доказывать, что капитализм якобы превращается в новый, некапиталистический

строй, в «государство всеобщего благоденствия», в общество «массового потребления», в «народный капитализм» и т. д. Некоторые буржуазные теоретики рекомендуют заменить слово «капитализм» другим, более «благозвучным» названием: «экономический гуманизм», «система свободного предпринимательства», «открытое общество» и т. п. Эта попытка перекрестить капитализм свидетельствует, с одной стороны, об идейной нищете буржуазной идеологии, а с другой — о том, что капиталистический строй морально дискредитирован в сознании масс. Весьма характерно, что антикоммунисты, организующие крестовые походы не только против социализма, но и против буржуазно-демократических гражданских свобод, вместе с тем нередко утверждают, что не социализм, а капитализм преодолевает классовые противоположности, уничтожает нищету, создает возможности для свободного развития личности.

Тщетны попытки современных буржуазных идеологов противопоставить социалистическому строю какую бы то ни было позитивную социальную программу, гуманистический идеал. За разукрашенным фасадом «открытого», «свободного» и тому подобного общества совершенно явственно вырисовывается все тот же капиталистический строй с его кричащими антагонистическими противоречиями и прогрессирующим социальным неравенством. В конечном итоге буржуазная идеология вырождается в социальную демагогию, которая выполняет свою апологетическую функцию путем софистических разглагольствований о том, что капитализм уже перестал быть капитализмом, а социализм трансформирует в капиталистический строй. Такова новейшая идеологическая тактика буржуазии.

Современная буржуазная философия — неотъемлемая составная часть идеологии государственно-монополистического капитализма. Эта философия также служит делу мистификации современной исторической эпохи. Буржуазные философы вольно или невольно, сознательно или бессознательно стремятся идеологически разоружить борющиеся против капитализма массы. Одни из них доказывают, что человеческая природа в сущности неизменна и никакое социальное (а следовательно, и социалистическое) преобразование не может преодолеть «человеческой трагедии», ничем якобы не устранимой дисгармонии человеческого существования. Другие ставят своей целью опровержение

исторической необходимости перехода от капитализма к социализму; они отрицают существование объективных закономерностей общественно-исторического процесса, необходимую связь между социальными явлениями и т. д.

Современные буржуазные философы отбросили прогрессивные идеи и концепции своих выдающихся предшественников, объявив их наивными, не выдерживающими критического анализа. К этим прогрессивным идеям и концепциям относятся: материалистическое понимание природы, атеизм, диалектика, идея социального прогресса и совершенствования человеческой личности, убеждение в безграничных возможностях человеческого познания, уверенность в возможности и необходимости переустройства общественной жизни на разумных началах.

Еще в XIX столетии в буржуазной философии существовали два основных направления: материализм и идеализм. Однако уже в начале текущего века положение существенно изменилось. В этой связи В. И. Ленин отмечал: «...едва ли найдется хоть один современный профессор философии (а также теологии), который бы не занимался прямо или косвенно опровержением материализма» [1]. Это значит, что материализм уже не представляет собой, разумеется в рамках современной буржуазной философии, одного из главных направлений. Имеются, конечно, отдельные представители материализма и среди буржуазных философов. Естествоиспытатели, несмотря на господство идеалистического мировоззрения в условиях капитализма, по существу остаются на позициях материалистической (правда, непоследовательной) философии, хотя далеко не всегда сознательно формулируют свои философские убеждения. Однако в целом противоположность между материализмом и идеализмом далеко вышла за рамки буржуазной идеологии. В условиях общего кризиса капитализма противоположность двух основных направлений в философии стала противоположностью между диалектическим и историческим материализмом, с одной стороны, и всей буржуазной идеалистической философией — с другой.

Современный идеализм существенно отличается от классических форм этой философии. Дело в том, что все существовавшие в прошлом разновидности идеализма давно уже дискредитированы развитием науки и практики.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 13.

Уже в начале текущего века идеалистическая философия выступала под флагом «отрицания» идеализма: ее представители утверждали, что они покончили с идеализмом, поднялись выше противоположности материализма и идеализма, нашли третий — не материалистический и не идеалистический — путь в философии. Эта беспочвенная претензия занять «надпартийную позицию» в философии была разоблачена В. И. Лениным, который писал по поводу попыток махистов отмежеваться от идеализма: «В наше время нельзя философу не объявлять себя «реалистом» и «врагом идеализма»» [1].

Не следует упрощенно представлять себе это противоречие, раздирающее современную буржуазную философию. Дело вовсе не в том, что буржуазный философ, сознательно проповедуя идеализм, столь же сознательно провозглашает себя его противником. Дело, конечно, не в жульничестве, а в глубоком кризисе идеалистической философии, в выявившейся несостоятельности ее основных аргументов. Современные буржуазные философы изменяют аргументацию, отказываются от старых формулировок идеалистических основоположений, отвергают отдельные разновидности идеалистического философствования. Эта модернизация идеализма и представляется им преодолением его несостоятельности. На деле же, как это будет показано дальше, «преодоление» идеализма оказывается лишь новой вариацией на старую идеалистическую тему.

В. И. Ленин отмечал в качестве характерной особенности буржуазной философии начала эпохи империализма чрезвычайное обилие течений и теченьиц, школ и школок, направлений и направленьиц. Эта «анархия философских систем», пользуясь выражением самих буржуазных философов, еще более усилилась за последние полвека и стала очевиднейшим выражением идейного разброда, интеллектуального разложения, короче говоря, кризиса буржуазной идеологии. Конкуренция между идеалистическими философскими учениями свидетельствует о том, что ни одно из них не способно в полной мере выполнить свою идеологическую функцию, каждое из этих учений выступает против других идеалистических теорий, но не против самого идеалистического принципа, а против той или иной его формулировки. В ходе полемики между различными вариантами идеализма, так же как и в процессе их

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 344.

совместной борьбы против материализма, обнаруживается, что ни одна из этих теорий не способна дать разумный ответ на жгучие вопросы, поставленные перед человечеством общественной практикой, развитием науки. Не случайно поэтому буржуазные философские теории сменяют, вытесняют, оспаривают друг друга, создавая иллюзию непрерывно совершающегося поиска истины, иллюзию, которую разделяют и сами буржуазные философы.

Следует также иметь в виду, что наличие на идеологической ярмарке буржуазного общества разнообразных идеалистических теорий отражает качественно различные потребности определенных социальных групп и слоев. Одни идеалистические учения ориентируются на религиозных людей, другие — на неверующих, третьи занимаются проблемами, которые интересуют ученых, четвертые ориентируются на художественную интеллигенцию и т. д.

Пафос истины, тот благородный и возвышенный идеал знания, который вдохновлял великих мыслителей прошлого, утерян современными буржуазными философами. Второстепенные, порой несущественные различия между разновидностями одной и той же идеалистической теории возводятся ими в принцип, рассматриваются как главное, решающее. Так, философия прагматизма, которую Ленин критиковал в работе «Материализм и эмпириокритицизм», выступает у различных представителей этого учения то под названием «инструментализм», то как «гуманизм», то как «экспериментальный натурализм» и т. п. Почти каждый буржуазный философ претендует на создание оригинальной философской системы, считая те изменения, которые он вносит в понимание или изложение давно высказанных философских идей, принципиально новой постановкой или решением коренных философских вопросов.

Современные буржуазные философы постоянно претендуют на то, что они окончательно преодолели ошибки своих предшественников, создали новые философские учения, радикально отличающиеся от существовавших в прошлом учений. На самом же деле современная буржуазная философия носит по существу эпигонский характер, так как она возрождает, модернизирует, приспосабливает к новым условиям философские учения Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Беркли, Юма, Кьеркегора и других мыслителей прошлого. У всех этих мыслителей современные буржуазные философы заимствуют, как правило, наиболее слабые и реакционные стороны их учений.

Этим в значительной мере определяются основные черты современной идеалистической философии.

Наличие в современной буржуазной философии необозримого множества всевозможных течений и школ вызывает необходимость выделения основных черт современной буржуазной философии, ее главных, наиболее влиятельных в настоящее время течений.

Основными чертами современной идеалистической философии являются иррационализм, фидеизм, псевдонаучность. Разумеется, эти черты далеко не в равной мере присущи каждому идеалистическому течению. Речь идет лишь о том, что одна разновидность идеализма носит преимущественно иррационалистический характер, другая непосредственно смыкается с теологией, третья специализируется в области гносеологической проблематики науки и т. д. Это не исключает, конечно, самых различных сочетаний, переплетений иррационализма с фидеизмом или псевдонаучностью. Существуют поэтому религиозно-иррационалистические и наукообразные фидеистские разновидности идеализма, сочетания иррационализма с атеизмом и т. п. Поэтому, прежде чем перейти к критике главных течений современной идеалистической философии, следует кратко охарактеризовать ее основные черты.

В эпоху утверждения капиталистического способа производства буржуазные философы проповедовали рационализм (от латинского слова ratio — «разум»). Основоположник рационализма Р. Декарт, по словам М. Тореза, «воплощал интеллектуальные устремления и дерзания поднимающейся прогрессивной буржуазии» [1]. Рационализм утверждал, что человеческий разум всемогущ, обладает беспредельной познавательной мощью и способен, познав законы природы, стать ее властелином, подчинить ее своим интересам и преобразовать общественную жизнь на разумных началах. Философы-рационалисты были убеждены в том, что общество благодаря успехам разума, науки, техники движется по пути неуклонного прогресса. Учение рационализма было глубоко оптимистично, и это соответствовало положению, интересам, потребностям европейской буржуазии XVII—XVIII вв.

Со второй половины XIX в. (вскоре после возникновения марксизма), и особенно в XX в., в период империализ-

[1] «La Nouvelle Critique». Revue du Marxisme Militant, 1950, N 19, p. 121.

ма и в последующую эпоху исторического перехода от капитализма к социализму, подавляющее большинство буржуазных философов отрекается от рационализма, объявляет культ разума смешным и наивным, противопоставляет ему воинствующий иррационализм. П. Тольятти указывал на связь иррационализма с кризисом капиталистической системы: «Последним словом буржуазной философии является отчаяние... Исчезла гордая вера человека в творческую силу его разума и в прогресс. Всплывают на поверхность старые идолы, обветшалые суеверия. Эта атмосфера скептицизма, отречения, разложения проникает во все области интеллекта, во все сферы нравственной жизни» [1].

Основным понятием иррационалистического идеализма является понятие иррациональной реальности, т. е. такой действительности, которая представляет собой беспорядочный поток изменений, нечто вроде хаоса, о котором повествует мифология древних. Разумеется, такой, т. е. иррациональной, хаотической, реальности не существует. Наука и практика убедительно доказывают, что все явления, в том числе и случайные, подчинены закономерностям, которые определяют характер свойственного им движения, изменения и т. д. Идеалистическая концепция иррациональной реальности основывается на метафизической абсолютизации стихийности, присущей природным, а частью и социальным процессам. Однако и стихийные процессы подчиняются определенным закономерностям, которые игнорирует иррационализм. Это философское учение противопоставляет волю разуму, бессознательное — сознательному. Сторонники иррационализма утверждают, что действительность рационально непознаваема. Познание алогично, т. е. происходит вопреки логике, вопреки разуму. Главное в познании — сверхразумная, мистическая интуиция, коренящаяся в инстинкте.

Формы иррационалистического идеализма весьма многообразны. Это — бергсонизм, фрейдизм, персонализм, христианский спиритуализм и т. д. Однако наиболее влиятельной разновидностью иррационализма является *экзистенциализм*.

Империализм, указывал В. И. Ленин, есть реакция по всей линии. Закономерным проявлением империалистиче-

---

[1] *Пальмиро Тольятти.* Избранные статьи и речи, т. I. М., 1965, стр. 748, 749.

ской реакции является возрастание политического и идеологического влияния клерикализма. В области философии клерикализм находит свое выражение в возрождении средневековых идей, мобилизации идеологического арсенала средневековья для борьбы против общественного прогресса.

Когда буржуазия боролась против феодализма, ее идеологи разоблачали средневековые порядки как противоречащие человеческой природе, противные человеческому разуму. В то время буржуазные философы решительно выступали против унизительного положения философии как служанки богословия. Империалистическая буржуазия радикально изменила свою социальную ориентацию. Она, как указывает В. И. Ленин, «из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство» [1].

Многие современные буржуазные философы превозносят средневековую схоластику и мистику, идеализируют феодальный быт, когда человек, по их мнению, был ближе к природе и жизнь будто бы носила спокойный, почти идиллический характер.

Некоторые буржуазные авторы пытаются оправдать это попятное идеологическое движение к средневековью как реакцию на имевшиеся в прошлом попытки представить эту историческую эпоху как провал в истории человечества. Однако суть дела не в этом: возрождение средневековых идей имеет своей целью притупить классовое сознание трудящихся масс, примирить классовые противоположности под флагом установления «религиозной солидарности» и укрепления позиции религии, освящающей капиталистический строй. Формы современной религиозно-идеалистической философии (философского фидеизма) весьма многообразны. Наиболее влиятельной среди них является философия *неотомизма*.

Современный капитализм пытается использовать научно-технический прогресс для укрепления своих позиций. Хотя развитие производительных сил в условиях современного капитализма все более обостряет присущие ему противоречия, буржуазия не может обойтись без технического

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 166.

прогресса, без науки. Поэтому она пытается создать такую философию, которая бы выступала под флагом науки, изучала проблемы, возникающие в ходе развития науки, но истолковывала бы их в духе идеализма.

Для этой цели не пригодны ни иррационализм, ни философский фидеизм, который интересуется наукой лишь постольку, поскольку она может быть использована для апологии религии. Необходима специальная «философия науки», непосредственная задача которой сводилась бы к примирению стихийно материалистического (все более приближающегося к диалектическому материализму) естествознания с господствующим в буржуазном обществе идеалистическим и метафизическим миропониманием. В разработке такой «философии науки» принимают участие не только философы, но и некоторые естествоиспытатели, которые нередко подпадают под влияние идеалистической философии, не сознавая этого, т. е. не понимая, что они проповедуют идеализм. Имея в виду одного из таких естествоиспытателей, В. И. Ленин говорил: «Если бы этот физик познакомился *с диалектическим* материализмом, его суждение об ошибке, противоположной старому метафизическому материализму, стало бы, может быть, исходным пунктом правильной философии. Но вся обстановка, в которой живут эти люди, отталкивает их от Маркса и Энгельса, бросает в объятия пошлой казенной философии» [1].

Формы современной буржуазной псевдонаучной философии достаточно разнообразны, однако наиболее влиятельной среди них является *неопозитивизм*.

Таковы основные черты современной буржуазной философии и соответствующие им основные течения современного идеализма. Перейдем теперь к рассмотрению каждого из этих идеалистических течений.

2. ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ — ФИЛОСОФИЯ ВОИНСТВУЮЩЕГО ИРРАЦИОНАЛИЗМА

Возникновение экзистенциализма (от латинского слова existentia — «существование»), или «философии существования», относится к середине 20-х годов XX столетия. Идейные истоки экзистенциализма — религиозно-мистическое учение датского философа С. Кьеркегора, воззрения немецких философов Ф. Ницше, Э. Гуссерля.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 279.

Главным представителем экзистенциализма обычно считают немецкого реакционного философа М. Хайдеггера, опубликовавшего в 1927 г. книгу «Бытие и время». Другим известным представителем немецкого экзистенциализма является К. Ясперс, главный труд которого — «Философия» — вышел в свет в 1932 г. Во Франции видными представителями экзистенциализма являются Ж.-П. Сартр (основная работа — «Бытие и ничто», 1943 г.) и католический философ Г. Марсель.

Экзистенциализм пользуется значительным влиянием также в Италии, Испании, скандинавских странах, Японии. В послевоенные годы экзистенциализм становится философской модой в США, Латинской Америке, Индии.

Экзистенциалистские идеи проповедуются в капиталистических странах не только в специальных, порой совершенно невразумительных трактатах, но и в романах, рассказах, стихотворениях, пьесах, кинофильмах, тем более что некоторые из экзистенциалистов являются талантливыми писателями. Конечно, романы Сартра, пьесы Марселя, повести Камю ни в коей мере не могут рассматриваться как систематическое, аргументированное изложение экзистенциализма; они создают скорее известное умонастроение, определенным образом направляют мышление читателей и зрителей, действуют на них эмоционально. Но все дело в том, что экзистенциализм, несмотря на претензии отдельных своих представителей на логически обоснованное, связное изложение своих принципов, является в сущности лишь определенным (а именно индивидуалистическим, эгоцентрическим, иррационалистическим и пессимистическим) умонастроением. Это в нем главное, определяющее, оказывающее значительное влияние на буржуазную и мелкобуржуазную массу, а также и на интеллигенцию.

Философия, говорит, например, Марсель, в отличие от науки занимается не проблемами, а тайнами. Она не претендует на познание таинственного, а стремится лишь обнаружить его существование, почувствовать его, прикоснуться к нему, жить в атмосфере непостижимого. В отличие от науки философия, по его мнению, не дает ясных формулировок, она представляет собой лишь поиски, попытки. Наука устремлена на частное, она достигает частных истин и успешно формулирует их. Но, заявляет Марсель, «частная истина есть истина безличная; ее ценность как истины и ее безличный характер неотделимы

друг от друга»[1]. Иное дело философская истина. «Истиной, к которой стремится философское исследование, нельзя обладать; она никоим образом не может быть наблюдаема или трактуема как то, что мы имеем (un avoir)»[2].

В том же духе рассуждает и Ясперс. Не существует, говорит он, философии как науки, а есть лишь философствование, особый род человеческого существования, переживания самого себя, самосознания. Наука стремится к объективной, общезначимой истине, философия же дает личные истины, значение которых неотделимо от личного, интимного, неповторимого опыта существования («экзистенциального опыта») отдельного философствующего индивида. Поэтому, согласно Ясперсу, у каждого человека, поскольку он философски мыслит, своя собственная философия. Философия представляет собой лишь особого рода веру, приобретаемую с помощью разума, но не претендующую на логическую доказательность.

Нетрудно понять, что философия, которая принципиально противопоставляет себя науке, объективному исследованию, объективной истине, научному доказательству, по самой своей природе может быть лишь умонастроением, получающим наиболее убедительное выражение не в системе понятий, а в художественных (или претендующих на художественность) образах, описаниях, отдельных фрагментарных сентенциях, афоризмах. Таково отношение экзистенциализма к философии, таков экзистенциалистский принцип философствования, наглядно выражающий распад, деградацию философского мышления современной буржуазии.

Само собой разумеется, что влияние экзистенциализма не может быть объяснено одной лишь свойственной ему литературной формой или истолкованием философии как особого рода переживания, умонастроения. Все эти особенности экзистенциализма играют роль вспомогательного средства и представляют собой форму для иррационалистического, идеалистически-антропологического учения о человеке (и действительности вообще), которое составляет основное содержание экзистенциалистского философствования. Человек — вот та проблема, или, как говорят экзистенциалисты, тайна, на решение которой претендует экзистенциализм.

---

[1] *G. Marcel*. Présence et Immortalité. Paris, 1959, p. 16.
[2] Там же, стр. 17.

Экзистенциализм выступает, с одной стороны, как «философия человека», а с другой — в качестве учения о бытии. Хайдеггер, например, утверждает, что вся предшествующая философия не способна была понять бытие, так как сводила его к совокупности вещей, предметов. Но бытие, говорит Хайдеггер, не есть вещь, предмет, тело и т. п. Что же такое бытие? На этот вопрос Хайдеггер отвечает следующим образом: «Понятие «бытие» не может быть определено. Это вытекает из его высшей всеобщности» [1]. Однако, разъясняет Хайдеггер, неопределимость бытия не означает, что вопрос о нем лишен смысла. Совсем наоборот, вопрос о смысле бытия есть вопрос о человеческом бытии, и поэтому учение о бытии должно быть прежде всего учением о человеке, ибо человек есть бытие, которое вопрошает о бытии, переживает, осознает бытие, составляя тем самым его смысл.

Примерно в таком же духе рассуждает и Сартр. По его мнению, есть «бытие в себе», которое противостоит сознанию — «бытию для себя» как своей абсолютной противоположности. «Бытие в себе» совершенно лишено сознания, а сознание — предметности. Тем не менее «бытие в себе» существует в себе лишь для сознания, а сознание лишь потому лишено предметности (является, по терминологии Сартра, «сознанием сознания»), что оно есть отрицание («неантизация») предметности и, следовательно, также невозможно без нее.

Таким образом, мы находим в экзистенциализме дальнейшее развитие концепции Р. Авенариуса о «принципиальной координации» субъекта и объекта, согласно которой нет объекта без субъекта, но и субъект невозможен без объекта (эта идея о зависимости субъекта от объекта призвана смягчить субъективно-идеалистический тезис о зависимости объекта от субъекта). Однако Авенариус, провозглашая взаимозависимость субъекта и объекта, имел в виду главным образом процесс познания. Экзистенциалисты в отличие от Авенариуса ставят вопрос о взаимозависимости (коррелятивности) человеческого существования и мира, взаимообусловленности переживаний и среды.

Авенариус в конечном счете сводил объект к субъекту, т. е. фактически приходил к выводу, что Земля существует лишь постольку, поскольку она воспринимается.

[1] *M. Heidegger*. Sein und Zeit. Tübingen, 1957, S. 4.

Экзистенциалисты также сводят мир к «человеческой реальности», т. е. все существующее — к переживаемому человеческими индивидами. «Все, что существует,— пишет, например, Ясперс,— сосредоточивается в человеке и исходит от него. Исключить существование человека означало бы *для нас* погрузиться в ничто» [1].

Как видно из этого рассуждения, экзистенциалист, с одной стороны, субъективно-идеалистически редуцирует все существующее к человеку, но, с другой стороны, он оговаривается в том смысле, что мир для человека не существует без человека. Но каков сам по себе мир, что характеризует его существование вне и независимо от человеческого сознания? На этот вопрос, по мнению экзистенциалиста, нельзя дать ответа, так как независимое от человека существование мира будто бы уже предполагает то самое человеческое существование, от которого независим мир.

В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» вскрыл софистический характер этой идеалистической аргументации, широко применявшейся в свое время махистами, и показал, что признание объективной реальности вне и независимо от сознания означает, что наше сознание зависит от внешнего мира, который существовал и тогда, когда не было никакого сознания.

Итак, экзистенциализм сводит проблему бытия к человеческому бытию, а это последнее истолковывается с позиций субъективного идеализма. Однако субъективный идеализм (как станет более очевидным ниже) сочетается в экзистенциализме с элементами объективного идеализма, т. е. с признанием независимой от человека действительности, характеризуемой как нечто нематериальное (поскольку материя отождествляется с предметностью, не существующей, согласно экзистенциализму, безотносительно к человеческому существованию) и принципиально непостижимое.

Отсюда понятно, почему М. Хайдеггер считает великой заслугой И. Канта учение об абсолютной непознаваемости «вещи в себе». Эту же мысль высказывает К. Ясперс: «Кант понял, что мир не есть предмет для нас, а лишь идея, что все, что мы можем познать, есть в мире, но никогда не есть мир; и мы, если хотим познать мир

---

[1] *K. Jaspers.* Rechenschaft und Ausblick. München, 1951, S. 344 (курсив наш.— *Авт.*).

как в себе существующее целое, попадаем в неразрешимые противоречия, антиномии» [1].

Надо сказать, что агностицизм экзистенциалистов существенно отличается от агностических концепций прошлого. Юм, Кант и другие агностики высоко оценивали значение знания, рассматривали стремление к истине как высшую человеческую потребность, доказывая вместе с тем, что вследствие ограниченности познавательных способностей человека у него не может быть объективного по своему содержанию знания.

Совершенно иную позицию занимают экзистенциалисты. Они принижают значение знаний и приходят к выводу, что оно, особенно в своей научной форме, не представляет подлинной жизненной ценности. Научное знание, утверждает, например, Ясперс, носит призрачный, иллюзорный характер. «Как только мы пытаемся познать действительность, она исчезает» [2].

Познание с точки зрения экзистенциализма не является неотъемлемой составной частью целесообразной созидательной деятельности людей. Человек, по мнению Ясперса, страдает не столько от незнания, сколько от того, что он слишком много знает (правда, не о подлинной действительности, а об ее обманчивом, призрачном выражении). Поэтому Ясперс и утверждает, что познание действительности ставит под вопрос само человеческое существование. «Благодаря познанию,— говорит он,— происходит разрушение» [3].

Гносеологический пессимизм экзистенциалистов составляет органическую часть их в целом глубоко пессимистического учения о человеке.

Отождествляя человеческое существование с *переживанием* существования, рассматривая, таким образом, последнее как «особый род чувства» (Марсель), экзистенциалисты утверждают, что не все, чем человек живет, что он переживает, есть существование. Когда человек трудится, отдыхает, занимается самообразованием, радуется по тому или иному поводу, это не существование в экзистенциалистском смысле слова. Это, так сказать, *внешнее* существование, т. е. повседневная, безличная, по учению экзистенциалистов, эмпирическая жизнь индивидов, в которой якобы теряется неповторимая

[1] *K. Jaspers*. Existenzphilosophie. Berlin, 1956, S. 16.
[2] *K. Jaspers*. Von der Wahrheit. München, 1947, S. 31.
[3] Там же, стр. 423.

единичность, единственность каждой отдельной человеческой личности, исчезают те первичные, внутренние, интимные, будто бы независимые от внешнего мира, от других людей переживания, которые и образуют существование (экзистенцию).

Чтобы приблизиться к собственному существованию, необходимо, согласно экзистенциализму, «заключить внешний мир в скобки», т. е. решительно отвлечься от него, замкнувшись в рамки своего сознания. Но и этого мало, ибо, выбросив из своего сознания внешний мир, я все еще нахожу в сознании все то, что я получил из внешнего мира благодаря опыту, образованию и т. д. Необходимо, утверждают экзистенциалисты, отвлечься и от этого «внутреннего внешнего» мира, насколько это, конечно, возможно для каждого из нас. И тогда человек остается наедине с самим собой, тогда его существование является *подлинным*, в то время как в обществе, согласно экзистенциализму, человек ведет *неподлинное* (или отчужденное) существование.

«Человеческая жизнь,— пишет испанский экзистенциалист Х. Ортега-и-Гассет,— есть всегда жизнь каждого отдельного человека, она есть индивидуальная, или личная, жизнь... Человеческим в собственном и первоначальном смысле является лишь то, что я делаю из себя самого и в сознании своей собственной цели...» [1] Резко подчеркивая абсолютную, по его мнению, противоположность личного и общественного, Ортега-и-Гассет называет личное человеческим, а общественное — нечеловеческим. «Общество или коллектив,— утверждает он,— не есть нечто человеческое» [2].

Таким образом, экзистенциалистское, в основе своей субъективно-идеалистическое, учение об экзистенции есть философское обоснование крайнего буржуазного индивидуализма. Экзистенциализм явно игнорирует тот факт, что человеческая индивидуальность, в том числе и одаренность, существует лишь благодаря обществу, благодаря тому, что индивид есть общественное существо и человеческая сущность, как подчеркивал К. Маркс, не нечто, присущее только одному этому, данному единичному индивиду, а представляет собой совокупность всех общественных отношений.

---

[1] *J. Ortega y Gasset*. El hombre y la gente. Madrid, 1957, p. 23.
[2] Там же, стр. 27.

Для того чтобы перейти от безличного человеческого бытия к подлинному экзистенциальному существованию, следует, как считают экзистенциалисты, заглянуть в глаза смерти, т. е. сосредоточиться на осознании собственной неустранимой смертности, вызвать в себе страх смерти, отчаяние. В этой связи французский экзистенциалист Камю говорит: «Имеется только один действительно серьезный вопрос — это вопрос о самоубийстве. Судить о том, что жизнь сто́ит или не сто́ит того, чтобы жить,— значит отвечать на основной вопрос философии... Все остальное — это шутки, так как прежде всего надо отвечать на основной вопрос» [1].

Не приходится разъяснять, что в истории человечества и в современную эпоху имеется немало в высшей степени серьезных проблем, которые, однако, Камю называет шутками. Проблема уничтожения эксплуатации и угнетения человека человеком, нищеты и голода, проблема мирного сосуществования государств с различным социальным строем, угроза термоядерной войны, социально-экономические последствия научно-технической революции — этот перечень нетрудно продолжать. Но для экзистенциалиста все социальные проблемы представляются второстепенными, поскольку он отстаивает крайний индивидуализм и, изолируя личность от общества, противопоставляя ее ему (ад, заявляет один из персонажей пьесы Сартра,— это другие люди), естественно, не может решить вопрос: сто́ит или не сто́ит жить?

Отрывая личность от общества, изолируя ее, экзистенциализм приходит к выводу, что личная жизнь неизменна во все времена, ее не касается мировая история. «Внутренняя душевная жизнь индивида,— говорит К. Ясперс,— принадлежит ему одному, и никакая история не может коснуться этой области» [2]. Эта антиисторическая постановка вопроса о человеке прямо и непосредственно вытекает из экзистенциалистского понимания человеческого существования, из убеждения, что человек есть существо не социальное, а антропологическое.

Экзистенциалисты отличаются от других философов не просто тем, что они больше внимания уделяют проблеме жизни и смерти, а тем, что они превращают смерть

---

[1] *A. Camus.* Le Mithe de Sisyphe. Paris, 1942, p. 19.

[2] *K. Jaspers.* Philosophie, Bd. I. Berlin—Göttingen—Heidelberg, 1956, S. 524.

в основную философскую категорию и считают своим долгом культивировать своеобразный страх смерти. Существование, говорит Хайдеггер, есть «бытие к смерти», смертность составляет основную характеристику человеческой жизни. Хотя Хайдеггер считает свою философию нерелигиозной, такое понимание жизни явно заимствовано из христианского вероучения, которое рассматривает существование человека на Земле как приготовление к смерти. Вот почему представитель так называемого религиозного экзистенциализма Э. Костелли заявляет: «Существовать в мире — значит существовать для смерти» [1].

Хайдеггер подчеркивает, что он не хотел бы своим учением возбуждать обычный «вульгарный» страх смерти, который, по его мнению, проистекает из повседневной «безличной» жизни человеческих индивидов. Хайдеггер пытается доказать, что страх смерти существует до всякого жизненного опыта, так как он неотделим от существования. Но этот страх не осознается человеком, поскольку человек погружен во «внешнюю» жизнь.

Стремление изобразить страх смерти как априорное переживание, не имеющее отношения к внешнему миру, характеризует не только свойственное экзистенциализму субъективно-идеалистическое истолкование личности, но и попытку экзистенциалистов абсолютизировать роль отрицательных эмоций, сделать их определяющими (субстанциальными) в человеческой жизни. Поэтому, согласно учению экзистенциализма, положительные эмоции (радость, удовольствие, чувство собственного достоинства и т. д.) проистекают из внешних эмпирических причин и не характеризуют существования (экзистенции). Только страх (и аналогичные ему забота, тревога, чувство вины и т. п.) составляет подлинное содержание экзистенции.

Марксизм-ленинизм отнюдь не отрицает реальности и значимости трагического. Трагическое существует не только в театральных постановках, смерть человека всегда остается трагическим событием. Однако марксизм отвергает экзистенциалистское утверждение, будто трагическое является определяющим в жизни человека, что лишь страх смерти учит его правильно жить. Экзистенциалистская постановка вопроса о жизни и смерти крайне обедняет содержание личной жизни человека, в значительной мере обесценивает ее, изображает жизнь как лишен-

[1] *E. Costelli*. Existentialisme Téologique. Paris, 1948, p. 16.

ную смысла и т. д. «Абсурдно, что мы были рождены,— пишет Сартр,— абсурдно, что мы умрем; вместе с тем эта абсурдность выступает как непрерывное отчуждение моего бытия-возможности, которое не есть более моя возможность, но возможность других» [1].

Следует, правда, отметить, что понятие «абсурдность» имеет у Сартра и других экзистенциалистов не вполне обычное содержание: речь у них идет о том, что жизнь сама по себе не имеет смысла, лишь каждый из нас придает своей жизни свой смысл. Эта индивидуалистическая концепция смысла жизни связана, как мы увидим дальше, с экзистенциалистским учением об абсолютной свободе как сущности подлинного существования.

Сводя человеческое существование к «первичным», предшествующим жизненному опыту, априорным переживаниям страха, озабоченности, тревоги, вины и т. д., экзистенциализм пытается из этих переживаний вывести качественные характеристики внешнего мира, рассматриваемого как существующий вместе с человеческим индивидом, т. е. образующий составную часть *ситуации* (термин, часто применяемый Сартром), переживаемой человеком.

Если Дж. Беркли рассматривал предметы внешнего мира как комбинации ощущений субъекта (яблоко, например, есть сочетание ощущений круглого, сладкого, упругого и т. д.), то экзистенциалисты изображают внешний чувственно воспринимаемый мир как проекцию, объективацию, воплощение (экстериоризацию, по терминологии Сартра) человеческого страха, тревоги и т. п. Иначе говоря, Беркли «объективирует» элементарные познавательные акты, ощущения, содержание которых он объявляет не существующим объективно, вне ощущений. А экзистенциалисты в отличие от Беркли пытаются доказать, что чувственно воспринимаемый мир возникает в человеческом сознании вследствие боли, страха, испытываемых человеком, а каждый предмет внешнего мира есть отражение этих не имеющих отношения к познанию эмоций. Так, например, Сартр характеризует материю как «угрозу нашей жизни», как «сопротивление нашей работе» и т. п.

Таким образом, экзистенциализм по сути дела означает не только субъективно-идеалистическое истолкование

---

[1] *J. P. Sartre*. L'Être et le Néant. Paris, 1943, p. 632.

личности, но и субъективно-идеалистическое истолкование внешнего, чувственно воспринимаемого мира. Значит ли это, что экзистенциализм не признает никакой независимой от человека реальности? Нет. Экзистенциалисты утверждают, что все чувственно воспринимаемое осознается, познается, существует лишь вместе с человеком и должно быть понято как отчуждение его переживаний. Но за пределами того, что воспринимается, осознается, познается, находится некая непознаваемая, абсолютная реальность (нечто вроде кантовской «вещи в себе»), признание которой основывается не на знании, а на вере, сверхчувственной интуиции и т. п. Экзистенциалисты религиозного толка называют эту «абсолютную реальность» богом, Хайдеггер говорит о бытии, Сартр о «бытии в себе»; кроме того, они признают также независимую от сознания реальность «ничто».

Все экзистенциалисты объявляют бытие, поскольку оно не есть человеческое бытие, сверхчувственной, трансцендентной, недоступной опыту реальностью. Это допущение трансцендентной реальности, аналогичной кантовской «вещи в себе», и есть тот элемент объективного идеализма, который сохраняется экзистенциализмом наряду с основным, определяющим для этого учения субъективно-идеалистическим мотивом.

В своей книге «Введение в философию» Ясперс утверждает: «Реальность мира *призрачно существует между богом и экзистенцией*» [1]. Мир, о котором говорит здесь Ясперс,— это чувственно воспринимаемая объективная реальность. Этому якобы призрачному миру Ясперс противополагает, с одной стороны, бесспорное, не вызывающее сомнений человеческое *Я*, а с другой — бытие бога.

Соответственно этому человеческое существование в смысле экзистенции определяется не только как самоотношение (отношение человеческой личности к себе самой в отличие от ее «внешнего» отношения к предметному миру), но прежде всего как отношение экзистенции к трансценденции (богу), которая называется также собственным бытием (Selbstsein). Экзистенция, говорит Ясперс,— «это то, что соотносится с самим собой и трансценденцией» [2]. В других случаях бог определяется как «бытие в себе», а также как «всеобъемлющее». Существование бога

[1] *K. Jaspers.* Way to Wisdom. London, 1951, p. 80.
[2] *K. Jaspers.* Philosophie, Bd I, S. 15.

человек постигает, согласно Ясперсу, благодаря вере, которая якобы изначально коренится в экзистенции и проявляется как «озарение» (Erhellung), т. е. как мистический экстаз верующего.

Французский религиозный экзистенциалист Г. Марсель утверждает, что бога не следует представлять себе как объективное, внешнее по отношению к субъекту, к человеку. Трансцендентное, или божественное, согласно этой точке зрения, обнаруживает себя в человеческом существовании. Получается нечто вроде теологического варианта «принципиальной координации», коррелятивными сторонами которой оказываются, с одной стороны, человек, а с другой — бог. «Необходимо добиться того,— говорит Марсель,— чтобы не приписывать абсолютному *Ты* объективности, которая разрушила бы его сущность, спасти его существование» [1].

Таким образом, с точки зрения религиозного экзистенциализма «спасти его (бога.— *авт.*) существование» — значит неразрывно связать его с существованием человека, т. е. «доказать», что человеческая жизнь невозможна без признания существования бога. Конечно, такая аргументация в пользу религии не является вполне ортодоксальной с точки зрения католицизма, но она призвана воздействовать на тех, кто уже утерял наивно-догматическую религиозную веру.

Сартр в отличие от Ясперса и Марселя является атеистом и утверждает, что вся проблематика экзистенциализма, и в частности экзистенциалистская концепция существования, возникла из отрицания реальности бога, бессмертия, загробного существования. На место бога Сартр ставит «ничто», т. е. то, чего нет. Но это «ничто» все же есть некая действительность. Она следует из смертности человека, из прекращения его существования. И в этом смысле Сартр утверждает, что «человек — это то существо, благодаря которому порождается ничто» [2]. Хайдеггер также пытается доказать реальность «ничто», хотя и указывает, что к нему неприменимо понятие существования.

С точки зрения диалектического материализма бытие и небытие («ничто») представляют собой единство противоположностей возникновения и уничтожения. В этом смысле небытие нельзя понимать как абсолютное небы-

[1] *G. Marcel.* Journal Mètaphysique. Paris, 1949, p. 304.
[2] *J. P. Sartre.* L'Être et le Néant, p. 80.

тие, это небытие данного конкретного явления, которое, скажем, существовало в прошлом, но не существует в настоящее время.

В отличие от диалектического материализма, признающего лишь относительную противоположность бытия и небытия, экзистенциализм настаивает на абсолютном характере этой противоположности, что ведет к метафизическим и идеалистическим выводам. Экзистенциализм утверждает, что из «ничто» возникает страх и свобода. Страх, как уже разъяснялось выше, согласно учению экзистенциалистов, не имеет причин вовне (в бытии), он коренится в «чистом» экзистенциальном сознании, которое не есть бытие, а следовательно, есть небытие и в этом смысле «ничто».

Такого же рода схоластические аргументы выдвигаются экзистенциалистами для обоснования положения, что свобода коренится в «ничто». Свобода с точки зрения экзистенциализма только в том случае есть свобода, если действия человека ничем не определяются извне и представляют собой ничем не обусловленные акты экзистенции. Эта ненаучная индетерминистическая концепция свободы, наиболее обстоятельно разработанная Сартром, образует одну из важнейших составных частей экзистенциалистской философии.

Таким образом, экзистенциализм отвергает детерминизм, т. е. причинно-следственное объяснение явлений, и прежде всего человеческих действий. Признание необходимости, с точки зрения экзистенциалиста, означает согласие с принуждением, приукрашивание последнего, отречение от собственной воли и тем самым утерю самого себя, ибо человеческая личность и свобода, согласно экзистенциалистскому учению, составляют одну и ту же реальность.

Диалектически относительный характер противоположности свободы и необходимости полностью отвергается экзистенциалистами, которые возрождают метафизический подход к этой проблеме: или свобода, или необходимость, третьего не дано. Соответственно этому свобода рассматривается ими как *произвол*, как такое поведение личности, мотивы которого случайны и в конечном счете могут быть сведены к формуле: так мне хочется.

Классики домарксистской философии (Спиноза, Гегель) правильно указывали, что произвол отнюдь не

является свободой, так как действующий по произволу человек подчиняется любой своей прихоти, страсти, случайному мотиву, он не владеет собой, не может направлять своих действий к какой-либо разумной цели. Именно в борьбе против метафизического толкования свободы как произвола Спиноза и Гегель разрабатывали диалектическое положение: свобода есть познание необходимости.

Марксизм-ленинизм творчески развил на основе материалистического понимания истории это диалектическое положение и доказал, что свобода есть основанное на познании объективных закономерностей практическое овладение необходимостью, господство человека над природой, над самим собой, над общественными отношениями.

Экзистенциализм, отбрасывая выдающиеся достижения философской и социологической мысли в постановке проблемы свободы, игнорирует реальное социально-экономическое, историческое содержание этой проблемы и безоговорочно утверждает: «Нет детерминизма, человек свободен, человек — это свобода» [1]. Нетрудно понять, что этот вывод основывается на субъективно-идеалистическом понимании человеческого существования (экзистенции) как индетерминированной «человеческой реальности».

Выполняя в обществе те или иные функции, обязанности, индивид, согласно экзистенциализму, не является подлинной «экзистенциальной» личностью и поэтому не является свободным. В этом смысле Сартр признает, что, «стремясь к свободе, мы обнаруживаем, что она целиком зависит от свободы других людей и что свобода других зависит от нашей свободы» [2]. Однако это верное положение не приводит Сартра к правильному пониманию свободы как социального явления. Напротив, вывод Сартра сводится к тому, что свобода возможна лишь постольку, поскольку индивид в своем внутреннем интимном существовании (экзистенции) независим от общества и поэтому сам себя определяет, т. е. сам порождает свои цели и мотивы своих действий, как будто бы то и другое может носить только индивидуальный (несоциальный) характер.

Однако свобода, по учению экзистенциализма, не связана с достижением поставленной цели, поскольку индивид не всегда достигает своей цели. Но если индивид

[1] *J.-P. Sartre*. L'Existentialisme c'est un Humanisme. Paris, 1946, p. 13.

[2] Там же, стр. 26.

сознает себя как личность, то он в любом случае остается свободным. Сущность свободы составляет, согласно экзистенциализму, способность личности принимать или отвергать любые мотивы, аргументы, основания. Необходимо, пишет Сартр, «уточнить в противовес обыденному сознанию, что формулировка «быть свободным» не означает «достигать того, что хотели», а означает «определять самого себя в отношении желания» (в широком смысле — в отношении выбора). Иначе говоря, успех не имеет никакого значения для свободы. Дискуссия, которую обыденное сознание навязывает философам, имеет своим исходным пунктом недоразумение; согласно эмпирическому и популярному понятию «свобода», последняя производит исторические, политические и моральные условия, эквивалентные «способности достигать избранные цели». Специальное и философское понятие свободы, единственное, которое мы здесь рассматриваем, означает только одно: автономию выбора» [1].

Итак, с точки зрения экзистенциализма свобода есть в сущности лишь свобода сознания, а не реальная мощь человека, сознательно преобразующего природу, общественные отношения и самого себя. Такое понимание свободы не направлено против существующих в капиталистическом обществе многообразных форм порабощения личности, так как, согласно экзистенциализму, свободен и раб.

Сартр называет свободу автономией выбора, что означает независимость выбора от внешних мотивов, объективной реальности — природы и общества. Эту субъективно-идеалистическую концепцию выбора Сартр пытается обосновать следующим соображением: никто не может выбрать за тебя. Но если даже согласиться с этой абстрактной постановкой вопроса, то и здесь, конечно, следует иметь в виду, что выбор происходит в определенных социальных условиях и, выбирая сам, я поступаю как социальное существо, отнюдь не зависимое от этих условий.

Выбор — это не произвольный акт человеческого индивида. Разве может индивид, например, в условиях капитализма свободно выбрать себе образ жизни, профессию? Если этот индивид принадлежит к господствующему классу, он, конечно, обладает в определенных пределах свободой выбора. Возможности же у трудящегося крайне

[1] *J. P. Sartre.* L'Être et le Néant, p. 564.

ограничены его положением при капитализме. Если он и может в некоторых случаях «выбрать» хозяина, который будет его эксплуатировать, или, скажем, обладает свободой выбора между двумя кандидатами одинаково враждебных его интересам буржуазных партий, то такого рода выбор не дает желанной свободы. Как говорил в свое время Ж. Гед, между чумой и холерой не выбирают.

Важное место в экзистенциалистской концепции свободы занимает отождествление свободы и ответственности, например у Сартра. Поскольку экзистенциалист признает лишь абсолютную свободу, то ответственность он истолковывает как абсолютную: каждый отвечает за всех и за все. Конечно, неплохо напомнить человеку, что он отвечает не только за самого себя, но и за других. Однако экзистенциалистское понятие абсолютной ответственности способно лишь запутать вопрос, поскольку рассуждения об ответственности всех за все явно мешают выявлению действительных виновников.

В конечном счете экзистенциалистская концепция свободы носит сугубо иррационалистический характер именно потому, что она отвергает наличие разумных, т. е. основанных на познании необходимости, мотивов действий человека. Свобода рассматривается как иррациональная стихия, которая владеет человеком, вместо того чтобы он владел ею. Выбор также оказывается с точки зрения экзистенциализма иррациональным, независимым от разума, интереса, чувств, поскольку последние вызваны восприятием внешнего мира или общением с другими людьми.

Сартр утверждает, что человек обречен быть свободным, т. е. не от него зависит, быть или не быть свободным, выбирать или не выбирать. Пессимизм, характерный для экзистенциализма в целом, окрашивает и экзистенциалистское толкование свободы, которая согласно Сартру, коренится в страхе. А поскольку страх по своему основному содержанию есть страх перед смертью, то и свобода, характеризуемая как «фундаментальный» акт человеческого существования, есть прежде всего выбор между жизнью и смертью перед лицом вездесущего и всепоглощающего небытия. Отсюда понятны слова Сартра, что свобода должна корениться «в страхе как единственном источнике ценности и в ничто, посредством которого существует мир» [1].

[1] *J. P. Sartre.* L'Être et le Néant, p. 722.

Таким образом, действительные аспекты развития человеческой свободы — овладение стихийными силами природы, борьба против социального гнета, социалистическое переустройство общественных отношений, развитие человеческого индивида как существа, которое благодаря познанию, обучению, воспитанию обретает способность целесообразно направлять свою деятельность,— выпадают из экзистенциалистской концепции свободы. Свобода оказывается или произволом, или же мистическим слиянием с мифической «трансценденцией» при условии полной отрешенности от реальной, эмпирической жизни. В этом духе, например, истолковывает свободу Ясперс, который стремится доказать, что источником свободы является религиозное чувство. «Человек, действительно осознающий свою свободу, признает тем самым и бога. Свобода и бог неотделимы друг от друга» [1].

Религия, таким образом, рассматривается Ясперсом как форма духовного освобождения личности, в то время как в действительности она является отражением порабощения человека, рабским сознанием. Игнорируя этот факт, Ясперс утверждает, что религиозная вера отрывает человека от мира повседневных забот, ставит его выше всей суеты сует, помогает ему стать самим собой, в то время как «бытие в мире» уводит его от себя самого, обезличивает. Иллюзия духовной свободы, свойственная верующим, выдается за реальный факт, из которого Ясперс делает вывод: «Высшая свобода знает себя в свободе от мира, но одновременно в глубочайшей связанности с трансцендентным» [2]. Такого же рода религиозное истолкование свободы проповедует и Марсель.

Экзистенциализм вопреки всем своим громогласно возвещаемым претензиям оказался неспособным решить ни проблему жизни и смерти, ни проблему личности и свободы. Еще в большей мере несостоятельность и реакционность этой философии обнаружилась в ее попытках философски истолковать общественно-исторический процесс, так как экзистенциализм рассматривает взятую изолированно человеческую личность, и поэтому ему недоступно научное понимание общества как продукта и формы взаимодействия людей. Если экзистенциалисты и говорят

[1] *K. Jaspers.* Einführung in die Philosophie. München, 1959, S. 43.

[2] Там же.

о коммуникации, то они имеют в виду лишь общение между отдельными индивидами, не понимая роли социальных групп, классов, общественного производства, государства в развитии общества и самой человеческой личности.

Отрицая детерминизм, развитие общества, социальный прогресс, необходимость конкретно-исторической оценки общественных явлений, экзистенциалисты рассматривают историю человечества как хаотический поток случайных событий, вызванных волей (свободой) действующих в истории лиц, в особенности выдающихся исторических деятелей. Ставя на место необходимости случайность, экзистенциалисты приходят к парадоксальному выводу, что в истории человечества существенны не те события, которые действительно имели место, а те, которые не совершились, но могли бы совершиться. Историку с этой точки зрения следует не столько восстанавливать, объяснять факты, вскрывать между ними необходимую связь, сколько гадать о том, что могло бы случиться, если бы, например, Наполеон I выиграл битву при Ватерлоо, и т. д.

Нетрудно понять, что все эти рассуждения о возможностях, которые не превратились в действительность, и попытки поставить возможность выше действительности объясняются характерным для экзистенциализма иррационалистическим отрицанием закономерности общественно-исторического процесса. Решающую роль в истории экзистенциализм отводит выдающимся деятелям, идеи, намерения, планы которых якобы порождаются их собственной индивидуальностью (их «демоном», говорит Ясперс), т. е. независимы от окружающей среды. Массы же, по словам Ясперса, «анонимны» и якобы сами не знают, чего они хотят. Масса «возбуждается и направляется пропагандой. Массы нуждаются в представлениях и лозунгах. Им необходимо сказать, чего же они хотят» [1]. В таком же духе Ясперс заявляет, что толпа «не хочет быть свободной, но хочет, чтобы ее считали свободной» [2].

Крайний иррационализм характерен и для экзистенциалистского толкования научно-технического прогресса, в котором это философское учение видит главным образом угрозу человеческому существованию и тщетную попытку человека преодолеть свою антропологическую ограниченность.

[1] *K. Jaspers.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zürich, 1949, S. 164.
[2] *K. Jaspers.* Die geistige Situation der Zeit. Berlin, 1960, S. 37.

«Техника капитализма,— писал В. И. Ленин,— с каждым днем все более и более *перерастает* те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство» [1]. Это ленинское положение, значение которого еще более возрастает в наши дни, полностью раскрывает причины «технического пессимизма», который проповедуют экзистенциалисты наряду с другими реакционными буржуазными философами. Так, Хайдеггер стремится доказать, что возрастание господства человека над природой — обманчивая иллюзия, которая заключает в себе гораздо большую опасность для жизни, чем атомная бомба. Прогресс производительных сил подрывает капиталистические производственные отношения, а Хайдеггер изображает эту конкретно-историческую ситуацию как смертельную угрозу всему будущему человечества.

В том же духе рассуждает и Ясперс, абсолютно противопоставляющий друг другу природу и технику как естественное и «неестественное» и утверждающий, что мир техники разрушает природу, а человеческое существование в условиях современной «технической цивилизации» становится якобы «неестественным». Впрочем, Ясперс не предлагает отказаться от комфорта, который создается современными научно-техническими достижениями, и вернуться к первобытной дикости; он лишь оплакивает «пагубные» последствия индустриализации и угрожающе пророчествует: «Каждый народ должен справиться с техникой и ее последствиями или погибнуть от них» [2].

Иррационалистически-пессимистическое истолкование научно-технического прогресса представляет собой косвенную форму апологии капитализма, весьма характерную для современной буржуазной идеологии, представители которой сознают, что капитализм в значительной мере дискредитировал себя в сознании масс и поэтому его откровенная защита потеряла смысл. Экзистенциалисты Хайдеггер и Ясперс пытаются доказать, что негативные последствия капиталистического применения техники в сущности независимы от капитализма; такова якобы «природа» техники, что рабочий «становится частью системы машин (Maschinerie)» [3].

Однако факт превращения рабочего в капиталистическом обществе в придаток машины был открыт, научно

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 95.
[2] *K. Jaspers*. Rechenschaft und Ausblick, S. 251.
[3] *K. Jaspers*. Die geistige Situation der Zeit, S. 31.

проанализирован и объяснен К. Марксом более 100 лет назад. Ныне буржуазный идеолог, в данном случае экзистенциалист, не может уже отрицать этого факта, но, как апологет капитализма, он рассматривает его вне связи с капиталистическими производственными отношениями, извращает его действительную природу.

Научно-технический прогресс вызывает пессимизм у экзистенциалистов, особенно религиозного толка, еще и потому, что он опровергает религиозные мифы и, помогая человеку осознать свою мощь, подрывает тем самым основы религии. Поэтому Ясперс сетует на то, что научно-технические достижения, массовое распространение кино, радио, туризма создали возможность общения между всеми людьми, какое бы территориальное расстояние ни разделяло их. «Нет ничего далекого, таинственного, удивительного» [1],— меланхолически замечает по этому поводу Ясперс.

Смысл всех рассуждений Ясперса сводится к тому, что наука и техника подорвали веру в существование сверхъестественного. Ясперс прямо говорит об этом: «Наука хотя и освободила нас от магии и демонов, но потеряла при этом присутствие сверхчувственного основания» [2].

Таким образом, апология капитализма и защита религиозного мировоззрения — две стороны одной и той же медали, которые наглядно выявляют себя в экзистенциалистской критике научно-технического прогресса.

Следует, правда, отметить, что Сартр и некоторые другие французские экзистенциалисты выступают против такого рода реакционных идеек, подвергая критике империалистическую реакцию, американский капитализм, посягательства буржуазии на завоеванные трудящимися демократические свободы. Однако ни Сартр, ни другие экзистенциалисты-демократы, по-видимому, не сознают, что их прогрессивная по ряду вопросов политическая позиция не согласуется с реакционной экзистенциалистской философией, из которой вытекают реакционные политические выводы.

Если не существует социального прогресса, исторической необходимости, если абсурдное составляет сущность жизни, то из этого как раз и вытекает утверждение Ясперса, что «все великие движения веры имели своим кор-

[1] *K. Jaspers.* Die geistige Situation der Zeit, S. 42.
[2] *K. Jaspers.* Wahrheit und Wissenschaft. Basel, 1960, S. 15.

нем нечто абсурдное и именно благодаря этому абсурду достигали громадного действия» [1]. С этих позиций аристократического пренебрежения к выдающимся общественным движениям (называемым Ясперсом движениями веры) он оценивает христианство и... коммунизм.

Совершенно очевидно, что эту антинаучную, антигуманистическую концепцию невозможно опровергнуть с иррационалистических позиций, как это пытается сделать Сартр. Только марксизм-ленинизм, материалистическое понимание истории действительно опровергают и разоблачают эти реакционные псевдонаучные разглагольствования.

Между прочим, Сартр неоднократно подчеркивал, что он считает марксизм самой выдающейся социологической системой, что всякая теория, пытающаяся опровергнуть марксизм, скатывается на теоретические позиции, которые были превзойдены марксизмом. Объявляя о том, что он в принципе принимает марксистскую критику капитализма и марксистскую теорию социалистического преобразования общественных отношений, Сартр, однако, считает необходимым дополнить марксизм экзистенциализмом, игнорируя философскую основу марксизма, принципиально несовместимую с иррационализмом и идеализмом вообще.

Безысходный пессимизм, образующий основное идейное содержание экзистенциализма, в конечном итоге приводит в тупик это философское учение. Выдвинув на первый план проблему человека, личности, человеческой индивидуальности, экзистенциализм пришел к выводу, что проблема человека, впрочем, как и все, по мнению экзистенциализма, коренные вопросы человеческой жизни, принципиально неразрешима. Философия, заявил Хайдеггер, не должна решать проблемы, она призвана лишь ставить их и оставлять открытыми, т. е. нерешенными, но требующими дальнейшего обсуждения. Этот тезис непосредственно применяется Ясперсом к проблеме человека.

Нетрудно понять, к какому выводу приходит Ясперс. «Философия экзистенциализма,— пишет он,— сразу бы рухнула, если бы она *вновь захотела узнать, что есть человек*» [2]. И экзистенциалисты уверяют, что, чем больше

[1] *K. Jaspers*. Vernunft und Widervernunft in unserer Zeit. München, 1950, S. 62.

[2] *K. Jaspers*. Die geistige Situation der Zeit, S. 163.

мы знаем о человеке, тем более неясной, непонятной для нас становится его сущность.

Расписываясь в своем собственном бессилии и объявляя вместе с тем о крахе всей философии, экзистенциализм неизбежно приходит к собственной дискредитации. Нарисовав ужасающую картину человеческого существования, экзистенциализм убеждает людей не в том, что жизнь лишена смысла, а скорее в том, что лишена смысла та философия, которая выхолащивает смысл жизни.

Вот почему в современной буржуазной литературе все чаще и чаще возникают попытки преодоления экзистенциализма, в особенности преодоления свойственного последнему беспросветного пессимизма. Часто подобные попытки делаются и самими экзистенциалистами, осознающими бесперспективность постоянных разглагольствований о страхе и смерти.

Характерно в этом смысле изменение позиции Марселя, который пришел к выводу, что не следует рассматривать страх как основное определение человеческого существования. При этом он даже ссылается на Спинозу, утверждавшего, что разумный человек меньше всего думает о смерти. Религия, по мнению Марселя, указывает путь преодоления страха и выход из ситуации, которая первоначально представлялась беспредельно трагической. Следовательно, заключает Марсель, «время основанной на страхе экзистенциалистской философии уже прошло; следует весьма опасаться, что такая философия ведет в тупик. По моему мнению, экзистенциалистская философия способна к обновлению лишь путем размышления о надежде и радости. Я говорю *радости*, а не удовлетворении, так как последнее относится лишь к обладанию...» [1].

Если Марсель пытается преодолеть экзистенциалистский пессимизм с помощью религии, обещающей верующим потустороннее вечное существование, то атеист Сартр, напротив, утверждает, что экзистенциализм является в сущности оптимистическим учением, так как, отвергая бога, он делает каждого человека хозяином своей собственной судьбы, абсолютно свободным творцом всего того, что он есть и чем он стремится быть.

Итальянский экзистенциалист Н. Аббаньяно и немецкий экзистенциалист О. Больнов пытались создать «позитивный» вариант экзистенциализма путем философ-

[1] *G. Marcel*. L'Homme Problematique. Paris, 1955, p. 186.

ского истолкования положительных эмоций, семейных радостей, праздников, обычаев, физической культуры и т. п.

Однако, поскольку эти философы не отвергают основных сугубо пессимистических и индивидуалистических установок экзистенциалистского философствования, их половинчатые попытки не смогли увенчаться успехом. Для того чтобы преодолеть экзистенциализм, надо отказаться от основных положений этой философии, отказаться от иррационализма и идеализма. Только с позиций диалектического и исторического материализма могут быть научно решены те важные вопросы, которые экзистенциализм ставит, но вместе с тем также и запутывает, извращает, мистифицирует.

3. НЕОТОМИЗМ — РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ КАТОЛИЦИЗМА

Неотомизм (от слова «нео» — новый и «томизм» — учение Фомы — Thomas — Аквинского) — разновидность объективного идеализма, основывающаяся на теологической философии крупнейшего представителя западноевропейской схоластики Фомы Аквинского, который после своей смерти был возведен католической церковью в святые, а в конце XIX в. объявлен Ватиканом главным католическим авторитетом в области философии. В 1923 г. папа Пий XI официально декретировал, что при обучении студентов необходимо всецело следовать методу, доктрине и принципам «ангельского доктора» (так называли Фому Аквинского в средние века).

Основоположником неотомизма можно считать кардинала Дезире Мерсье, создавшего в конце прошлого века в Лувенском университете (Бельгия) кафедру Фомы Аквинского. Среди весьма многочисленных современных неотомистов заслуживают упоминания в первую очередь Ж. Маритен, Э. Жильсон, Л. Реймекер.

Неотомизм, нередко называемый его сторонниками просто томизмом, является, таким образом, официальной философией католической церкви, которая преподается во всех католических школах и университетах и пропагандируется в многочисленных изданиях, организуемых или контролируемых Ватиканом. Неотомизм не является, однако, единственной католической философией; наряду

с ним существуют и имеют известное влияние «католический персонализм», «христианский спиритуализм» и т. д. Однако влияние неотомизма значительно превосходит влияние этих и других выступающих под флагом католицизма философских учений. Это — господствующая философия в капиталистических странах, где преобладает католическое вероисповедание, в частности в Италии, Испании, Австрии, Бельгии, Западной Германии, Франции.

Значительно влияние неотомизма в США, хотя в этой стране католики составляют менее четверти верующих. В ряде бывших колониальных стран, вставших на путь самостоятельного государственного развития, неотомистская философия оказывает свое воздействие на массы верующих католиков.

Поскольку Фома Аквинский рассматривается его последователями как совершенно необычный, «святой» философ, то и учение его истолковывается как своеобразное философское откровение, нечто вроде Евангелия, способное дать истинные ответы на все мировоззренческие вопросы. Характерно в этом смысле заявление крупнейшего представителя неотомизма Маритена: «...всем тем, кто ныне жаждет истины, мы говорим: идите к Фоме» [1].

Однако, несмотря на характерный для неотомизма (и католицизма вообще) культ «святого» Фомы, несмотря на постоянные уверения, что «принципы томизма никогда не обесценивались развитием научных знаний», неотомизм не следует рассматривать как простой пересказ идей знаменитого средневекового схоласта. Неотомизм наполняет систему Фомы Аквинского новым содержанием, сохраняя по возможности ее традиционную форму.

В отличие от «святого» Фомы неотомисты выдвигают на первый план не теологические, а философские вопросы. Старый томизм был учением господствующих феодальных классов, современный томизм — философия реакционной, в особенности клерикальной, буржуазии, разрабатывающая аргументы в защиту капитализма. Фома Аквинский был далек от естествознания (естествознание в точном смысле этого слова возникает во второй половине XV в.). Его современные последователи, напротив, уделяют большое внимание физике, биологии, антропологии и другим наукам, поскольку они стремятся дока-

[1] *J. Maritain*. Le Docteur Angélique. Paris, 1930, p. 276.

зать, что наука не только не опровергает христианства, но все более и более подтверждает его догматы.

В среде неотомистов имеются некоторые, впрочем непринципиальные, расхождения по вопросу об отношении к учению Фомы. Одни аттестуют себя «строгими», другие «нестрогими» томистами, т. е. считают возможным дополнение этого учения новыми философскими положениями, если, конечно, они ему не противоречат. При этом все неотомисты единодушны в том, что томизм представляет собой «вечную философию», принципы которой священны и неприкосновенны, так как они полностью согласуются с христианским откровением — Библией.

Некоторые, в особенности западногерманские, неотомисты пытаются дополнить архаическую теорию своего первоучителя философскими положениями, заимствованными у Канта, Хайдеггера и других буржуазных философов.

Если в прошлом для неотомистов было характерно непримиримое отношение ко всем инакомыслящим даже из лагеря религиозных философов, то в настоящее время они пытаются объединить вокруг себя все буржуазные идеалистические учения, выступают против «анархии философских систем», т. е. против «чрезмерной» полемики между различными фракциями современной идеалистической философии, пытаясь обеспечить тесное сотрудничество всех буржуазных философов для борьбы против их общего противника — марксизма-ленинизма, диалектического и исторического материализма.

Такая тактическая установка неотомизма помогает этому в высшей степени архаическому и реакционному философскому учению принять более или менее современный вид и тем самым укрепить свои позиции.

Неотомистам не так-то просто объяснить, как это мыслитель, умерший почти 700 лет назад, может быть философским наставником современных людей, столь далеко шагнувших вперед в области научного познания. Заявление, что господь бог назначил Фому «пророком разума», не очень убедительно даже для верующих, поскольку в Священном писании ничего, естественно, о таком назначении не говорится. Поэтому неотомисты прибегают к иным аргументам.

Они, например, утверждают, что философия принципиально независима от науки, вследствие чего великие философские истины могут быть высказаны в любую

историческую эпоху, и никакие новейшие данные науки не могут опровергнуть утверждений философии. Американский неотомист М. Адлер говорит, что в отличие от науки, которая основывается на специальном опыте (на эксперименте, наблюдении и т. п.), философия представляет собой истолкование свойственного всем людям обыденного опыта: повседневных наблюдений смены времен года, дня и ночи, бодрствования и сна, рождения и смерти, удовольствия и неудовольствия, радости и печали и т. п. Обыденный опыт, пишет Адлер, «один и тот же у всех людей, повсеместно и во все времена» [1]. Отсюда неотомист делает вывод, что все философы — современники, значит, и Фома Аквинский — наш современник.

Нетрудно понять, что противопоставление обыденного опыта людей специальному (научному) не выдерживает критики, так как и обыденный опыт развивается, обогащается научными представлениями. Ясно также и то, что повседневный опыт человека не существует в изолированном виде, он связан с его профессиональной подготовкой, образованием, условиями жизни.

Так же несостоятельно утверждение, что философия опирается лишь на повседневный человеческий опыт. Фома Аквинский, например, в своем учении о мире исходил из геоцентрической системы Птолемея, согласно которой Земля неподвижна и находится в центре пространственно ограниченного мира, периферию которого образуют Солнце и планеты, вращающиеся вокруг Земли. Совершенно очевидно, что геоцентрическая система полностью соответствовала библейской легенде о сотворении мира, согласно которой бог создал Землю и все, что ее окружает, для жизни человека.

Фома Аквинский, естественно, не обладал представлениями о физической и химической структуре материи, которая казалась ему абсолютно пассивной, не заключающей в себе никакой внутренне присущей ей энергии, силы, движения. Соответственно этому «святой» Фома утверждал, что движение материя может получить лишь извне, т. е. в конечном счете от бога.

Современное естествознание опровергает религиозно-идеалистическое учение томизма, как и всякий идеализм вообще. Это-то и вынуждает неотомистов доказывать, что

[1] *M. J. Adler*. The Conditions of Philosophy. New York, 1965, p. 120.

философия должна исходить лишь из обыденного опыта. Но, не ограничиваясь необоснованным утверждением, что наука в принципе неспособна опровергнуть те или иные положения философии, неотомисты идут еще дальше: они ставят своей задачей доказать, что новейшие данные естествознания подтверждают христианские догматы и основанное на них учение «ангельского доктора».

Таким образом, неотомизм, несмотря на свою архаическую, откровенно религиозную сущность, носит весьма изощренный, хитроумный теоретический характер и пытается суммировать все аргументы философии, а также обработать данные наук о природе с целью обоснования христианской картины мира. Утверждая, что томизм исходит из «подлинной основы» философии — повседневного опыта всех людей, якобы одинакового во все времена, неотомисты делают вывод, что религиозное мировоззрение не только не противоречит здравому смыслу, но, напротив, полностью ему соответствует.

Неотомизм, следовательно, выдается его сторонниками за философию здравого смысла. «Человек религиозен,— утверждает, в частности, западногерманский неотомист Г. Фальк,— от природы, так как он действует, руководствуясь своим разумом, своим правом и волей» [1]. Это значит, что разумный человек — религиозный человек и что религия не внушена человеку церковью или угнетающими его жизненными обстоятельствами, а представляет собой следствие присущих ему разума и «свободной воли»: никто, мол, не заставляет его верить в бога, вера — результат его «естественного» разума и свободного выбора, т. е. она соответствует человеческой сущности.

Весьма характерно, что неотомизм выступает против иррационализма, несмотря на то что основу неотомизма, как и всякого религиозного философствования, образует иррациональная вера в сверхъестественное, в чудо. Это не значит, конечно, что неотомисты являются рационалистами, вернее их назвать псевдорационалистами или «теологическими рационалистами», так как, согласно их учению, разум ведет к признанию бога лишь постольку, поскольку он не переоценивает своих сил, не зазнается и смиренно сознает свое бессилие в тех вопросах, решение которых якобы составляет исключительную преро-

[1] *H. Falk.* Die ideologischen Grundlagen des Kommunismus. München, 1959, S. 78.

гативу религии. Как утверждает, например, Э. Жильсон, человеческий разум, «деформированный» первородным грехом, преодолевает этот свой порок, толкающий его на путь атеизма, лишь постольку, поскольку он не мудрствует лукаво и проявляет искреннюю готовность «просто встать на традиционные позиции церкви» [1].

Исходным положением неотомистского псевдорационализма является признание существования абсолютного, вездесущего, бесконечного разума — бога. Человеческий разум хоть и создан, согласно учению христианской церкви, по образу и подобию божественного, но бесконечно слабее его и только в сознании своей немощи способен двигаться по «верному», т. е. указанному христианской церковью, пути.

Для того чтобы полностью уяснить себе утонченный характер неотомистского религиозно-философского учения, следует подчеркнуть, что неотомизм решительно выступает против... фидеизма. Это на первый взгляд представляется непонятным, так как фидеизм — это и есть религиозное учение, которое ставит веру выше разума. Но дело здесь заключается в том, что католическая догматика называет фидеизмом учение, которое исходит из признания *иррациональности* религиозной веры, утверждает, что бытие божие не может быть разумно обосновано, а убеждение в существовании бога якобы проистекает из религиозного чувства. Один из «отцов» христианства, Тертуллиан, утверждал: «Верю потому, что абсурдно», т. е. верю вопреки здравому смыслу.

Эту иррационалистическую позицию в отношении веры занимает современный протестантизм, который прямо противопоставляет религию, «откровение божие» науке. Католицизм же, напротив, осуждает эту установку и провозглашает, что религиозная вера по природе своей разумна, бытие бога может быть доказано логическими аргументами.

Осуждая одну из разновидностей фидеизма, неотомизм, конечно, не является действительным противником фидеизма. Он просто пытается сочетать фидеизм с признанием разума, науки, которые истолковываются им в фидеистском же духе как подтверждающие религиозную веру. Неотомистский «антифидеизм» привлекает к нему симпатии той части буржуазных ученых, которые еще не пор-

[1] *E. Gilson*. Christianisme et Philosophie. Paris, 1949, p. 102.

вали с религиозным мировоззрением, но вместе с тем протестуют против религиозного принижения разума и науки. Неотомизм представляется этим ученым интеллектуалистской философией, между тем как в действительности он является наиболее замаскированной формой фидеистского извращения разума и науки.

Не менее важной «методологической» установкой неотомизма является громогласно провозглашаемое им отрицание... идеализма. И в данном случае имеет место не что иное, как извращение понятий, характерное для всей современной буржуазной философии, которая, как уже отмечалось выше, претендует на преодоление противоположности материализма и идеализма, на создание третьей линии в философии.

Неотомисты называют идеализмом отрицание существования материи, сведение всего существующего к одному лишь сознанию и его формам. Иными словами, они именуют идеализмом лишь одну из форм идеалистического философствования, а именно субъективный идеализм. Последнему неотомизм противопоставляет объективный идеализм, но называет его не идеализмом, а реализмом.

Неотомисты заявляют, что они признают наличие независимой от человеческого сознания реальности — природы, но признают и сотворивший ее божественный разум. Материя ими рассматривается как продукт божественного духа, как вторичное, производное.

Такая философская установка не имеет ничего общего с подлинным реализмом, т. е. с материализмом, который не ограничивается признанием независимой от человеческого сознания реальности, но рассматривает сознание как продукт этой реальности, результат ее развития, ее отражения. Как подчеркивал В. И. Ленин, Гегель также признавал, что природа существует вне и независимо от сознания людей. Но так как Гегель считал природу порождением «абсолютной идеи», он прямо называл свое учение идеализмом.

Неотомисты в отличие от классиков домарксистской философии и несмотря на свою раболепную приверженность средневековому томизму вынуждены считаться с тем, что идеализм дискредитировал себя перед лицом новейших научно-технических достижений. Вот почему эти сторонники средневековой идеалистической философии выступают как сторонники «критического реализма» и противники идеализма.

Таковы характерные для неотомизма приемы теоретического обоснования религиозного мировоззрения и связанных с ним идеалистических основоположений. Маритен называет неотомистскую философию «живой и современной, обладающей всемогущей силой для завоеваний»[1]. Можно согласиться с тем, что неотомизм — современная буржуазная философия, но это не живая, а мертвая философия, не всемогущая, а, напротив, бесплодная, немощная. Тем не менее неотомизм претендует на лидерство в современной буржуазной философии. С этих позиций и необходимо оценивать его схоластическую аргументацию.

Неотомисты исходят из положения, что задача философии не открытие новых истин, а доказательство, обоснование, разъяснение тех «истин», которые содержатся в Священном писании, и изложение этих «истин» доступным человеческому разуму языком. Иначе говоря, абсолютная истина, согласно учению неотомизма, давно открыта, и никакие научные открытия не могут ее опровергнуть. Но так как положения науки опровергают библейские легенды, то неотомисты стремятся модернизировать христианские догматы, чтобы доказать, что они в сущности не противоречат научным данным.

Так, например, в Библии говорится, что бог сотворил мир за шесть дней. Поскольку в наши дни и верующие люди имеют представление об истории Земли и Солнечной системы, неотомисты разъясняют, что дни творения — «божественные» дни, которые длятся по 1,5—2 млрд. лет. С этой точки зрения мир был создан богом 9—12 млрд. лет тому назад. Такая концепция более или менее устраивает верующих.

В наши дни многие верующие люди, осознавая противоречие между научным и религиозным объяснениями мира, тщетно пытаются соединить их друг с другом. Поэтому неотомизм провозглашает в качестве главной, исходной философской догмы принцип «гармонии» между разумом и верой, наукой и религией.

В своем первоначальном виде этот «принцип» был выдвинут Фомой Аквинским, который обосновывал возможность соглашения между здравым смыслом, логическими рассуждениями и христианскими догматами. Однако «святой» Фома хорошо понимал, что никакими схоластическими ухищрениями нельзя доказать, что бог

[1] *J. Maritain*. Existence and the Existent. New York, 1948, p. 1.

создал мир из ничего, что бог есть личность, существующая одновременно в трех лицах (бог-отец, бог-сын, бог-святой дух). Поэтому Фома утверждал, что кроме истин разума (т. е. истин, доступных человеческому разуму) существуют и «сверхразумные», недостижимые для человека, однако же не противоразумные истины. Их источником является высший, божественный разум.

Человек, согласно учению Аквината, должен с помощью своего разума стремиться логически доказывать «истины» христианского вероучения, но в тех случаях, когда это невозможно, он должен не опровергать их, а, сознавая свою слабость и целиком полагаясь на веру, употреблять свои усилия на защиту этих «сверхразумных» истин от нападок людей, их опровергающих.

«Сверхразумные» истины, учил средневековый томизм, постигаются лишь верой, и поэтому веру следует рассматривать как высший источник знания, оказывающий помощь человеческому разуму в тех случаях, когда он не в состоянии собственными силами достичь истины. Религиозная вера — это, так сказать, сверхъестественная помощь естественному (ограниченному) человеческому разуму.

Современные томисты, развивая идеи своего первоучителя, утверждают, что борьба между наукой и религией — печальное недоразумение, которое имеет место главным образом потому, что наука якобы не доходила до глубинной сущности вещей и к тому же переоценивала свои возможности, пытаясь решать не одни только специальные вопросы, но и мировоззренческие проблемы. Замалчивая тот факт, что и в настоящее время продолжается (и, конечно, в несравненно бо́льших масштабах, чем в прошлом) борьба между наукой и религией, неотомисты, искусно используя идеалистические выводы некоторых современных естествоиспытателей, философские шатания ученых, находящихся под влиянием идеализма и агностицизма, объявляют, что современная наука подтверждает религию.

Истинный смысл неотомистского обращения к естествознанию вполне откровенно выразил Маритен: «Христианская философия пользуется науками о природе не для того, чтобы закрепиться в природе, а чтобы иметь точку опоры в природе, вознестись к богу и все соотносить с богом» [1].

---

[1] *J. Maritain*. Antimoderne. Paris, 1922, p. 109.

Известно, что некоторые естествоиспытатели без достаточных научных оснований делают вывод об ограниченности Вселенной в пространстве, о невозможности возникновения живого из неживого и т. п. Неотомисты подхватывают эти научно не обоснованные высказывания и провозглашают, что конечность Вселенной свидетельствует о ее сотворенности (ведь бесконечную Вселенную нельзя сотворить), а качественное отличие живого от неживого предполагает наличие «принципа жизни» — души, независимой от тела и сотворенной богом.

Молекулярная биология, кибернетика, бионика и другие науки показывают, что живые существа, в особенности человек, представляют собой чрезвычайно сложные структурные образования. Современная наука много сделала для познания и моделирования совершающихся в человеческом мозгу процессов, но, конечно, очень много еще остается здесь непознанного, неясного. Существование «белых пятен» в этой области научного исследования истолковывается неотомистами в религиозно-идеалистическом духе: столь сложное целое, как человеческий организм, мозг, психика, говорят они, не может быть результатом естественного развития, здесь имело место нечто сверхъестественное, чудо, т. е. божественное творение.

Для обоснования этого антинаучного вывода неотомисты апеллируют к... науке, подсовывая ей упрощенное механистическое понимание проблемы. Так, Г. Веттер утверждает, что вероятность целесообразного соединения миллиардов клеток, составляющих мозг человека, на протяжении исторически ограниченного времени, истекшего со времени появления человека на Земле, равняется нулю. Но человеческий мозг, как и все живое, возник не путем комбинирования каких-то готовых клеток («кирпичиков»), а сложным путем развития, в ходе которого из одноклеточных примитивных живых организмов возникли более сложные многоклеточные, последние в ходе своей эволюции дифференцировались, усложнялись и т.д.

Неотомисты пытаются в этом же религиозно-идеалистическом духе интерпретировать и проблему химического синтеза органических веществ. Тот факт, что органическая химия на современном уровне ее развития еще не может путем синтеза создать живой белок, объявляется неотомистами неоспоримым свидетельством в пользу идеалистического утверждения о невозможности возникно-

вения живого из неживого, о существовании сверхприродного «источника» жизни.

При этом неотомисты ссылаются на Фому Аквинского, который изображал всю природу в виде иерархии «бытий», т. е. различных видов явлений, отличающихся друг от друга по степени «совершенства». Низшую ступень этой иерархической лестницы образуют тела неживой природы, далее последовательно расположены растения, животные, человек, ангелы и, наконец, бог. Иерархия «бытий» Фомы Аквинского была своеобразным умозрительным отражением феодальной иерархии, в которой место бога занимала церковь, ниже которой располагались государство, высшие, затем низшие сословия и т. д.

«Святой» Фома утверждал, что в нисходящей от высшего к низшему иерархии «бытий» менее совершенное зависит от более совершенного, ввиду чего живое не может возникнуть из неживого, человек — из менее совершенного живого существа. Эту схоластическую идею, противоречащую научной теории развития, неотомисты пытаются подкрепить путем искажения естественнонаучных данных. Таким образом, принцип «гармонии» веры и разума, науки и религии представляет собой орудие идеалистической фальсификации действительного содержания и смысла научных открытий.

«Святой» Фома утверждал, что философия является служанкой богословия. Этой точки зрения придерживаются и неотомисты, именующие католическую теологию «метафилософией», высшим философским учением. Согласно средневековому томизму, теология начинает с понятия о боге и, нисходя по иерархической лестнице, приходит к сотворенным вещам; философия восходит от сотворенных вещей к их высшей физической и моральной причине. Этот принцип единства философии и теологии неотомисты пытаются обосновать «новыми» аргументами, которые при ближайшем рассмотрении оказываются отнюдь не новыми.

Фома Аквинский считал важнейшей частью своего учения «доказательства» существования бога. Он предложил пять «путей», якобы ведущих к выводу, что бог существует. Первый «путь» исходит из признания необходимости первой причины всякого движения. Движущееся тело получает движение от другого тела, также находящегося в движении и поэтому предполагающего внешнюю причину своего движения. Поскольку ряд

причин не может быть бесконечным, иначе бы движение никогда не имело начала, необходимо, согласно Фоме, допустить «перводвигатель», находящийся в абсолютном покое. Это и есть бог.

Нетрудно показать, что «аргументация» Фомы Аквинского основана на крайне примитивном понимании движения как чего-то совершенно внешнего по отношению к материи и на столь же ненаучном, исключающем признание взаимодействия толковании связи явлений. Тем не менее современные томисты считают это «доказательство» классическим, неопровержимым и с позиций этой теологической догмы выступают против диалектико-материалистического учения о движении как форме существования материи, самодвижении материи, о превращении и переходе различных форм движения материи друг в друга.

Нет необходимости специально рассматривать остальные «пути» доказательства существования бога. Укажем кратко лишь на то, что от «несамостоятельности» вещей Фома переходит к признанию абсолютно самостоятельной сущности, от признания случайного характера всех единичных вещей к утверждению о наличии абсолютно необходимого, от существования несовершенного (несовершенных вещей) к существованию абсолютно совершенного, от факта целесообразности, обнаруживающегося в живых организмах, к выводу, что в природе все целесообразно и причиной этого может быть лишь всемогущее сверхъестественное существо.

Известно, что еще Ч. Дарвин своим учением о происхождении видов живых существ полностью опроверг телеологию — учение о сверхъестественных причинах целесообразного устройства живых организмов и их относительной приспособленности к окружающей среде. Современное естествознание раскрывает физико-химические основы и сложный физиологический механизм этой относительной целесообразности, присущей живым организмам.

Неотомисты вопреки данным естествознания утверждают, что эта целесообразность свойственна не только живому, но и всему существующему, поскольку якобы каждый вид бытия обладает определенной степенью «совершенства», которое необъяснимо естественными причинами.

Средневековые томисты утверждали, что растения существуют для питания животных, животные — для

питания человека, а человек — для прославления бога. Современные томисты повторяют своих предшественников, но пытаются придать своей аргументации более наукообразную форму. Они, например, утверждают, что законы природы в отличие от законов, устанавливаемых людьми, представляют собой божественные установления, обеспечивающие порядок во Вселенной. «Во всем, на что мы взираем в мире,— пишет неотомист Р. Кариш,— очевиден всеобщий порядок, закономерность, целесообразность, целеустремленность... *Единственной причиной* всеохватывающего целесообразного порядка мира может быть мыслима разумная первосущность» [1].

Таким образом, и здесь неотомизм, употребляя выражение одного из приверженцев этой философии, «является радикальным теоцентризмом: все происходит от бога, поддерживается богом, возвращается к богу» [2].

Известно, что Фома Аквинский был комментатором великого древнегреческого мыслителя Аристотеля. В течение длительного периода христианская церковь, и не без некоторого основания, считала учение Аристотеля опасным врагом веры, поскольку Аристотель полагал, что мир вечен, в то время как христианство учит, что он сотворен богом из «ничто». Фома Аквинский так «обработал» учение Аристотеля, что оно стало союзником христианской теологии. Томизм исключил из аристотелизма его материалистические и диалектические черты и усилил присущие ему идеалистические и метафизические положения.

«Схоластика и поповщина,— писал В. И. Ленин,— взяли мертвое у Аристотеля, а не *ж и в о е*: *з а п р о с ы*, искания, лабиринт, заплутался человек». Из логики Аристотеля, ставившей вопрос о диалектике, «сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов» [3]. Именно на почве схоластической обработки Аристотеля и возникло томистское учение о форме и материи, которое полностью воспринято неотомистами.

Аристотель полагал, что материя представляет собой материал, вещество, заключающее в себе бесконечное многообразие возможностей, которые, однако, могут быть

[1] *R. Karisch*. Der Christ und der dialektische Materialismus. Berlin, 1951, S. 58.
[2] *P. Grenet*. Le Thomisme. Paris, 1960, p. 122.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 326.

реализованы лишь благодаря форме, придающей материи ту или иную определенность. Понятие формы у Аристотеля носит эклектический характер. С одной стороны, форма им понимается вполне материалистически как качественно определенный вид материи. С другой стороны, Аристотель называет формой деятельность, которая превращает глыбу мрамора в статую, характеризуя эту деятельность как формальную и целевую причины статуи.

По аналогии с творческой деятельностью людей, придающих материи определенные формы, Аристотель утверждал, что любая определенность материальных вещей имеет своей причиной форму как деятельное целевое начало, связанное с материей, но нематериальное. Кроме того, Аристотель допускал существование «перводвигателя», который назывался им также «формой форм» и рассматривался как высшая, не связанная с материей форма.

Фома Аквинский довел до предела идеалистическую сторону аристотелевского учения о материи и форме. Материя в учении томизма превратилась из вещественного в невещественное, в чистую возможность, которая становится реально существующим, действительностью лишь благодаря форме. Разъясняя смысл этого идеалистического отрицания самостоятельной реальности материи, неотомист И. Бохеньский пишет: «Всякое материальное бытие состоит из материи и какой-либо формы, которая определяет материю; материя относится к форме, как потенция к действию. Если с этой точки зрения подвергнуть анализу любое бытие и мысленно отделять одну за другой его формы, то в конечном счете мы придем к первичной материи (materia prima), к составной части бытия, лишенной всякого определения, и которая подобно чистой потенции балансирует на грани небытия» [1].

Это истолкование материи необходимо неотомизму для обоснования католического догмата о сотворении всего материального из «ничто». Все материальное объявляется конечным, преходящим, так как оно якобы возникает из «ничто» и в «ничто» же превращается. Вечны только формы, которые нетомистами именуются нематериальными началами, заключенными в божественном разуме как идеи. Формой живого тела, как утверждают неотомисты,

[1] *J. M. Bochenski.* Contemporary European Philosophy. Berkeley and Los Angeles, 1956, p. 241.

является душа, ангелы представляют собой бестелесные формы, бог — форму форм.

В природе, согласно неотомизму, существует постоянное различие между возможным и действительным, сущностью и существованием; в боге же этого различия быть не может: бог — чистая действительность, чистое существование. Неотомизм, следовательно, истолковывает возможное как неполноту, ограниченность и утверждает, что возможность совпадает с материей, а в боге все актуально, действительно. Сущность неотомист истолковывает как ограничение существования, потому что нечто, имеющее определенную сущность, не может быть чем-либо другим. В боге же, согласно этой неосхоластической философии, сущность совпадает с существованием. Поэтому бог не есть нечто ограниченное, а, напротив, безграничное, бесконечное, абсолютная полнота бытия, бытие с большой буквы, основными определениями которого являются понятия духа, воли, любви, знания.

Противопоставление естественному сверхъестественного, природному сверхприродного определяет главные особенности теории познания неотомизма. Хотя неотомисты обычно говорят о своем гносеологическом реализме, о признании ими познавательного значения чувственного опыта, чувственного отражения внешнего мира, на деле они — непримиримые противники сенсуализма, который утверждает, что наши знания имеют своим источником чувственное отражение внешнего мира. С точки зрения неотомизма ощущения и восприятия не могут быть источником знания о сущности вещей, а тем более о сверхприродном. Разум, конечно, опирается на чувства, но в этом, согласно неотомизму, и заключается его ограниченность, которая в известной мере преодолевается лишь благодаря его независимости от материи.

Объектом разума оказываются не материальные объекты, а идеальные сущности, формы, всеобщее, которое, по учению неотомизма, не может быть материальным (последнее толкуется лишь как единичное). «Объект человеческого ума имматериален, так же как и он сам» [1], — пишет Маритен.

Благодаря этому идеалистическому отождествлению разума с тем, что им познается, разум объявляется хотя

---

[1] *J. Maritain*. De Bergson a Thomas d'Aquin. New York, 1944, p. 136.

и опирающейся на ощущения, но независимой от них познавательной способностью, посредством которой возможно «духовное знание», выходящее за пределы чувственного опыта и осуществляющееся через «интеллектуальную интуицию». Как утверждает Бохеньский, чувственное знание «постигает только материальное и конкретное, чувственные явления и не может никогда знать ни бытия, как такового, ни какого-либо интеллигибельного содержания. В противоположность чувственному знанию духовное знание направлено на бытие, только оно постигает всеобщее, которое является единственным объектом, могущим быть познанным полностью» [1].

Выше уже говорилось о неотомистском псевдорационализме. В этой связи следует подчеркнуть, что неотомистские рассуждения о познавательной силе разума постоянно сопровождаются религиозно-идеалистическим принижением разума, которому якобы недоступны высшие, «сверхразумные» истины. Поэтому, как утверждают неотомисты, без помощи бога, без религиозной веры разум не в состоянии понять ни природы, ни общества, ни того, что якобы составляет их сверхъестественный первоисточник.

Конечный вывод неотомистской гносеологии, как и всей философии неотомизма, сводится к поповскому требованию безропотно, безоговорочно отдаться религиозному чувству. «Необходимо,— заявляет неотомист И. Лотц,— возвыситься над всем земным и сосредоточиться на глубочайшей основе всего существующего, дабы все, что не есть бог, замолкло, и в нас воцарился великий покой, в котором стал бы слышен сокровенный и всемогущий глас божий» [2]. Социально-политический смысл этого требования, обращенного к эксплуатируемым и угнетенным массам буржуазного общества, настолько очевиден, что не требует разъяснения.

Папа Лев XIII, провозгласивший «святого» Фому высшим католическим авторитетом в философии, особенно подчеркивал значение его социального учения «о божественном происхождении всякого правового величия, о сущности и значении законов, об отечески справедливом господстве верховных государственных деятелей, о послушании высшей власти» и тому подобных вопросах. Если

[1] *J. M. Bochenski*. Contemporary European Philosophy, p. 243.
[2] *J. Lotz*. Von der Einsamkeit des Menschen. Frankfurt am Main, 1956, S. 128.

средневековый томизм идеологически санкционировал господство феодальных владык, то неотомизм, как и католицизм в целом, представляет собой апологию капитализма.

Неотомисты доказывают, что частная собственность якобы составляет незыблемое условие существования человеческой личности и упорядоченного организованного общения людей. Частная собственность отождествляется ими с собственностью вообще. С этой точки зрения все члены общества оказываются собственниками в той мере, в какой они обладают каким-либо имуществом. Различие между богатыми и бедными объявляется неотомистами неизбежным и целесообразным в моральном отношении, а его источником считается, с одной стороны, божественная премудрость, а с другой — естественные различия между людьми.

Частная собственность на средства производства, капитал рассматриваются неотомистами не как исторически определенные общественные отношения, а просто как вещественные условия производительной деятельности. Отсюда делается вывод, что труд невозможен без капитала, так же как капитал невозможен без труда. Что же касается людей, которые затрачивают свои средства на приобретение капитала, то они заслуживают всяческого морального одобрения, так как именно благодаря им труд находит себе применение.

Отношения между капиталистом и рабочим могут и должны быть построены, согласно неотомизму, на моральной основе, якобы исключающей эксплуатацию. «Совесть, — заявляет неотомист Г. Фальк,— подсказывает работодателю, что он обязан справедливо оплачивать своих помощников и не имеет права эксплуатировать их. Наемному работнику она запрещает причинить вред своему хозяину» [1].

Нетрудно понять, что эта елейная, насквозь лицемерная и ханжеская апология капиталистического устройства «теоретически» основывается на идеалистическом учении о всеобщей целесообразности, соответственно которому капиталистические отношения оцениваются как целесообразные, обеспечивающие каждому то место в обществе, которое он заслужил своим старанием. Поскольку первоисточником всеобщей целесообразности, разумной

[1] *H. Falk*. Die ideologischen Grundlagen des Kommunismus, S. 9.

организованности, упорядоченности объявляется бог, то и история человечества характеризуется как совершающаяся по божественному плану в соответствии с заранее предустановленной, указуемой Священным писанием конечной целью. «Вся мировая история,— говорит Бохеньский,— истолковывается с этой точки зрения как осуществление вечного плана, целиком предначертанного богом» [1].

Не приходится доказывать, что эта слащавая картина божественного порядка на Земле самым вопиющим образом противоречит капиталистической действительности. Неотомисты ни в малейшей мере не отрицают этого противоречия между божественным планом и его реальным осуществлением, напротив, они всячески подчеркивают это противоречие и, исходя из него, разрабатывают планы реформ, целью которых должно быть установление «христианского общества». Это противоречие, указывают они, вытекает не из божественного плана, который свободен от недостатков, а из того, что люди обладают свободной волей, которая была причиной не только первородного греха, но и последующего социального зла.

В наши дни, когда апологеты капитализма всячески пытаются доказать, что капитализм «трансформируется», превращается в некапиталистическое общество «массового потребления», в государство «всеобщего благоденствия» и т. д., псевдокритика капитализма сплошь и рядом является наиболее утонченной формой его оправдания. Такого рода псевдокритическая апологетическая концепция характерна и для неотомизма, который утверждает, что капитализм и социализм представляют собой неприемлемые для христианского мировоззрения крайности, которым, по мнению неотомизма, надлежит противопоставить «третий», или «средний», путь, основанный на осуществлении искаженных капитализмом и отвергаемых социализмом христианских принципов. Речь, следовательно, идет о «справедливом» применении принципов частной собственности, принципов капиталистического хозяйствования вообще.

Реакционная утопия «среднего» пути по существу представляет собой идеализацию устоев капитализма под флагом критики этого общественного строя. Эта утопия оказывает определенное влияние на мелкобуржуазные

[1] *J. M. Bochenski.* Contemporary European Philosophy, p. 246.

массы, колеблющиеся между капитализмом и социализмом, буржуазией и пролетариатом.

Католицизм и его неотомистская философия стремятся внушить массам, что только христианское вероучение способно обеспечить подлинную свободу личности, действительное уважение ее индивидуальности. Эти безосновательные претензии оправдываются ссылками на католический догмат, согласно которому бог непосредственно, лично создает каждую человеческую душу, чем и определяется ее бесконечная ценность. Однако неотомистские разглагольствования о том, что индивидуум — «высочайшее бытие в этом мире, а всем другим существам надлежит служить ему» [1], вполне сочетаются с апологией социального неравенства, социального гнета и эксплуатации.

«Критическая» линия неотомизма полностью определяется политическими установками Ватикана. Когда в конце 40-х — начале 50-х годов Ватикан осуждал Всемирное движение сторонников мира как якобы коммунистическое и требовал предания анафеме всех коммунистов и всех с ними сотрудничающих, неотомистские пропагандисты доказывали, что марксизм-ленинизм — это мировоззрение сатаны (реальность которого не подвергается ни малейшему сомнению католицизмом), «дьявольское мировоззрение», а коммунисты — воинство сатаны, стремящееся свергнуть бога с его престола, чтобы самим сесть на его место и устроить рай на Земле, между тем как он возможен лишь в загробном мире.

Ныне, когда международная ситуация существенно изменилась, Ватикан начал менять свой политический курс, признал принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, перестал требовать отлучения коммунистов, провозгласил необходимым запрещение атомного оружия.

Некоторые неотомисты подчеркивают, что якобы у христианства и марксизма в сущности одни и те же социальные идеалы, однако выражены они марксизмом, по их мнению, в ошибочной, в частности атеистической, форме, которая, мол, неизбежно ведет от отрицания бога к отрицанию человеческой личности, важнейшую сущность которой образует божественное начало — душа.

В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что враги марксизма постоянно меняют тактику своей борьбы против

[1] *J. M. Bochenski*, Contemporary European Philosophy, p. 248.

него, переходя от лобовых атак к попыткам удушить марксизм в объятиях. Это изменение тактики борьбы буржуазной идеологии против марксизма-ленинизма носит конъюнктурный характер; оно обусловлено изменением исторических условий, расстановки классовых сил и т. п.

4. НЕОПОЗИТИВИЗМ — ПСЕВДОНАУЧНАЯ БУРЖУАЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Неопозитивизм (называемый также логическим позитивизмом, логическим эмпиризмом) является третьей исторической формой позитивистской философии. Поэтому необходимо вкратце охарактеризовать предшествующие формы позитивизма, анализ которых поможет понять философские истоки неопозитивизма.

Позитивизм возник в 30—40-х годах XIX в., его основоположниками были О. Конт и в известной мере также Д. С. Милль и Г. Спенсер.

Позитивизм сформировался под влиянием субъективного идеализма Беркли и агностицизма Юма. Он представлял собой эклектическое учение, сочетающее субъективизм и агностицизм с элементами материалистического (в духе естествознания XIX в.) понимания природы. По своему социальному содержанию позитивизм представлял собой мировоззрение консервативной буржуазии, ограничивающее компетенцию науки эмпирическим описанием наблюдаемого, примирительно относящееся к религии (поскольку, с точки зрения позитивистов, ни наука, ни философия не постигают непознаваемого) и откровенно враждебно — к революционной борьбе пролетариата.

Философы-позитивисты провозгласили задачу создания «положительной философии», согласующейся с данными науки и синтезирующей эти данные. При этом они свели дело создания научной философии прежде всего к отказу от исторически сложившейся философской проблематики, к провозглашению тезиса, что коренные философские вопросы принципиально неразрешимы. «Мы убедились,— писал Спенсер,— что не можем знать скрытой сущности окружающего нас» [1].

Главной задачей философии, согласно позитивизму, должно быть исследование структуры науки. Наука,

[1] *Герберт Спенсер*. Основные начала. М., 1886, стр. 1.

однако, истолковывалась им не как познание сущности явлений и более или менее правильное отражение объективной реальности, а как систематизация данных чувственного опыта, позволяющая предвидеть последующие чувственные восприятия, которые могут быть получены посредством наблюдений, экспериментов. Эти данные различных наук и должна синтезировать философия. Так, Спенсер писал: «Давая определению философии самую простую и ясную форму, мы скажем: знание низшего порядка есть знание *необъединенное*; наука — знание *отчасти объединенное*; философия — знание *вполне объединенное*» [1].

Исходя из такого понимания философии, Конт, Спенсер и другие позитивисты утверждали, что философия изучает наиболее общие законы, которые, однако, рассматривались ими не как объективная взаимосвязь, взаимозависимость явлений, а лишь как теоретические положения, сводящие воедино положения частных наук и поэтому имеющие методологическое значение.

Второй исторической формой позитивизма явилось учение Э. Маха, Р. Авенариуса и их последователей — *махизм*, или *эмпириокритицизм*. В махизме в отличие от раннего позитивизма берклианство и юмизм почти полностью вытесняют элементы материализма, в связи с чем В. И. Ленин охарактеризовал это учение как необерклианство и неоюмизм.

Согласно учению Маха, действительность есть комплекс «элементов», которые сами по себе «нейтральны», т. е. не представляют собой ни физического, ни психического. К этим «элементам» относятся цвет, протяженность, форма, запах, короче говоря, все чувственно воспринимаемое. Если «элементы», говорил Мах, берутся в отношении друг к другу (например, отношение цвета и формы), то они представляют собой нечто физическое, если же они рассматриваются в отношении к восприятию их человеком, то в этом случае они явление психическое.

Но что же представляют собой «элементы» безотносительно к восприятию их человеком? Такой вопрос Мах и Авенариус объявляли бессмысленным, так как «элементы» якобы всегда существуют лишь в отношении — психическом или физическом. Тем не менее они вынуждены были признать, что, согласно их учению, не только

[1] *Герберт Спенсер*. Основные начала, стр. 6.

психическое, но и физическое складывается из ощущений. Так, физику Мах определял как науку о связи ощущений. При этом ощущения трактовались им не как человеческие ощущения, образы объективной реальности, а как «элементы» мира, нечто «данное», первоначальное.

Эту идеалистическую мистификацию ощущений Авенариус пытался обосновать своей «теорией интроекции», согласно которой человек будто бы бессознательно «вкладывает» в свое сознание ощущения, и поэтому они представляются ему его ощущениями, в то время как они ничьи. Разумеется, это толкование природы ощущений полностью противоречило данным физиологии органов чувств и научной психологии.

Для махизма, возникшего в 70-х годах прошлого века, с самого начала было характерно идеалистическое истолкование естествознания (классической механики, термодинамики, физиологической оптики и т. д.). В дальнейшем махистская философия стала выражением субъективистской и агностической реакции на методологический кризис естествознания конца XIX в., порожденный новыми открытиями в физике.

Махизм, который на первых порах представлялся многим естествоиспытателям научной теорией познания, вскоре продемонстрировал свою враждебность науке. Ведь, согласно Маху, поскольку ощущения составляют «элементы» вещей, то, что не ощущается, не существует. Поэтому Мах, например, отрицал реальность атомов и молекул.

Когда существование атомов и молекул было доказано экспериментально, несостоятельность махистской философии стала очевидна и для тех естествоиспытателей, которые, находясь под влиянием господствующих в буржуазном обществе идеалистических учений, склонялись к махизму. Развитие математической физики, значение которой не могло быть правильно оценено с позиций идеалистического эмпиризма Маха, еще более выявило несостоятельность его философии.

Большую роль в разоблачении махизма сыграла работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В. И. Ленин сорвал маску «нейтральности» и «беспартийности» с махизма, доказал, что махизм и эмпириокритицизм — разновидности берклианства и юмизма. Ленинская критика махизма имеет огромное значение и для критики неопозитивизма, возникшего в 20-х годах XX в.

Возникновение третьей исторической формы позитивизма (неопозитивизма) связано с деятельностью так называемого Венского кружка, выросшего на основе семинара, организованного в 1922 г. М. Шликом при кафедре философии индуктивных наук в Венском университете. Венский кружок объединял философов, естествоиспытателей, математиков. В него входили Р. Карнап (с 1926 г.), О. Нейрат, Ф. Вайсман, Г. Фейгль, В. Крафт, Г. Ган и др. На воззрения членов Венского кружка оказали большое влияние Б. Рассел и его ученик Л. Витгенштейн, опубликовавший в 1921 г. «Логико-философский трактат» — одно из программных сочинений неопозитивистского движения.

Близкие к взглядам участников Венского кружка философские концепции разрабатывали: в Германии — Г. Рейхенбах, в Чехословакии — Ф. Франк, в Польше — К. Айдукевич. После захвата гитлеровцами Австрии, Чехословакии, Польши неопозитивисты обосновались в США. В настоящее время неопозитивистская философия пользуется наибольшим распространением в Англии и США. Среди английских неопозитивистов наряду с Б. Расселом следует упомянуть А. Айера и Г. Райла.

В своем развитии неопозитивизм опирался на идеи, выдвинутые позитивистами XIX в., а до них — Беркли и Юмом. Однако широкое использование проблем и результатов естествознания XX в. позволило неопозитивизму принять форму, существенно отличающую его от всех прежних разновидностей позитивизма.

На протяжении всей истории неопозитивистской философии происходило изменение первоначальных принципов, выдвинутых Венским кружком. Поэтому неопозитивизм отличается крайней сложностью и наличием многочисленных вариантов решения той или иной проблемы. Споры между сторонниками неопозитивизма привели к появлению его частных разновидностей, иногда противоречащих друг другу. Но все-таки можно сказать, что «классические» принципы Венского кружка являются специфическими, определяющими всю историю этого философского течения.

Этими исходными принципами являются следующие:

1) тезис о том, что все положения прежней философии («метафизики», по терминологии неопозитивистов) лишены научного смысла;

2) тезис об эмпирическом происхождении всех научных знаний, за исключением математических и логических. С этим тезисом связан неопозитивистский принцип верифицируемости, согласно которому все эмпирические по своему происхождению положения имеют научный смысл лишь в том случае, если они принципиально верифицируемы, т. е. проверяемы. Однако проверку (верификацию) неопозитивизм понимает крайне узко и субъективистски: лишь как сопоставление положений науки с зафиксированными чувственными восприятиями;

3) тезис о «конвенционалистском» характере законов и правил логики и математики. Это означает, что положения логики и математики основываются в конечном счете на логических предпосылках, которые представляют собой результат соглашения (конвенции) между учеными.

В отличие от позитивистов XIX в., которые утверждали, что проблемы, поставленные тысячелетним развитием философии, принципиально неразрешимы, неопозитивисты заявляют, что все эти вопросы — в сущности псевдопроблемы, т. е. «мнимые вопросы», лишенные научного смысла. Поэтому задача философии заключается якобы в том, чтобы изгонять эти вопросы, вскрывать их бессодержательность, исследовать их истоки, коренящиеся, по мнению неопозитивистов, в несовершенстве языка, как научного, так и обыденного. «Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны,— писал Витгенштейн.— Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность. Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не понимаем логики нашего языка... И не удивительно, что самые глубочайшие проблемы на самом деле *не есть* проблемы» [1].

Согласно неопозитивизму, предложения, из которых состоят философские, а также теологические, этические и эстетические учения, не являются научными, так как они не могут быть проверены опытным путем или же доказаны (либо опровергнуты) путем логических рассуждений. В этом смысле неопозитивизм характеризует философские предложения как неподлинные или как псевдопредложения. Отсюда следует вывод, что отрицания (оп-

[1] *Л. Витгенштейн.* Логико-философский трактат, стр. 44.

ровержения) псевдопредложений также являются псевдопредложениями, ввиду чего наука должна просто исключить их из своего языка, а не заниматься ими хотя бы с целью их опровержения.

Утверждение, что из двух противоположных «метафизических» положений ни одно не является истинным, провозглашается неопозитивистами в качестве доказательства «беспартийности» их философии в борьбе между материализмом и идеализмом. Неопозитивисты претендуют на преодоление этих основных, противоположных философских направлений, заявляя, что их учение ни материалистическое, ни идеалистическое.

Может показаться, что неопозитивисты, отвергающие веками развивающуюся проблематику философии, отрицают тем самым и необходимость философии, отказываются от нее и поэтому, собственно, не являются философами. На самом же деле это далеко не так. Неопозитивисты провозглашают, что они совершили «революцию в философии», превратили философию в научную дисциплину, принципиально изменили ее назначение, содержание, задачи. В чем заключается эта «революция»?

Философия, согласно неопозитивизму, не может быть учением о природе, обществе и даже познании, если иметь в виду этот процесс в целом. Все эти сферы исследования, по мнению неопозитивистов, принадлежат специальным наукам. Философия может исследовать лишь форму имеющегося знания, его логико-синтаксическую, семантическую и вообще языковую форму. При этом главная задача философии заключается в «очищении» языка от «метафизических» терминов и предложений.

С этой точки зрения философия даже не теория, а особого рода интеллектуальная деятельность. Философия, говорят неопозитивисты, нечто вроде «интеллектуального полицейского», не позволяющего ученым вступать в сферу «метафизики». Наиболее четко эту позицию сформулировал Витгенштейн:

«Цель философии — логическое прояснение мыслей.

Философия не теория, а деятельность.

Философская работа состоит по существу из разъяснений.

Результат философии — не некоторое количество «философских предложений», но прояснение предложений.

Философия должна прояснять и строго разграничивать мысли, которые без этого являются как бы темными и расплывчатыми»[1].

Возникает вопрос: как же с точки зрения неопозитивизма можно отделить псевдопредложения от научно осмысленных предложений? Таким критерием неопозитивизм предложил так называемый *принцип верифицируемости*, согласно которому истинность всякого утверждения должна быть установлена в конечном счете путем его сопоставления с чувственными данными индивида. Лишенными научного смысла предложениями неопозитивизм считает все те предложения, которые не поддаются эмпирической проверке (верификации), состоящей из конечного числа наблюдений. При этом в неопозитивизме различается непосредственная верифицируемость утверждений, прямо описывающих данные опыта, и косвенная верифицируемость путем логического сведения утверждения к прямо верифицируемым предложениям.

Неопозитивизм здесь явно спекулирует на том, что в науке имеется много теоретических положений, строгая проверка которых или законченное логическое доказательство на данном историческом уровне познания еще невозможны. В частности, атомистика в течение тысячелетий находилась в таком положении. Гелиоцентрическая система Коперника лишь через несколько сот лет после смерти ее создателя была доказана путем основанного на ней теоретического доказательства существования еще одной планеты (Нептун), которое затем было подтверждено астрономическим наблюдением. Тем не менее и атомистика и гелиоцентрическая система представляют собой великие образцы научной теории.

Научное знание, согласно неопозитивизму, состоит (или во всяком случае должно состоять) исключительно из эмпирических и логико-математических предложений. С этим выводом можно было бы согласиться, если бы имелось в виду, что наука представляет собой единство эмпирического и теоретического знания, в котором теоретическое знание базируется на эмпирическом. Но неопозитивисты ошибочно, идеалистически истолковывают эмпирическое и теоретическое знания и метафизически противопоставляют их друг другу.

---

[1] *Л. Витгенштейн.* Логико-философский трактат, стр. 50.

Эмпирическими предложениями неопозитивизм называет высказывания о чувственно воспринимаемых фактах. Поскольку устанавливается, что данное предложение представляет собой такого рода высказывание, постольку оно признается научно осмысленным. Это значит, что оно в принципе допускает верификацию (проверку), в результате которой будет выявлена его истинность или же, напротив, ложность. Неопозитивизм, таким образом, утверждает, что каждое предложение науки (за исключением положений математики и логики), каждое утверждение о мире должно быть сведено к «непосредственно данному», т. е. к чувственным восприятиям субъекта. Эта редукция (сведение) теоретических положений к непосредственным чувственным данным в конечном счете должна привести к такого рода высказываниям, которые могут рассматриваться как «чистые» эмпирические утверждения, целиком и полностью совпадающие с «непосредственно данным». Эти-то чисто эмпирические утверждения и должны, по учению неопозитивизма, играть роль критерия истины.

Вначале неопозитивизм предложил избрать в качестве такого критерия истинности или ложности положений науки так называемые протокольные предложения, предложения, фиксирующие данные чувственного опыта исследователей. Из таких «протокольных предложений» неопозитивисты считали возможным по определенным формальным правилам вывести все научные утверждения. Таким образом, путем сведения всего содержания науки к первоначальным зафиксированным в «протокольных предложениях» чувственным данным неопозитивисты надеялись обеспечить объективность положений науки.

Но здесь неопозитивизм сразу же столкнулся с непреодолимыми трудностями. Дело в том, что неопозитивизм, отрицая объективную реальность и ее отражение в сознании людей, понимает опыт лишь как переживания человека, что ведет к отрицанию какого-либо объективного содержания в «протокольных предложениях». Рассматривая «протокольные предложения» как такие, которые позволяют путем формального соотнесения с ними решать вопрос об истинности или ложности всех научных положений, неопозитивизм отрывает научные положения от бесконечно многообразной объективной действительности, знание о которой не может быть сведено к личному,

т. е. непосредственному, опыту ученых, зафиксированному в «протокольных предложениях».

Неопозитивисты были вынуждены признать, что предложений «чистого» опыта, т. е. «протокольных предложений», фактически не существует, так как предложения, в которых выражаются результаты наблюдения, всегда включают в себя и определенное истолкование содержания наблюдений.

Не помогли решить проблему выбора «чистых» предложений опыта попытки заменить «протокольные предложения» так называемой констатацией (Шлик), а позднее — «базисными высказываниями» (Поппер), ибо все эти попытки основывались на свойственном неопозитивизму субъективистском понимании опыта вне связи с объективной реальностью и ее отражением в сознании людей. Неопозитивисты не могли также понять, что теоретическое знание, хотя оно и исходит из чувственных данных, не может быть сведено к ним, так как научные абстракции, понятия, формулы и другие теоретические обобщения качественно отличаются от чувственных представлений. Переход от чувственных данных к теоретическим положениям науки есть диалектический скачок, чего также не поняли неопозитивисты и что привело к краху всех их попыток сведения содержания науки к элементарным констатациям чувственно наблюдаемого. Неосуществимость этого сведения в конечном итоге вынуждены были признать и сами неопозитивисты.

Но если невозможно выделить элементарные предложения «чистого» опыта, то и принцип верификации оказывается несостоятельным, поскольку единственным критерием верифицируемости научных положений считается именно это сведение их к чувственным данным. Если исходить из принципа верификации, как этого требовали неопозитивисты, то в таком случае обобщения, как, например, «все люди смертны», «все тела протяженны» и т. д., не могут быть проверены полностью и, следовательно, лишены научного смысла. С этой точки зрения невозможно верифицировать ни один закон науки, так как реально верифицируется не сам закон, а лишь конечное число его наблюдаемых проявлений. Тем самым верификация законов науки будет представлять бесконечный процесс.

Поэтому Витгенштейн считал, что законы должны быть исключены из языка науки, а Шлик допускал их только

как формальные правила, не имеющие никакого значения для познания.

Явная несостоятельность принципа верифицируемости, лишающего законы науки познавательного значения, в конце концов вынудила неопозитивистов пересмотреть свой взгляд на критерий научной осмысленности утверждений науки. Поэтому Поппер предложил заменить принцип верифицируемости *принципом опровергаемости (фальсифицируемости)*. Он рассуждал примерно так: предложение «Все эмпирические высказывания являются научно осмысленными лишь постольку, поскольку они верифицируемы» само представляет собой неверифицируемое эмпирическое предложение и поэтому не может быть признано всеобщим критерием для выявления истинности или ложности эмпирических высказываний. Кроме того, наука не может обойтись без общих положений, эмпирических по своему происхождению и содержанию, но не верифицируемых.

Что же делает правомерными, с точки зрения Поппера, эти общие положения? Их принципиальная опровергаемость, т. е. возможность мыслить такие условия, при которых они могут оказаться неистинными. Поппер писал: «Теория (имеется в виду система эмпирических предложений.— *авт.*), которая не может быть опровергнута каким бы то ни было мыслимым событием, ненаучна. Неопровержимость не есть достоинство теории (как часто думают люди), а ее недостаток» [1].

Нетрудно показать, что Поппер субъективистски истолковывает само понятие научности теории, основывающейся на эмпирических данных. Ф. Энгельс говорил: «Что вода при температуре от 0 до 100° C жидка — это вечный закон природы, но, чтобы он мог иметь силу, должны быть налицо: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление. На Луне вовсе нет воды, на Солнце имеются только составляющие ее элементы, и для этих небесных тел указанный закон не существует» [2]. Значит ли это, что данный закон опровергается упомянутыми фактами? Конечно, нет. Это значит лишь то, что всякое научное положение относится к определенному кругу фактов.

---

[1] *K. R. Popper*. Philosophy of Science.—«British Philosophy in the Mid-Century. A Cambridge Symposium». London, 1957, p. 159.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 553.

Отождествлять эту определенность научного положения с его принципиальной опровергаемостью, как это делает Поппер, значит субъективистски истолковывать относительность истины. Несомненно, что любое основанное на опыте общее положение науки является истинным в тех условиях, относительно которых оно сформулировано, и не может быть истинным при любых условиях, раз эти условия не учтены в самом содержании этого положения. Поппер же называет истинными лишь те положения науки, которые могут быть опровергнуты.

Диалектическую противоположность истины и заблуждения он истолковывает как отсутствие противоположности. Но во всякой относительной истине, поскольку она является объективной истиной, имеется зерно абсолютной истины. Этого как раз и не хочет признавать Поппер, истолковывая относительную истину лишь как верование, лишенное объективного содержания.

По существу принцип опровергаемости выполняет те же функции, что и принцип верифицируемости. Основная идея неопозивистского принципа верифицируемости состоит в том, что возможность эмпирической проверки высказываний науки является обязательным условием их осмысленности. Эта же идея лежит и в основе принципа опровергаемости.

Чувствуя несостоятельность требования строгого сведения всех положений науки к «непосредственно данному», Карнап выдвинул свой критерий осмысленности высказываний науки. Он предложил заменить принцип верифицируемости принципом *подтверждаемости*, т. е. неполной, частичной проверки. Смысл этого нового принципа заключается в утверждении, что эмпирическое предложение должно быть признано имеющим научный смысл, если имеются чувственные данные, которые его подтверждают, хотя и нет оснований для заявления, что всегда были и всегда будут такие данные. Принцип подтверждаемости позволил неопозитивистам признать научно осмысленными такие предложения, как «тела протяженны» или «все люди смертны».

Однако принцип подтверждаемости несущественно отличается от принципа верифицируемости, поскольку и этот принцип исходит из допущения сводимости общих положений науки к чувственным восприятиям отдельных исследователей, т. е. игнорирует роль общественной практики в познании.

Явная философская несостоятельность требования сводить все научные высказывания к предложениям «чистого» опыта вынудила ряд неопозитивистов принять в качестве критерия истинности эмпирического высказывания принцип *когеренции*. Согласно этому принципу, эмпирическое высказывание является истинным, если оно согласуется со всеми другими высказываниями, уже включенными в систему данной теории, не противоречит им и, следовательно, также может быть включено в состав этой теории.

Нетрудно понять, что принцип когеренции страдает теми же пороками субъективистского характера, что и принцип верифицируемости: он игнорирует объективную реальность и общественно-историческую практику. Кроме того, как свидетельствует история науки, новые открытия и теоретические выводы могут не укладываться в рамки имеющихся теорий, но это, конечно, еще не доказывает ложности этих открытий и выводов. Неопозитивисты обычно говорят, что включение новых эмпирических предложений в ту или иную теоретическую систему возможно также путем новой интерпретации ранее имеющихся эмпирических высказываний. Короче говоря, проверка истинности эмпирических суждений сводится неопозитивистами к их согласованию друг с другом вместо того чтобы согласовать их с объективной действительностью через посредство общественной практики.

Перейдем теперь к рассмотрению неопозитивистского понимания положений логики и математики.

С точки зрения неопозитивизма предложение, которое нельзя эмпирически проверить, т. е. свести к чувственному восприятию, не является научно осмысленным утверждением. Но как же тогда быть с положениями логики и математики, ведь они явно не могут быть подвержены такому сведению?

Чтобы решить эту проблему, неопозитивисты вслед за Витгенштейном стали утверждать, что положения логики и математики не являются знаниями о действительности. Они бессодержательны, пусты, т. е. не имеют никакого отношения к опыту и представляют собой свободные логические конструкции, основывающиеся на условных предпосылках и формальных правилах логического вывода. С этой точки зрения положения логики и математики не могут быть ни истинными, ни ложными, т. е. к ним неприменимы понятия истинности и ложности. Поэтому Б. Рассел утверждает, что среди математиков «нет двух

людей, которые были бы согласны относительно того, что именно является истинным, и если бы что-либо было познано, никто бы из них не знал, что же именно было познано»[1].

Нетрудно понять гносеологические корни этого парадоксального утверждения. Логика и математика — наиболее абстрактные, наиболее удаленные от непосредственного восприятия внешнего мира теоретические дисциплины. Это и создает иллюзию, будто бы эти науки не отражают объективной действительности. Однако практическое применение логики и математики, так же как их применение в физике и других науках, имеющих дело с эмпирически констатируемыми фактами, доказывает, что логические и математические построения не являются формальными и бессодержательными. Они в конечном счете отражают объективную реальность.

Этого как раз и не хотят признавать неопозитивисты, которые абсолютизируют высокий уровень научной абстрактности, свойственный логике и математике, истолковывая этот очевидный факт в духе субъективного идеализма.

Отрицание применимости понятия истинности к логико-математическим предложениям — прямое следствие абсолютного противопоставления логико-математического знания эмпирическому знанию. На место понятий истинности или ложности неопозитивизмом ставятся понятия правильности или неправильности. Это значит, что логико-математические предложения могут быть правильными и неправильными лишь в логическом смысле слова: если в процессе вывода (в ходе умозаключения или логического доказательства) соблюдены все правила формальной логики, т. е. не допущена логическая ошибка, то предложения будут правильны, и, наоборот, если допущена логическая ошибка в ходе умозаключения, они будут неправильны.

Для того чтобы понять гносеологические корни ошибочного противопоставления понятий истинности и логической правильности, следует прежде всего учесть тот факт, что логика и математика имеют предметом своего исследования не непосредственно наблюдаемые эмпирические, единичные факты, а «абстрактные объекты» вроде

---

[1] *B. Russel.* The Principles of Mathematics. London, 1937, p. 4.

точки и линии в геометрии, которые не являются физическими точками или линиями: точка не имеет размера, у линии нет толщины. Поскольку логика и математика оперируют абстракциями, средством доказательства в этих науках является не наблюдение, измерение, эксперимент, а логическое рассуждение. Например, положение геометрии Евклида о том, что сумма углов треугольника равна 180°, получено не путем измерения суммы углов треугольника, начертанного, скажем, на бумаге, а путем логического вывода из других теорем Евклида.

Далее, следует иметь в виду, что кроме геометрии Евклида существуют так называемые неэвклидовы геометрии, созданные Лобачевским, Риманом и другими учеными. Геометрия Евклида исходит из положения, что к данной прямой в данной плоскости и через данную точку может быть проведена лишь одна параллельная. Геометрия Лобачевского, напротив, допускает, что при указанных выше условиях к данной прямой может быть проведено несколько параллельных. В геометрии Римана исходным пунктом является утверждение, что при тех же условиях к данной прямой не может быть проведено ни одной параллельной.

Соответственно различию постулатов (исходных логических допущений) о параллельных сумма углов треугольника в геометрии Евклида равна 180°, в геометрии Лобачевского она меньше 180°, в геометрии Римана — больше 180°. Неэвклидовы геометрии были созданы в результате замены Евклидова постулата о параллельных другими постулатами и лишь впоследствии обнаружилось заключающееся в них объективное содержание. Это обстоятельство способствовало тому, что весьма сложный, противоречивый процесс развития математического знания был истолкован неопозитивистами *субъективистски*.

Эти философы объявили, что математические теории исходят из произвольных допущений и представляют собой свободное творение математической фантазии, которое якобы ни в малейшей мере не сообразуется с действительностью и целиком основывается на соглашениях (конвенциях) между учеными относительно принимаемого ими исходного логического пункта или определения понятия. Эта неопозитивистская теория получила название *конвенционализма*.

Конвенционалистское истолкование логики и математики совершенно непригодно для объяснения того факта,

что логика и математика имеют практическое значение, что логические и математические теории получают физическое истолкование, т. е. оказываются в конечном счете отражением объективной реальности.

В настоящее время конвенционализм, так же как и неопозитивистская теория верификации, переживает глубокий кризис и подвергается серьезной критике естествоиспытателей, доказывающих на основании фактов, практических данных, что теоретические положения естествознания заключают в себе объективное содержание.

Сейчас неопозитивизм уже не представляет собой такого единого течения, каким он был в период Венского кружка. Поэтому в настоящее время можно говорить лишь о разновидностях неопозитивистской философии, которые восприняли те или иные идеи Венского кружка и пытаются их разрабатывать. Например, весьма близка к неопозитивизму, несмотря на свою полемику с ним, так называемая лингвистическая философия, или «философия языка», весьма распространенная в Англии. Ставя своей задачей анализ преимущественно обыденного словоупотребления с целью изгнания пресловутой «метафизики», эта философия приводит к типичным для неопозитивизма субъективистским и агностическим выводам. Под флагом «прояснения» значения терминов «философия языка предлагает отказаться от употребления таких слов, как «материя», «сознание», «причинность», так как значение этих слов якобы не может быть строго определено.

Представители «лингвистической философии» в Англии ставят некоторые заслуживающие внимания вопросы о природе знаков и символов. Однако их философские выводы не вносят ничего существенно нового в неопозитивистское учение.

Мы рассмотрели главные, наиболее влиятельные современные буржуазные философские учения. Было бы ошибкой не видеть различий между ними, но еще большей ошибкой было бы не замечать их единства как в идеологическом отношении, так и в том, что все они идеалистически решают коренные философские вопросы. Не случайно поэтому, что неотомисты и экзистенциалисты часто солидаризуются с неопозитивистским пониманием науки как системы условных понятий и логических конструкций, лишенных объективного содержания: такое истолкование науки вполне приемлемо и для тех, кто считает действи-

тельность иррациональной, и для тех, кто утверждает, что истина заключается не в науке, а в религии.

Неопозитивисты также зачастую благожелательно относятся к неотомизму и экзистенциализму, указывая, что оба этих философских учения не имеют значения для науки, лишены «научного смысла», но зато обладают якобы глубоким жизненным смыслом. Поэтому неопозитивисты считают экзистенциализм «философией жизни», а неотомизм рассматривают как законное выражение религиозного сознания, которое с точки зрения неопозитивизма не может быть опровергнуто никакой наукой именно потому, что оно не является научным.

Современная буржуазная философия отрицает мировоззренческое значение естествознания и науки вообще, поскольку наука подтверждает и обосновывает материалистическое миропонимание. Современная буржуазная философия является в конечном счете утонченной апологией капитализма, поскольку она отрицает закономерный характер общественного развития, закономерность социального прогресса, существование исторической необходимости, неизбежность перехода от капитализма к социализму и возможность науки о законах развития общества вообще.

Борьба против современной буржуазной философии составляет одну из важнейших задач марксизма-ленинизма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Марксистско-ленинская философия. Диалектиче-
М27 ский материализм. Изд. 2-е, доработ. Ред. коллегия:
А. Д. Макаров и др. М., «Мысль», 1971.
335 с.

В учебном пособии систематически излагаются все основные вопросы диалектического материализма в их неразрывной связи с данными современной науки, с практикой и задачами строительства коммунизма в нашей стране.

1-5-2
8-Б3-25-71 1 М

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Редактор *В. И. Мудрагей*
Младший редактор *В. И. Козловский*
Художественный редактор *М. Н. Сергеева*
Технический редактор *С. П. Лебедева*
Корректор *Т. С. Пастухова*

Сдано в набор 30 июня 1971 г. Подписано в печать 4 августа 1971 г. Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$, № 3. Усл. печатных листов 17,64. Учетно-издательских листов 19,09. Тираж 300 000 экз. А 07153. Цена 54 коп. Заказ № 2168.

Издательство «Мысль».
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28.